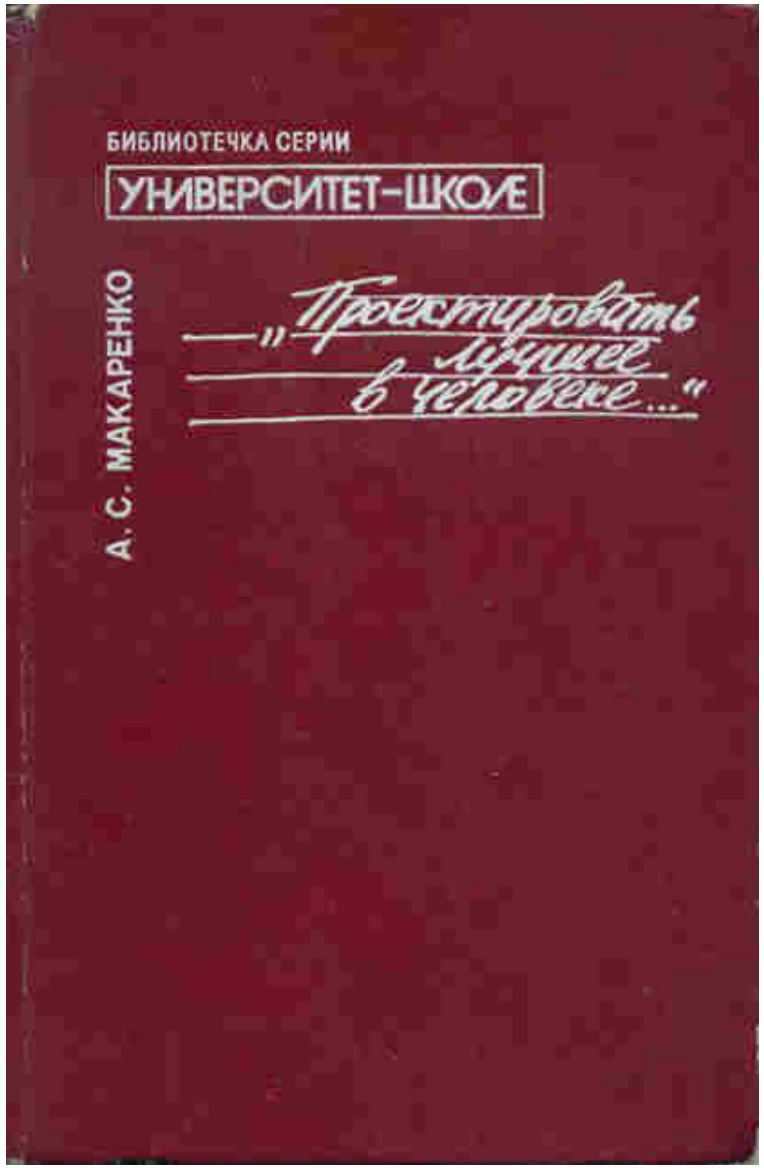

БИБЛИОТЕЧКА СЕРИИ

УНИВЕРСИТЕТ-ШКОЛЕ

А. С. МАКАРЕНКО

„Проектировать лучшее в человеке..."

СОДЕРЖАНИЕ

О некоторых проблемах теории и практики воспитания	**3**
Длительность педагогического коллектива	**17**
Педагоги пожимают плечами	**29**
Опыт методики работы детской трудовой колонии	**39**
Цель воспитания	**72**
Лекции о воспитании детей	**84**
Проблемы школьного советского воспитания	**163**
Проблемы воспитания в советской школе	**271**
Воспитание характера в школе	**276**
Семья и воспитание детей	**280**
Воспитание в семье и школе	**306**
Коммунистическое воспитание и поведение	**342**
Мои педагогические воззрения	**370**
Комментарии	**400**

Минск
«Университетское»
1989

ББК 74.00
М 15

Составитель библиотечки
кандидат психологических наук Т. М. Савельева

Библиотечка рекомендована учёным советом
Белорусского НИИ народного образования

Печатается по изданию:
Макаренко А. С. Педагогические сочинения:
В 8 т. М., 1983. Т. 1; 1984. Т. 4.

Библиотечка серии основана в 1988 году

Авторы комментариев: Л. Ю. Гордин, М. Д. Виноградова, А. А. Фролов

Макаренко А. С.
М15 «Проектировать лучшее в человеке...» – Мн.: Университетское, 1989. – 416 с. – (Б-чка сер. «Университет – школе»). ISBN 5-7855-0239-9.

В книге помещены работы о методологических проблемах воспитания в детском доме, школе, семье: воспитание в коллективе и через коллектив, самоуправление, дисциплинирование, выдвижение перспектив, традиции, решающей роли руководителя и его ответственности за единство педагогических действий; о взаимоотношениях семьи и школы, семейной педагогике.

Для работников народного образования, воспитателей детских домов, студентов – будущих педагогов, родителей.

$М\frac{4303000000-020}{М\ 317(03)-89}45-89$ **ББК 74.00**

Макаренко Антон Семёнович

«ПРОЕКТИРОВАТЬ ЛУЧШЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ...»

Заведующая редакцией *И. В. Смеян.* Редактор *В. В. Сербантович.* Младший редактор *Г. Н. Школьник.* Художник *В. С. Шалимо.* Художественный редактор *С. В. Баленок.* Технический редактор *В. П. Безбородова.* Корректор *З. М. Машкевич.*

ИБ № 1453. Научно-популярное издание.

Сдано в набор 03.02.88. Подписано в печать 19.01.89. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 26,03. Тираж 71 000 экз. Заказ 1175. Цена 1 р. 40 к. Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР. 220048, Минск, проспект Машерова, 11.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

ISBN 5-7855-0239-9

© Издательство «Университетское», 1989

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВОСПИТАНИЯ

I. НАШИ СКРОМНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

В огромном большинстве случаев инспектор, привыкший танцевать от школы, и в детском доме ничего не способен видеть, кроме школьных установок, а всё то, что выходит за границы класса, всё то, что составляет самую сущность детского дома, просто им не замечается[1].

Применение школьных критериев к работе детского дома в настоящее время сделалось обычным и, так сказать, определённой модой. В этом сказывается потеря веры в детский дом как в основное дело советского воспитания. Мечтания и планы 1920 г. сейчас трезво забыты, и детский дом мыслится необходимым до тех пор, пока будут существовать беспризорные. Насколько я помню, в харьковской пятилетке прямо проектируется уменьшение числа детских домов и их воспитанников. Детский дом в таком аспекте есть нечто вымирающее, и, конечно, никакой особенной педагогики для него не нужно. Через пять лет останется два-три детских дома ь больших городах специально для воспитания сирот. Их существование будет определяться только нуждой в призрении, но отнюдь не системой советского воспитания.

Если это действительно так, то вопрос о педагогике детского дома отпадает. Как будто всё идёт к этому. Уж одно то обстоятельство, что почти принципиально не допускается существование детского дома для детей из семьи, что в сотнях наших колониях и детколониях прямо изгоняются семейные дети, что детский дом есть дом обязательно для беспризорных, уж одно это способно поставить крест над нашими педагогическими вожделениями.

Имеем ли мы право, рассчитывая на то, 'что этот процесс умирания детского дома приведёт его к благополучной кончине, забросить вопрос о его педагогике? В 1920 г. мы начали с утверждения, что соцвос может быть только в детском доме, что школа временная форма; мы отвоевали детский дом у собеса, который по прямой житейской логике считал, что сироты и беспризорные его клиенты. В настоящее время наш детский дом по невыясненности своей педагогики, по заброшенности и своей практики и своего

благосостояния, собственно говоря, в значительной мере состоит в собесе. Можем ли со спокойной совестью утверждать, что этот путь «от соцвоса к собесу» нормальный и правильный? Или, может быть, у нас есть ещё возможность надеяться, что мы пойдём по другому пути: «от собеса к соцвосу»? Не рискуем ли мы, забросив педагогику детского дома слишком рано, лет через пять или даже раньше обнаружить, что мы слишком поторопились?

На эти вопросы не может быть двух ответов. Ответ может быть только один: именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее. Вот несколько, вероятно, совершенно очевидных аксиом:

1. Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно пред ставить себе, чтобы в государстве, основанном на плане, стихия воспитания не была в руках государства.

2. Современное советское общество в вопросе о воспитании находится на более сложном положении, чем общество дореволюционное. Царская Россия имела все основания считать своим надёжным помощником в деле воспитания семью, поскольку семья была основным, признанным и закреплённым первичным коллективом в обществе. Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины её крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, если они несут ответственность за воспитание детей. Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна «бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоначалия, к власти одного над другим. Дисциплина в семье была так же необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребёнок обеспечен надолго отцом и матерью. Таким образом, вся архитектоника семьи была приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались.

В нашем обществе мы тоже видим семью, но мы стоим на совершенно иной позиции по отношению к семье. ...Женщина в нашей семье уже не нянька и хозяйка, а прежде всего активный и производящий член общества. ...В семье новой оба компонента равны и свободны, где они оба участвуют в производстве, где они могут в случае необходимости уйти один от другого. ...Старая крепкая

семья с матерью-хозяйкой, с властью отца и отеческим ремнём, может быть, и воспитывает, но наверняка воспитывает не того, кто нам нужен...

3. В таких обстоятельствах можем ли мы хотя бы приблизительно сказать, что у нас вырастает и что у нас вырастет из наших детей. Где у нас гарантия, что из нашего теперешнего детства не вырастут самое наглое шкурное мещанство или растяпы и лежебоки «без царя в голове» и без уважения к себе и другим? И если сейчас в ответ на эти вопросы мы можем только развести руками и повертеть головой, дескать, не знаем, что через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдёт матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная нами в презрении к пелёночной и печной квалификации, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов. Тот первичный коллектив, который раньше выражался в семье, мы [ещё] ничем не заменили, ибо нельзя же таким первичным воспитательным коллективом считать школьную группу.

4. Детский дом, и только детский дом, есть будущая форма советского воспитания. Он, конечно, не может быть даже подобием нынешнего детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной. Нынешняя колония, составленная из брошенных одиноких детей, переживших гораздо больше того, что под силу ребёнку, это, вне всяких сомнений, не вполне здоровое общество, и вполне здоровым даже при геройстве наших педагогов оно уже и не может быть. Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишённым ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель – ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив.

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и, самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребёнку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. Будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе. В самых

круглых цифрах можно предвидеть, что, если всё детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребёнка в детском доме, следовательно, выгодность для семьи помещения ребёнка в детский дом. Кроме того, нужно предполагать, что общественное воспитание будет признано настолько серьёзным делом, что оно будет строиться, подобно нынешнему соцстраху, на принципах обязательного участия в расходах всех. Ибо если в социальном страховании должны участвовать все, то тем более все должны участвовать в расходах по подготовке будущего поколения. Будущее поколение – дело всего общества, а не только тех, кто физически позволил себе роскошь иметь детей.

Во всяком случае, если вопрос о развитии и расширении-сети детских домов есть вопрос только о средствах, принципиальная позиция педагогической мысли по отношению к детскому дому не может быть отрицательной. В последнем счёте даже вопрос о средствах представляется трудным только в смысле единовременных затрат на постройку новых детских домов, самое же содержание ребёнка в детском доме в среднем должно обходиться гораздо дешевле, чем в семье, при гораздо лучшем обеспечении всех его потребностей. Кстати, нужно сказать, что это содержание должно обходиться тем дешевле, чем лучше построен и оборудован детский дом. Правильное вложение капитала и здесь, как и в иных случаях, приносит и больше экономии и больше прибыли.

Впрочем, вопрос о финансовой стороне детского дома не входит в настоящую тему, об этом можно всё же сказать очень много простых и совершенно очевидных истин когда-нибудь в другой раз.

Главное, на что необходимо обратить общее внимание, и в особенности внимание педагогической науки,– это совершенно несомненное положение, что советскому детскому дому, а отнюдь не школе, принадлежит будущее. Замалчивание методики детского дома поэтому должно быть оставлено.

В настоящее время в области разработки педагогических вопросов по отношению к детскому дому, да и вообще по отношению к воспитанию происходит много неладного, если не сказать больше. Схоластическая удалённость нашей науки от педагогической практики, отсутствие определённого научного метода, гипотетичность большинства

теоретических положений, преобладание формы проповеди, крайняя дедуктивность самой логики научной работы и, наконец, целое море удивительно живучих предрассудков – всё это приводит к тому, что в настоящее время у нас в практике нет ни одного совершенно бесспорного положения.

По любому вопросу, даже самому древнему, у нас возможны два мнения, самое меньшее, и очень часто борьба этих мнений решается вовсе не при помощи аргументов, а исключительно благодаря давлению идей и принципов, стоящих вне логики и даже открыто отрицающих право логики на вмешательство. Ни в какой другой науке и ни в какой другой практической работе такую заметную роль не играет чистое «убеждение», т. е. совершенно свободная уверенность в какой-то непогрешимой истине, как в педагогике[2]. Можно привести очень много примеров этой преобладающей априорности, но я остановлюсь на одном, первом попавшемся. Мы, например, все глубоко убеждены, что сознательная дисциплина – благо и что нужно воспитывать именно сознательную дисциплину, а между тем это, безусловно, одно из самых спорных положений, если подходить к нему не с точки зрения непогрешимости педагогической науки[3]. Дисциплина – это производное очень многих влияний и очень многих образований в сфере человеческой личности. Дисциплина поэтому может быть только конечным эффектом всего процесса воспитания...

Но было бы ещё не такой большой бедой, если бы наши недостатки ограничивались только обилием вопросов спорных, даже больше, если бы все вопросы были спорными. В некоторых отделах нашей педагогической мысли очень немного спорят, не потому, что нельзя спорить, а потому, что нет охотников на это занятие. Даже напротив: находится очень много любителей гораздо более лёгкого дела – разводить водой и разливать по многим страницам уже однажды высказанные положения. В практической работе тоже споров мало. Так что, повторяю, беда не в спорах.

Беда в том, что наша практическая воспитательная работа вся состоит из проблем, над которыми вот уже десяток лет работают многие тысячи людей: воспитателей, инспекторов, инструкторов. Для нас это всё действительные проблемы, и пока что проблемы проклятые, и, несмотря на это проклятие, всё же проблемы педагогические. Они таковы как раз потому, что мы прекрасно видим, что в их разрешении весь залог успеха.

Но этими как раз проблемами наша теория и наша литература совсем не занимаются или занимаются очень мало.

Отчего это происходит? Отчего то, что для практиков составляет главный вопрос, не составляет никакого вопроса в теории? Ведь если в практической медицине вопрос о лечении рака один из главных, то таков же он и в медицинской теории. В педагогике же наш главный вопрос не является ни главным, ни второстепенным, вообще никаким в педагогической «теории».

Вот почему для нас, практических работников, даже трудно решить, что же это такое – педагогическая «теория». К нам приходят новые товарищи, только что окончившие вуз, только что освоившие педагогическую теорию, и они нам не приносят ничего нужного, никакой новой струи не вливают в наши застоявшиеся реки. В течение двух-трёх лет они на наших глазах забывают эту самую – теорию и постепенно приучаются полагаться больше на эрудицию, здравый смысл и житейский опыт, и в то же время они вместе с нами возятся с нашими проклятыми проблемами, которые где-то там повыше не считаются ни проклятыми, ни педагогическими, ни даже проблемами.

Значит ли это, что мы отрицаем педагогическую теорию, а пожалуй, даже и науку?

Нет, это только значит, что мы заявляем несколько самых скромных желаний.

Несколько самых тихоньких воззваний к педагогической науке и к педагогической литературе.

1. Мы просим те вопросы, которые крайне важны и которые давно торчат перед нашими практическими глазами, без решения которых мы не можем шагу ступить в педагогической работе, считать педагогическими и присвоить им звание проблем, почётных педагогических проблем.

2. Мы просим вообще считать педагогику наукой, которая нужна прежде всего нам, практическим работникам, и которая для нас специально существует, и про сим не считать, что мы и наши воспитанники существуем для педагогической науки. В наших школах, например, сплошь и рядом можно наблюдать, что не комплекс существует для учеников, а ученики для комплекса.

3. Мы просим, наконец, чтобы то, что называется педагогической наукой, стояло в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пяти летке, и к индустриализации, чтобы и вся наша работа не сидела на берегу, глядя, как мимо нас проносится

широкая река жизни, а мы в это время сидим на берегу, колотим себя кулаками в грудь и кричим:

– Мы тоже с вами, честное сознательное слово, с вами, ей богу, с вами!

Вот наши скромные пожелания.

В ответ на них мы готовы выслушать возражения.

Такие:

1. Ничего подобного и даже наоборот.
2. Наша наука самая революционная, самая индустриализационная.
3. Мы существуем только для нужд практической педагогики, и кто в этом сомневается, тот, значит, с нашей наукой не знаком и вообще человек подозрительный.
4. Вообще ничего подобного.
5. Все эти скромные желания – это отрицание соцвоса, это ревизия соцвоса, это недопустимо и это кустарничество.

(К слову сказать, кустарничество – есть самое ругательное слово в педагогике, по своему ругательному значению равное приблизительно словам «мове тон».)

Вот какие возражения. Я их не выдумываю, потому что я их уже слышал много, много раз. Но ведь это не возражения... Это заклинания. Я не отрицаю, что, как член педагогического общества, тоже боюсь заклинаний, не потому, что верю в их реальный смысл, а потому, что бывает на свете и панический страх.

Но соцвоса мы не отрицаем. Напротив, как раз мы являемся теми людьми, которых Гринько[4] называет подвижниками соцвоса. Как раз наш советский соцвос мы считаем одной из самых прекрасных мыслей человечества, но мы требуем и желаем, чтобы был соцвос, а не разговоры о соцвосе, не спекуляция на соцвосе. О соцвосе, между прочим, можно очень много говорить, и у нас бы нашлось много доказательств, что соцвос извращается не по вине практических работников. Но сейчас не нужно этого специально говорить, потому что всё, что написано выше и ниже, и есть как раз защита идей соцвоса.

В доказательство же того, что мы говорим правду, мы перечислим несколько наших практических проблем (не знаю, дано ли мне разрешение называть их ещё и педагогическими?).

Итак, я пересиливаю панический страх и приступаю к этому перечислению. Но предупреждаю, что всё то, что говорится ниже, ни в какой мере не выдумка, что эти проблемы действительно существуют не у одного меня.

Я их извлекаю из тысячи моих встреч с работниками детских домов и из сотен наблюдений над детскими домами. При этом в моём перечислении не будет никакой системы и никакой обстоятельности. Только назову и кратко охарактеризую некоторые очень немногие вопросы, разрешение которых должно принадлежать педагогике, для того чтобы детский дом мог выполнить свою огромную задачу, ещё более огромную и ответственную задачу в будущем, и приведу только вопросы примерные, все проблемы нашей работы не могут вместиться на территории одного печатного листа.

ВОСПИТАТЕЛЬ

Действительно, проблема почти не педагогическая. Даже странно, что же это – в педагогике завести особый отдел о воспитателе? Да, наконец, и о воспитателе пишется немало.

Наудачу достаю с полки одну из книг по педагогике. Я могу это сделать наудачу потому, что во всех книгах по педагогике о воспитателе говорится приблизительно одно и то же. У меня в руках «Основы и практика социального воспитания» Н. Н. Иорданского[5]. На тех немногих страницах, которые посвящены воспитателю, повторяются о нём обычные мысли. Среди них выделяются две идеи, определяющие и направляющие, с точки зрения педагогики, работу воспитателя.

Прежде всего воспитательская проблема разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику. «Живое отношение» является фундаментальным камнем воспитания, без которого никакого здания нельзя построить. Воспитатель в каждый момент своей работы должен стоять перед воспитанником или перед коллективом детей с обнажённой собственной личностью, и его работа не представляется иначе, как растрачивание его личности. Кратко эта позиция воспитателя характеризуется: «Воспитатель должен быть просто человеком».

Впрочем, за этой формулой меньше всего простоты. Это именно не просто человек, в простоте своей совершающий определённую работу, это человек, главным инструментом которого является его собственная человечность. Только орудуя своими живыми нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребёнка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребёнка или в душах нескольких детей. Здесь вообще функционируют

души («...душу воспитателя нельзя поделить», с. 175), а не реальности. В соответствии с этим и как это обычно было принято в педагогической литературе слово «воспитатель» ставится только в единственном числе. Иначе и быть не может при условии работы обнажённой воспитательской личности. «У педагога объект его работы – живая личность человека»,– говорит Иорданский (с. 177). Как это далеко стоит от самой стихии коллективного воспитания! И всё-таки это оказывается «основами социального воспитания».

Вторая идея, впрочем, необходимо вытекающая из первой,– это идея подвига воспитателя.

Иорданский говорит: «Педагогическая работа – подвиг, так представляли мы её на школьной скамье. И в это старое, глубоко ценное и дорогое нам, людям прошлого, понятие хотелось бы, впрочем, внести кое-какие поправки».

Как видим, только поправки. В результате после этих поправок всё же остаётся подвиг в тех или иных формах. Иорданский говорит о нём на каждой странице, иногда прямо от себя, иногда сочувственно цитируя того или другого автора. Вот:

С. 176. «Воспитатель. Сколько жизненного опыта, силы воли, любви и веры связано с этим словом».

С. 179. «Сурово взглянул любимый учитель, и это часто заставляет ребёнка задуматься».

С. 180. «Нужен энтузиазм, глубокая вера в свои способы воспитания».

С. 182. «Живое влияние любви в коллективе делает чудо. Нужно уметь это чудо вызвать и сделать».

«Своим добрым сердцем он заставит каждого мальчика почувствовать, что ни одного мальчика он не уважает так, как его».

С. 186. «Сердце у воспитателя должно быть полно глубокой любви к тому конкретному ребёнку, с каким ему приходится иметь дело, хотя бы ребёнок этот был испорчен чрезвычайно, хотя бы он причинил ему очень много неприятностей».

Как далеки все эти мысли о воспитателе от серьёзной деловой постановки вопроса! Сердце воспитателя объявляется единственным регулятором его работы. До какой степени это подвижническое служение сердца делается основанием воспитательского труда, можно судить по таким словам Н. Н. Иорданского:

«Важно для педагога, я скажу даже обязательно, направить свою деятельность в области социального воспитания так,

чтобы, увлёкшись улучшениями и изменениями детской обстановки, он организационное внимание обратил бы на то, что сильнее всего его самого интересует, ближе для его души, духовному его складу и настроению. Если сердце его не лежит, например, к узкоэкономическим интересам детей (детская касса, кооперация, счетоводство) просто потому, что он сам не привык придавать значение этой именно области жизни, то навряд ли следует ему браться за них. Ребёнок быстро поймёт фальшь и неискренность его тона».

Спросим теперь, что же у нас останется от социального воспитания в условиях такой диктатуры сердца? На каждом шагу мы встречаем личность педагога-энтузиаста, «доброе сердце» которого полно любви к самому испорченному ребёнку и который поэтому сам всегда именуется не иначе, как «любимым учителем». Атмосфера влюблённости и любви, разве это не та атмосфера, которую хотели завести в институтах благородных девиц и которую, конечно, не завели? И мы в наш век социальных революций идём даже дальше благородных девиц, доброму сердцу педагога предоставляем право даже выбрать «по симпатии» ту область, которая сделается основным фоном опыта и развития ребёнка. Спрашивается, между прочим, какой букет можно спроектировать, если, предположим, в детском доме десять воспитателей. Их добрые сердца, их личные подвиги в какие десять сторон растащат несчастный детский коллектив?

Что думает Иорданский и другие о коллективе воспитателей, мы не можем даже представить, потому что они видят перед собой только измождённое лицо подвижника-педагога. Тем не менее Иорданский полагает, что работа всех этих припадочных добрых сердец приведёт к чему-то толковому. Достижения выражаются тоже в таких терминах, что читать всё это невозможно без слёз:

«Эта работа даст нужный рассеянный без теней свет, ровно разливая его среди многих, пока ещё обездоленных детей, тех детей, которые уже имеют право на счастье, на солнце, на радости жизни. Ровными волнами лучистое это тепло, расширяясь всё дальше, действительно сделает их детьми солнца».

Товарищи, ну зачем же такие слова! Ну разве же можно такие вещи говорить десяткам тысяч наших воспитателей и учителей? Что они должны сделать под влиянием этой проповеди? Если они честные люди, им остаётся только одно: подать заявление об увольнении и искать места в кооперации.

Между прочим, как бездоказательна подобная литература, так же могу быть бездоказателен и я и утверждать, что результаты будут иные. Рецептура доброго сердца только в некоторых случаях приведёт к действительному подвигу, в большинстве же случаев она приведёт к излюбленному нашему интеллигентскому ханжеству.

Она, эта система, обязательно скоро осложнится конкуренцией добрых сердец, гнусной борьбой за симпатии детей, за титул «наиболее любимого учителя». Физиономия сердца, на одной своей стороне добрая и любящая, вторую щёку свою сведёт в судорогу злобы и зависти по отношению к коллеге, перещеголявшему всех в хитроумном своём педагогическом подвиге. А ведь у каждого педагога найдутся грешки и слабости, удобный фон для развенчивающей агитации.

И не будет никакого ровного рассеянного света у «детей солнца». Выйдут из них молодые старички с постоянной маской любви и добродетели на физиономии, лживые и хитрые эгоистики, привыкшие подрабатывать на выражении своих чувств и похвальных мыслей. Впрочем, это всё к слову. Нет никакой надобности спорить с Н. Н. Иорданским.

Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчёте на добрые сердца, энтузиазм и пр. В нашем распоряжении имеется и будет иметься только средний воспитатель, член профессионального союза и кооператива, обладающий обычными человеческими чертами. (Я тоже возглашаю: воспитатель – тоже человек.) Между прочими его чертами я отличу такие: он обладает средними способностями, но интересуется наукой и литературой, политической работой. Впрочем, не прочь сразиться и в футбол или шахматы, пойти в театр, поесть мороженого, а если он мужчина, то выпить бутылку пива с приятелем.

Вступивши воспитателем в детский дом, он хочет честно работать, но получить большее вознаграждение и обязательно двухмесячный отпуск. К тому же он или она обязательно в кого-нибудь влюбится. Им захочется вечер провести вдвоём в парке или зимой в тёплой комнате. Потом и женится, во всяком случае обзаведётся женой или мужем, комодом, книжной полкой и буфетом и, наконец, собственным ребёнком, который обязательно представляется ему несколько лучшим по сравнению со всеми прочими ребятами на земном шаре. Можно с некоторой долей вероятности допустить, что имеется не один такой хороший

ребёнок, а два или три, и каждому необходимо по установленной норме бельё, капоры и ботинки. Всё это перемежается с фактами работы, приносящей то удовлетворение, то разочарование, но одновременно и с фактами служебных неприятностей, внутриколлективных антипатий, товарищеских ужинов, лечения аппендицита, пломбированием зубов и переводами на лучшую службу...

Не ясно ли, наконец, что мы имеем право подойти к нашему делу, как к производству, и посмотреть на воспитателя, как на рабочего, которому вверяется серьёзная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но всё же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость.

Мы имеем право так поставить вопрос, но мы и обязаны его так поставить. Если нам докажут, что воспитание возможно только в меру наших упований на реагирование личности педагога и на его преждевременную героическую кончину (потому что, какова же может быть длительность жизни воспитателя, по Иорданскому, кроме как максимум 35 лет), то нам останется махнуть рукой на воспитание, мы его не сможем организовать просто за недостатком личностей, желающих «влектися на заклание». Это во-первых. Во-вторых, мы деловым образом обязаны поставить вопрос ещё и потому, что вокруг нас на каждом шагу видим детские дома и колонии, не только не наполненные сгорающими личностями и любимыми учителями, но, напротив, обслуживающиеся самыми средними людьми...

И в порядке естественного приспособления к процессу производства, к его реальным условиям, среди этих обыкновенных людей зарождаются организационные идеи, идут чисто производственные поиски, находятся стремления осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно и позволит им делать порученное им дело, и не потребует от них самих нечеловеческого напряжения.

Нужно подчеркнуть, что эти поиски ещё очень несовершенны, ещё очень далеки от науки. Не находится учёный ум, который бы синтезировал опыт, дал ему систему и толчок для развития. Тем более велика трудность этих большей частью бессознательных начинаний, что рядом с ними стоит признанная педагогическая наука с горящими глазами и растрёпанной шевелюрой, призывающая к

чудесам. Так, как разрешается педагогическая проблема у Иорданского, мы не только не можем разрешать, но нам это, очевидно, и в голову не может прийти.

У нас проблема воспитателя выражается, конечно, в других формах. Привезли в колонию револьверный станок. Квалифицированная воспитательница спрашивает:

– Привезли револьверный станок? А что, разве мы будем револьверы делать?

Да что револьверный? Наши воспитатели не знают, что такое торговый дюйм, калькуляция, метчик, шкив, какая разница между болтом и гайкой. Воспитатели совершенно не разбираются в вопросах организации труда, они не знакомы с условиями стандартной работы, они не имеют вообще никаких мыслей и знаний, касающихся производства, им не знаком чертёж и рисунок, на готовальню они смотрят, как на набор зубоврачебных инструментов, они могут серьёзно напасть на мальчика за то, что он неохотно работает в машинном отделении деревообделочной мастерской, но они совершенно неспособны себе представить, сколько требуется силы и напряжения, допустим, на долбёжном станке. Они не видят никакой существенной воспитательной разницы между сапожной мастерской и слесарной, они не могут решить вопроса, нужно ли мальчику дуть меха в кузнице или для него это лишнее.

А между тем они всё-таки воспитатели в детском рабочем коллективе. Пока ребята работают в мастерских, воспитателям нечего делать, в мастерские они и заходить боятся. А когда уставшие ребята к вечеру должны, казалось бы, отдохнуть, педагоги нападут на них в полном вооружении своей науки, и тут уже ребятам пощады нет. Кого уговорят, кого устыдят, кого придавят при помощи дисциплины, во всяком случае обязательно усадят на какое-нибудь заседание, а потом ещё и обижаются:

– Наши ребята ничем не интересуются. Я им читаю о феодализме, а они спят, а когда кончила, так и сон прошёл, все моментально в саду.

Воспитатели кое-что понимают в организации кружков, специальных знаний о клубной работе среди детей у них нет при самой высокой квалификации. Наш иновец[6] если может организовать кружок, то обязательно или литературный, или драматический, да и в литературном кружке не знает толком, какую литературу нужно предложить ребятам.

Ребята хватаются за приключенческую, а воспитатель,

воспитанный на лучших традициях, суёт им Тургенева. Правильно это или неправильно, проблема это или не проблема? А если не проблема, то что?

Вечером собирается оркестр. Кое-кто из ребят танцует вальс. И опять педагогическая проблема: можно вальс танцевать или нельзя. А если нельзя, то запретить будет педагогично или непедагогично?

Так и вертится воспитатель среди множества различных проблем. Неудивительно, что очень скоро огромное большинство воспитателей опускаются на обыкновенное и не очень храброе надзирательство. Скучно ходить по коридорам и мешать ребятам заниматься своими делами, а при возможности постарается удрать с дежурства, вот до какого падения сплошь и рядом опускается педагогическая деятельность. Неужели и это не педагогическая проблема?

Но вот проблема – не отдельный воспитатель, а воспитательский коллектив. Советское воспитание может быть делом только коллектива воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику в детском доме. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь к себе лично со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива.

Но что мы знаем о педагогическом коллективе? Сказано ли о нём хоть одно слово? Если нужно составить педагогический коллектив, то должен ли он составляться по формуле А, Б, С, О или по формуле А, А, В, К и почему по той или другой? Чем, наконец, определяются свойства педагогического коллектива? Военные очень хорошо знают, каков должен быть состав роты или какого-нибудь штаба, инженеры тоже прекрасно знают, из кого составить ту или иную бригаду. У нас этого ничего не знают. Кто-то, где-то, почему-то решил, что на каждые десять воспитанников должен быть один воспитатель и что он должен якобы работать 30 часов в неделю...

По этим правилам в старой Куряжской коммуне на 400 детей было 40 воспитателей. Не только дети, но и они сами не знали, как друг друга зовут. И заведующий и дети не знали, что делать с этой толпой. Дети, впрочем, нашлись: они стали их просто обкрадывать. Некоторых обокрали по два-три раза. Воспитатели перебрались в город и стали приезжать только на дежурства с небольшим саквояжем, в котором подушка и мыло.

Чем были наполнены 30 часов работы этой толпы?

Главная работа – заседание педсовета, месткома, общее собрание. Главные вопросы: склока, отпуск, жалованье, перегрузка, компенсация, жалоба и.опять склока.

А чем должны быть наполнены эти 30 часов?

И при всей трудности жизни этих несчастных людей нужно признать, что ни 30, ни 130, ни 3, ни сколько угодно часов их работы никому не были нужны – ни детям, ни обществу. И может быть, три настоящих живых человека, может быть, даже без педагогической подготовки, хорошо оплаченных и охранённых от издевательств тех же самых детей, дали бы и детям, и обществу гораздо больше и при гораздо меньших затратах. Это проблема или не проблема?

Это не педагогическая проблема только в том случае, если сознательно закрыть глаза и не видеть, что такой коллектив 40 воспитателей вовсе не случайность, что он не единственный, что в лучшем случае наши воспитательские толпы надзирательствуют и кое-как занимаются в плохонькой школе, что ни подготовка, ни организация педагогических коллективов, ни трудовые расчёты, ни рекомендуемая им методика, ни педагогическая литература, которую они читают, в самом существе и в своей логике не назначены для советского воспитания.

Проблема воспитателя у нас находится сейчас в таком положении, что её можно характеризовать очень кратко: советского воспитательского коллектива у нас нет, мы не знаем, каким он должен быть, и мы не имеем никакого понятия, откуда он у нас возьмётся и на чьей обязанности лежит его спроектировать.

ТРУД, ХОЗЯЙСТВО, ПРОИЗВОДСТВО

Это вторая из многих проблем.

Она, я надеюсь, станет ясной из следующего краткого рассказа о моём опыте.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Не странно ли это, что нигде – ни в педагогической литературе, ни в наших руководящих циркулярах, ни на съездах, ни на конференциях,– никто и никогда не поднял вопроса о длительности педагогического коллектива. И в то же время на каждом шагу несчастный организатор детского дома, всё тот же великомученик заведующий и всё

тот же замотавшийся и потерявший давно не только педагогическую, но и обыкновенную человеческую голову инспектор ни от чего так не страдают, как от малой длительности педагогического коллектива.

Вопрос о длительности педагогического коллектива – это, конечно, не только вопрос о временном измерении работы педагогов. Это именно вопрос о коллективе. Невозможно даже говорить о коллективе, если не предполагать хотя бы минимальной длительности его работы. Нельзя говорить о коллективе, если с самого начала не допустить, что вот люди для чего-то собрались, для чего-то объединились, больше того – они проводят работу коллективного воспитания.

Но допустите это... пусть даже не в смысле педагогического соображения, а в простом смысле соображающего человека, то как вы можете рассчитывать на какой-нибудь; даже минимальный, толк от работы педагогов, если каждый из них в этом несчастном детском доме только и думает о том, чтобы поскорее удрать куда-нибудь в город, школу, в кооперацию, в вуз, выйти замуж. Если все эти люди только пересиживают лихую годину, чтобы при первой возможности попробовать свои силы на каком-нибудь новом поприще. Постоянные склоки в персонале, плохая оплата труда, тяжёлое моральное состояние детского общества, постоянные оскорбления и издевательства со стороны воспитанников, а также и отсутствие спайки между товарищами – всё это вполне законным образом влечёт каждого работника при первом же удобном случае покинуть колонию или детский дом и искать более человеческой рабочей обстановки.

Длительность педагогического коллектива должна сделаться одной из главнейших забот наших администраторов и организаторов социального воспитания. Нужно, чтобы эти лица, наконец, поняли, что как раз в этом пункте и решается половина всех вопросов советской педагогики, а вовсе не в разглагольствованиях «о сублимации половой энергии». Если нет длительного, крепко сбитого коллектива педагогов, то в детском учреждении не только половая энергия не сублимируется, но, «наоборот», всякая иная энергия переходит в половую, да и среди самих воспитателей с этой стороны получается довольно-таки неблагополучно.

Нужно приступить к серьёзному изучению этого вопроса и к его регулированию.

Длительность педагогического коллектива может быть

легко измерена и в абсолютном, и в относительном значении по сравнению с длительностью детского коллектива.

К примеру возьмём колонию им. М. Горького.

К последним числам августа 1928 г. здесь был такой педагогический персонал:

Воспитателей	с 8-летним стажем работы в колонии	3
	со стажем 7 лет	2
	» 5 »	1
	4 года	1
	» 3 »	1
	» 2 »	6
	» 1 год	3
	без стажа	2
	Всего.	19

Нетрудно высчитать, что средний стаж (по колонии) одного воспитателя – 41 месяц. Коллектив воспитанников в то же время давал такую картину:

Стаж 6 лет	2
» 5 »	3
» 4 года	8
» 3 »	39
» 2 »	97
» 1 год	171
Без стажа	80
Всего.	400

Средний стаж одного воспитанника – 16,23 месяца. Таким образом, отношение между средним стажем одного педагога и средним стажем воспитанника – 2,53.

В августе в колонии оставил [работу] почти весь старый персонал [1]. В настоящее время картина воспитательского стажа воспитателей такова:

с 5-летним стажем	1
» 3 »	1
» 2 »	4
» 1 годичным	3
Без стажа	11
Средний стаж	12 месяцев

Если принять, что стажное положение детского коллектива осталось прежнее, то среднее отношение между длительностью педагогического коллектива и детского коллектива теперь равно 0,73.

Состояние коммуны им. Дзержинского на 1 января 1929 г. таково:

Воспитателей	со стажем 12 месяцев	6
	» 6 »	1
	» 3 »	3
	Всего.	10

Средний стаж – 8,7 месяца.

Состояние стажа коммунаров-дзержинцев:

Стаж 12 месяцев	72
» 9 »	18
» 6 »	28
» 3 »	12
Без стажа	20
Всего	150

Средний стаж – 8 месяцев. Отношение длительности коллективов в коммуне дзержинцев 1,1.

При таком способе подсчёта длительности коллектива нас, собственно говоря, должны интересовать относительные цифры, в приведённых примерах для колонии им. Горького цифры 2,53 и 0,73, а для коммуны им. Дзержинского 1,1. Такие числа, показывающие отношение длительности педагогического и детского коллективов, я предлагаю назвать коэффициентом педагогического коллектива.

Вероятно, не будет большой ошибкой, если мы признаем, что длительность педагогического коллектива, меньшая по сравнению с коллективом детским, т. е. коэффициент меньше единицы, должна рассматриваться как отрицательная величина.

Действительно, весь коллектив педагогов какой-нибудь колонии, хотя бы и той же, горьковской, в настоящее время даже при небольшом стаже работы по колонии может, допустим, состоять из работников очень ценных, может даже быть крепко спаян, что вполне возможно и при молодом коллективе, если он подобран по системе местного выбора, если он даже воодушевлён для большой работы. Но и при всех этих данных такой коллектив не способен будет преодолеть немедленно многих препятствий, которые возникнут как последствие самого факта его малой длительности.

Прежде всего средняя длительность детского коллектива будет больше длительности коллектива педагогического. Новый коллектив педагогов, попадая в уже сложившееся общество воспитанников, встретит в нём множество привычек, воспоминаний о прежних работниках, традиций, наконец, вполне заслуженное самочувствие «стариков», свободное внимание к новеньким воспитателям. При малейшей оплошности вся эта обстановка обязательно должна привести к конфликтам, разрешение которых требует иногда прямо-таки змеиной мудрости и такта.

Именно поэтому так мало случаев, когда запущенное, совершенно расстроенное детское учреждение поправляется от назначения нового персонала. Ему нужно состоять из слишком способных и тактичных людей, чтобы что-нибудь сделать.

Поэтому длительность педагогического коллектива должна быть всегда предметом особенного внимания организатора. Для тех, кому цифровые отношения не представляются убедительными, можно привести множество иных доводов против той скоротечности педагогических коллективов, которая наблюдается вообще в наших детских учреждениях. Я предпочитаю всяким словесным доводам и утверждениям вышеприведённую систему коэффициентов, поскольку в этой системе для меня наиболее убедительными являются коллективные единицы измерения. Но если нужны словесные изображения, то вот они.

1. В жизни трудовой колонии огромное значение имеет хозяйственно-организационная опытность воспитателя, знакомство с хозяйственным окружением и хозяйственны ми условиями данной колонии. При отсутствии у нас какой бы то ни было хозяйственной подготовки воспитателей в детских воспитательных учреждениях, при излишней привычке воспитателей к болтовне эта хозяйственная и организационная опытность, поскольку она слагается в процессе работы в колонии, и притом в процессе работы целого коллектива, имеет огромное значение, которое я бы не променял ни на какие словесные проповеди и фокусы. Колония есть производственная коммуна, обязанная бога тёть, и хозяйственно-правильная работа воспитателя есть 50 % успеха.

2. Только воспитатель, осевший на месте, переживающий свою связь с колонией как нечто серьёзное и длительное, как эпоху в своей собственной жизни, а не только как эпизод, только такой воспитатель способен что-нибудь сделать. Те же гастролёры, которые пересиживают в детском учреждении тяжёлые времена (до окончания вуза, или до выхода замуж, или приискания лучшего места), все они приносят только вред. Тогда колония – вокзал, где толпа переселенцев, где все куда-то едут и даже вещей не распаковывают. Кто не видел этих людей, обставленных потёртыми чемоданами, свёртками в газетной бумаге и не имеющих собственной подушки из принципа. Их энергия тратится на чтение романов, писание длинных писем, беганье в город к знакомым и на разглагольствование. В квартирах у них «парижский жанр» и мухи.

Хороший воспитатель должен обязательно быть оседлым человеком... Он крепко усядется в своей квартире, повесит занавески, откуда-то притащит хорошую лампу и выйдет к ребятам сияющий и довольный, что он так хорошо и основательно устроился. Он уже не может не чувствовать, что он часть колонии. Каждое разбитое в колонии стекло, каждое маленькое происшествие есть происшествие и в его жизни. Тут уж из него верёвки вей, выражаясь тривиально.

Гораздо хуже, если он на другой день после приезда, не познакомившись даже как следует с ребятами, спешит в село производить какую-то общественную работу (которая ему нужна для какого-то стажа), через день он не присутствует на вечернем дежурстве, потому что присутствует на каком-то собрании, окончив дежурство, летит (немедленно, без обеда) по каким-то делам в город, а на новое дежурство прибегает усталый и с опозданием на десять минут и сразу же начинает врать, что у него часы расходятся с колонийскими. На заседаниях педсовета его никогда нет, отдельных поручений он просто не исполняет, а через три месяца просит на три дня отпуск (он даже согласен без сохранения содержания) и... не возвращается. В непродолжительном времени иногда можно узнать, что он уже инспектор соцвоса.

3. Только длительно сохраняющийся коллектив создаёт множество крепких и часто оригинальных связей со старшими колонистами, создаёт тот единый коллектив, который так нужен. Не наблюдавши лично, трудно себе представить те полные прелести отношения, которые создаются между воспитателями и воспитанниками с одинаковым трёх-четырёхлетним стажем. Эти отношения не могут быть замечены никаким ревизором или инспектором, потому что они лишены кричащих форм, подчёркнутых выражений. Эти отношения спокойны, уверены в себе. Пережитый вместе опыт, нужда и напряжение, радости и улыбка – всё это роднит людей, так же как и работа. Если такие друзья иногда и поссорятся, то и в ссоре остаётся уважение друг к другу. Помирить их очень нетрудно.

– Как вам не стыдно, старые колонисты.

Но говоря о длительности коллектива, необходимо отметить и отрицательные явления как последствия чрезмерной длительности.

Конечно, это прежде всего персональное одряхление отдельных работников. Всё живое отживает, и какой-нибудь воспитатель с 20-летним стажем по колонии далеко

не будет украшать собой коллектив, хотя и отразится самым благоприятным образом на коэффициенте его длительности.

Но в менее солидных количествах излишняя длительность коллектива должна отразиться вредно на его качестве.

Прежде всего в сердце отдельного работника излишняя продолжительность работы в одном и том же детском учреждении создаёт привычку, чрезмерную механизацию работы, наконец, просто усталость. Это можно назвать омертвением живых педагогических тканей. Ниже я буду говорить о механизации педагогического дела как о явлении положительном и полезном, но эта механизация всё же должна предполагать присутствие воспитателя как живого деятеля.

Омертвение живых педагогических тканей есть прямое и естественное следствие узкой специализации, складывающейся привычки к ограниченному кругу впечатлений, к точно обозначенным путям реакций.

Трудно определить грань между полезными и вредными явлениями как следствиями механизации, но всё же необходимо установить наличие вредных педагогических ферментов, проистекающих из явления длительности коллектива. Это вовсе, конечно, не значит, что каждый работник с большим стажем обязательно приносит с собой вредное действие указанных ферментов. Положительные качества опытного работника будут полезны в колонии, но целый коллектив необходимо должен иметь в своём составе и молодые, пусть даже и совершенно неопытные, силы. Так и в материальном производстве было бы совершенно невыгодным иметь весь состав рабочих только высшей квалификации. В общем процессе производства значительное количество функций требует как раз малоквалифицированной рабочей силы. Так и в педагогическом коллективе излишнее обилие слишком опытных педагогов будет просто производственно невыгодно.

Правда, у нас ещё не установлено разницы в зарплате между опытным и неопытным работником и со стороны финансовой мы как будто не вынуждаемся к такому экономному расходованию квалифицированной рабочей силы, но ведь и в материальном производстве в определении характера рабочего коллектива имеет значение только финансовая логика: просто высококвалифицированный рабочий на чёрной работе даст меньше эффекта, чем чернорабочий. В педагогическом же коллективе есть ещё и

специфические условия, вытекающие из самого характера воспитательного процесса.

Дело в том, что нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать. Пожалуй, это та самая самодеятельность, о которой давно уже наговорено много хороших слов.

Прекрасная эрудиция педагогов, их умение найти решение, найти и обозначить условия, ничего не пропустить и нигде не переборщить – все эти весьма нужные способности педагогов, если они проявляются в избыточном количестве, создают солидные пределы самодеятельности воспитанников.

Вот иллюстрация.

Дежурный обход. Дежурство в руках старого воспитателя. Пекарня.

– Почему у вас хлеб запаздывает?

– Дрожжи поздно купили.

– Я не понимаю, для чего вы покупаете дрожжи. Вы каждый день выпекаете по 20 пудов хлеба, вы должны иметь свои дрожжи.

– Да мы давно говорили, но завхоз никак не хочет купить хмелю.

– Как вам не стыдно врать. У нас целый огород хмелю. Слушай, Петро, сейчас же пойди и нарви. Я вам расскажу, что нужно делать.

Приводится в движение вся организация пекарни (15-й отряд), в это движение совершенно механически втягивается и завхоз (воспитанник), кладовщики, агрономы, помагрономов, огородники, многие персонажи колонии, кто переругиваясь, кто весело, кто безразлично, направляют свои действия к единой цели, к созданию постоянного запаса дрожжей.

Когда уже дело приближается к желанной цели, в 15-м отряде начинают сомневаться:

– Это вы придумали, Елизавета Фёдоровна, а оно будет плохо. Дрожжи эти такие будут, что хлебу два дня подходить придётся.

Дежурство начинает «входить в запарку».

– Что вы мне рассказываете? Что, я сама не делала этих дрожжей? Вы просто разленились здесь, в пекарне, подумать ни о чём не хотите.

Через некоторое время имеется запас дрожжей. Царит мирное удовлетворение. Командир 15-го добродушно беседует с Елизаветой Фёдоровной, которая уже не дежурит и вследствие этого может с ним разговаривать «без запарки».

– Хорошо, что вы нас нагнали. Я давно уже думал, что надо сделать дрожжи, а то без дрожжей просто пропадали, каждый день не навозишься: то забыли, то дорога плохая, то денег нет.

Елизавета Фёдоровна улыбается. Всё пришло в равновесие. Есть дрожжи, но самодеятельности, увы, было мало.

Педагогическая наука ничем так не была заинтригована, как секретом самодеятельности. Передовые педагоги столько говорили об этой самодеятельности, она уже всем так приелась, что даже отсталые педагоги в неё уверовали.

На практике эту самодеятельность проводить было прямо геройским подвигом. Педагогическая опытность выпирала из педагога

без всякого его намерения, и остановить её было очень трудно.

Всё же многие ухитрялись это делать, правда, при помощи некоторой эквилибристики.

Педагог вдруг прикидывается дураком: ничего он не умеет и ничего не знает. Воспитанники тоже воробьи стреляные и охотно идут навстречу педагогической премудрости.

Прикинулся педагог ничего не знающим, и сладко у него на душе. Его наполняет блаженством сознание, что он сейчас будет вызывать самодеятельность. Он не просто делает, как человек, ничего не понимающий в педагогике. У него в руках метод, подумайте, метод, слово какое замечательное. Он хитро улыбается и подмигивает в сторону притаившихся ребят.

Ребята самым самодеятельным образом стараются доставить удовольствие этому чудаку: как ни умело педагог орудует своей физиономией, всё же они видят, где притаилось настороженное беспокойство: а вдруг ничего не получится из фокуса.

– Иван Иванович, так нет же дрожжей, Михаил Павлович не купил в городе.

– Ну что ж, нет дрожжей,– значит, колония будет сидеть без хлеба,– с деланным равнодушием говорит педагог, а у самого сердце замирает от радости: вот сейчас начнётся самодеятельность.

Хлопцы, угнетённые перспективой сидеть без хлеба, всё же решают, что спешить с самодеятельностью нечего.

– А разве нельзя так покупать дрожжи, чтобы они всегда были? Что Михаил Павлович забыл купить, так кто же виноват?

Педагог видит, что наступил момент. Он ходит ферзём. – А разве нельзя как-нибудь иначе придумать? Сдаются хлопцы.

– Да конечно же, можно. Можно самим приготовить. Взять хмель, и всё. У нас его сколько угодно растёт.

Педагог ничего не слышит. Он высоко, высоко плавает в блаженстве. Таинство самодеятельности свершилось. Наконец он бросает снисходительный взгляд на землю.

Ну, вот видите? Значит, вы уже сами знаете...

– Хорошо, хорошо, мы уже и сами знаем...

Сидит вечером дома педагог и сладко вспоминает за чаем, как это всё хорошо вышло с самодеятельностью. Он пьёт чай и не может видеть и слышать того, что делается в этот момент за тридевять земель в тридесятом царстве, на каком-нибудь случайном пункте, на меже между бураком и футбольной площадкой.

Михаил Павлович, заведующий хозяйством, смотрит прямо в глаза командиру 15-го.

– Я тебя, чёрт бы тебя побрал, как протяну на собрании, так ты у меня захлопаешь глазами по-другому. Сидят, дряни, только и ждут, когда всё из города привезёшь. Пальцем шевельнуть лень, лодыри. Ничего я из города возить не буду. Иди мне сейчас за хмелем, а то, ей богу, на собрании...

Разумеется, этот случай не самый характерный. Здесь энергичное и, как видим, не вполне педагогически выдержанное вмешательство Михаила Павловича здорово помогло успеху хитроумного педагога. Обычно бывает иначе: хмелю, пожалуй, и нарвут, но дрожжей всё равно не будет, хотя удовлетворение педагога от этого вовсе не уменьшится: для педагогов дрожжи – что, дрожжи пустяк, главное метод. В большинстве случаев, когда обилие опытных педагогов сопровождается проектированием самодеятельности, реакции бывают такого рода.

Притихшая педагогическая опытность не только не стимулирует желания действовать у воспитанников, но, напротив, задерживает подобные желания. Действовать под критическим взглядом опытного человека не так просто: кто его знает, как оно там нужно делать. Методические ухищрения для развития самодеятельности не могут к ней привести как раз потому, что они – ухищрения, потому, что действительное отношение сил таково, что наиболее уместно действовать и распоряжаться педагогу как более опытному и знающему. Действительное положение вещей не вызывает необходимости действия неопытного воспитанника, собственно говоря, не имеющего никаких оснований для действия. Присутствие явного авторитета приводит воспитанника к такому состоянию, когда он может действовать только как ученик, только по указке, как бы вы ни прикрывали эту указку хитроумными педагогическими приёмами.

Кроме того, и это очень важно, гораздо важнее всего остального, есть ещё вопрос об ответственности.

Ваша методическая стойка перед объектом-воспитанником хороша и фасонна, но вы забыли снять с себя шлем ответственности, вы не надели его на воспитанника, да в его глазах и не имели права надеть. Ведь всем известно, все это чувствуют, что вы обязательно все меры примете, чтобы уладить вопрос с дрожжами, с опаздыванием выпечки хлеба.

В наших соцвосовских условиях чувство ответственности служебной, деловой, юридической является пока что главным побудителем труда и инициативы. Чисто нравственный или научный интерес у нас страшно редок, а чувство долга или рабочей чести, как это установлено Харьковским научно-педагогическим институтом, является пережитком капиталистического общества [2]. Это, так сказать, атавизм.

Поэтому у нас естественно: если на человеке не лежит реальная ответственность, никакая сила не подвинет его на почин и на работу. Ну, а что говорить о ребятах, биографии которых почти не содержат в себе трудовые моменты. Самодеятельность в таком случае становится действительно делом змеиной хитрости.

Молодые, неопытные воспитатели имеют много хороших сторон, но между ними главная: они составляют естественный здоровый фон для развития не деланной, не показной, а настоящей самодеятельности. Когда такой молодой воспитатель вступает на дежурство, его беспомощность бросается в глаза прежде всего. Ему так трудно разобраться в сложных и трудных условиях хозяйства и работы, что он жадно хватается за каждую соломинку в надежде не утонуть в одном из многочисленных морей, по которым ему приходится плавать: хозяйственном, организационном, педагогическом, рабочем. Если он человек не глупый и не вздумает корчить из себя начальство, он просто и весело отдастся уже существующей, уже окружающей его стихии хозяйственного опыта, который накопился в коллективе. В таком случае никто и никогда не обвинит его в упущении, если это не будет явная халатность. И вот:

– Как же это? Хлеб, значит, не будет готов к обеду? – спрашивает дежурная.

– Да мы не виноваты, Елена Григорьевна. Это Михаил Павлович забыл купить дрожжей.

Елена Григорьевна смущённо молчит, потому что не знает толком, не виновата ли и она во всей этой трагедии.

Она молча уходит из пекарни. Ясно, что обед запоздает, виновата она или не виновата.

Где-нибудь в уголке канцелярии, в которой обычно собирается в свободную минуту верхнее колонийское общество, или в клубе вдруг

открывается: обед запаздывает на целый час. Кому же в голову придёт предъявить иск к молодой дежурной или по крайней мере понадеяться, что она примет меры против дрожжевого кризиса? Вся колония уже чувствует с утра, что колесо в колонийской жизни катится как-то неуверенно. Кое-кто обязательно попытается этим воспользоваться (и не всегда одни воспитанники), но старым колонистам яснее ясного, что ответственность ложится на них, никто с молодого работника не спросит. В том же углу [канцелярии] уже резкий вопрос:

– А почему у вас хлеб не готов? Дрожжей не купили? А ты сам не можешь в деревню сбегать?

– Да они только носы там задирают, на пекарне. На деревню он пойдёт? Ему что? Нет и нет. Не его дело.

— А ты на деревне покупал часто дрожжи?

— Покупал. А если и не на деревне, так что? Сами не можете сделать? Большая хитрость, каждая баба знает.

— Да как же их делать?

— Не знаете? Языка нет?

— А ты у своей знакомой барышни спроси. Будет о чём поговорить при встрече...

Расходятся, ничего не решивши.

Обед запаздывает. Дежурная уже мечется с проклятым вопросом, давать ли сигнал на обед или задержать работу. Ну, а как тогда будет со второй сменой школы? В дежурстве и другие промахи, но чувствуется в воздухе, что где-то совершаются частые удары пульса самодеятельности, что много вопросов уже разрешено, что на местах, в отрядах, пекарнях, конюшнях уже мобилизована хозяйская энергия коллектива. В общем шуме колонийской машины к вечеру прорвётся маленький гром.

Вечернее собрание. Рапорты командиров.

– Почему не взяли вовремя сапки?

– Огородника не было, некому было выдать. – Огородник!

– Меня позвала дежурная. В зале возмущение:

– Ты ещё на кого другого сверни. Три года живёшь в колонии, а дураком прикидываешься.

– Бедный.

– Выдай сапки и иди, куда тебя звали.

В пекарне 15-й отряд на общее собрание послал помкомандира, чтобы он отдувался за опоздание с обедом, а сами спешат наверстать беду: готовят дрожжи, а для совета и экспертизы вызвали Елизавету Фёдоровну: весело, шумно, радостно.

Помкомандир 15-й на собрании кое-как отбивается.

– Ну так что ж! Сейчас наши делают!

– А командир где?

– Да там же, с дрожжами с этими.

Дежурная, уставшая за длинный день, смотрит в весёлое лицо помкомандира 15-го, и ей уже не так страшно в этой колонии.

Окончился день.

Руль попал в слабые руки. Его деликатно и по-мальчишески весело поправят колонисты-хозяева. У них озабоченный вид, но эта озабоченность только маска, прикрывающая хорошую человеческую мину. Логика хозяйства требует, чтобы руль был поставлен правильно, и они чувствуют в себе силы его поправить. Чувствуют это и старики, видят и новенькие, и они проникаются уважением к этим горьковцам, которые так охотно принимают на себя ответственность за такое серьёзное дело:

Изо дня в день совершается эта узурпация власти и распорядительства. Елена Григорьевна когда-то станет опытной воспитательницей, но те, кто её учил в первые дежурства, всегда будут улыбаться ей, как опытные морские волки.

Чередование дежурств старых и молодых воспитателей – это лучшая симфония музыки жизни детской трудовой колонии.

Дежурство первых – это чёткий и строгий режим серьёзной машины. Уверенный в себе, спокойный, дружелюбный, но деловой тон. Две-три нотки придирчивости. Маленькая кому-то выволочка. Короткий деловой спор. Машина бежит по своим рельсам: все смазано, привинчено. Всё спокойно, у руля хороший штурман. Он .встал в 6.55, а в 7 дал сигнал: «Вставай!» В 7 часов зашумели спальни. Ясно, что вставать надо. Вечером короткий рапорт: по дежурству всё благополучно.

Дежурство молодых – это значит, что дежурный встал в 3 часа утра. Ещё вчера с вечера было достигнуто соглашение с различными лицами и учреждениями, кто обещает кого будить, кто обещает справиться и без дежурного, кто сам в 5 часов куда-то сбегает. Дежурная всё же волнуется. Она везде натыкается на иронические весёлые физиономии, не обещающие, как будто, ничего хорошего. Эти ребята, весёлые и вредные, хохочут и успокаивают:

— Да вы не беспокойтесь, будет сделано.

— Ну как тут не беспокоиться? Ах, господи (покраснела, какое там господи), уже без трёх минут, где эти трубачи?

Бегом к клубу. Но оттуда в растерзанную дверь клуба уже вылетают звуки сигнала.

В спальнях веселее обыкновенного и строже.

— Ты долго будешь вылёживаться? Что, тебе отдельный сигнал? Дежурная осторожно заглядывает.

— Идите, идите, и без вас обойдёмся!

Нужно пройти на кухню. Но в воротах навстречу громыхает подвода.

— Елена Григорьевна, так мы едем.

— Куда?

— А за доктором? Оставьте же завтрак.

Немножко похолодело внутри. Чуть-чуть всё не провалилось. Действительно, вчера говорилось о докторе. А что?

Задрал голову пацан, старается сделать честное лицо.

— Надо голубям корму выписать.

— Голубям? Как же это?

Но уже меняется честное лицо пацана. Рядом с дежурным Костя, старый горьковец и комсомолец, гроза пацанов с честными, но неверными лицами.

— Ты чего здесь брешешь? Какого тебе корму? Вылетай отсюда пока цел! Ну и хитрый же народ! Так и пользуются случаем. У них целые склады. Ты выпиши в дежурство Елизаветы Фёдоровны.

— Да! Выпиши...

Пацан позорно отступает. Ничего. Третьего дня в дежурство Алексея Григорьевича он получил 10 фунтов. И никто не знал.

Застрекотал молодой неопытный день. Вечером на общем собрании не оберёшься разговоров, но днём много смеха, быстрого движения, весёлой команды.

На одних таких дежурствах далеко не уедешь, но, серьёзно, без них нельзя.

Молодому воспитателю трудно приобрести нужный авторитет, это делается страшно медленно и постепенно, но в молодости много своей прелести, которая очень нужна в детском учреждении, гораздо нужнее, чем авторитет воспитателей [3].

Но как бы ни прекрасна была молодость, всё же это не мешает мне утверждать, что без длительного коллектива никогда никакого соцвоса не построим. Я считаю, что если коэффициент педагогического коллектива меньше единицы то дело уже плохо, если же он меньше 0,5, то дело совсем скверно. Нормальное отношение должно выражаться в пределах от 1 до 2, но с тем, чтобы в составе коллектива были воспитатели и с очень солидным стажем по колонии, и совершенно молодые.

Выражаемая в этих цифрах нормальная длительность коллектива настолько огромное благо, что оно одно должно обеспечить половину полезной работы.

ПЕДАГОГИ ПОЖИМАЮТ ПЛЕЧАМИ

Педагоги – самые уважаемые работники у нас в Союзе Задача педагогов самая почётная – создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И всё-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своём большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе[1]. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребёнка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики. Но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презираемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать партизанская теория.

И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле[2].

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что всё от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, всё воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения»[3]. Для всякого непредубеждённого человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания – здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ощупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутьё и живые требования жизни. Но в области *собственно воспитания* не было такой сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много ещё существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического – это путь напряжённой борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российской интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, стремящихся воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Во-первых, это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики; во-вторых, здесь не вмешивалась

родительская власть. Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни, начётническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанный улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны им. Дзержинского[4] было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта,– поэтому коммуна начиналась лишь смелее, чем её предшественники Но бороться приходилось и тогда, больше всего пришлось наблюдать недоверие и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 г. мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

– Культурного рабочего?.. А как?

Самое главное: как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далёком от больших педагогических дорог [5].

– Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря – он должен ощущать достоинство своё и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным – в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закалён, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть весёлым, бодрым, подтянутым, способным

бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым. И таким он должен быть не только в будущем, но и каждый свой нынешний день. «Олимпийцы» ужаснулись:

– Наказание? Наказание воспитывает раба!

– Долг – буржуазная категория!

– Честь – офицерская привилегия!!

– Это – *не советское воспитание*!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчёт.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека,– и они ещё делали новую советскую педагогику. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали,– уже страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила свои методы до достаточной точности. Только ещё небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом – он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводу работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества *хозяина и организатора*. Нужно побывать на коммунарском общей собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой

же день начнёт давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, *понимающих, что общественный интерес – это есть и интерес личный*.

В этой общей установке, подчёркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чём эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребёнком», составляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию – добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность[6].

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но как бы много мы ни работали мы никогда не можем стать педагогическими авгурами[7], изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза[8] и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они

[2] Зак. 1175

настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: *создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность*.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующим и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлечённый коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек – часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш *детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив*.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик; Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде – по своим силам. Они и участвуют и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства – отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даём детскому ил юношескому коллективу *рабфак, завод*[9], *инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности работу и право ответственности. А это значит – даём дисциплину*.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу её красот, но *совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования*.

Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только *процесс дисциплинирования* и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

– Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть – какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. *И только потому, что коллектив от неё не отказывается, нам почти не приходится её применять*.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблема жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»),– это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и *не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов*, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей![10]

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, *за воровство у нас уже не наказывают*. Если случай воровства происходит с новичком, ещё не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это

было в последний раз». А если воровство случится ещё раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении. Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе – это значит обязательно развивать воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запирать свои вещи и подозрительно посматривать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает ещё и растаскивание материальным ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, которым хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идёт на воровство. Обращаем внимание и ещё на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой «изгой» приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы [поведения]. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своём воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картёжной игре. За выпивку – безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то что коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость, из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что *коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живёт*[11]. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест.

А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, *коллектив* тем самым *защищает и каждую личность и обеспечивает для неё наиболее благоприятные условия развития*. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, *кто участвует в требовании*. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания – она не *объект* воспитательного влияния, а его носитель – *субъект*, но субъектом она становится, *только выражая интересы всего коллектива*.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нём волю, закалённость, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается *понятие о ценности коллектива, о его достоинстве*. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознаёт себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своём движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий *чести и долга* – категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание даёт стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть *командиром* в любой отрасли нашей работы, но способного и *подчиниться товарищу*. Ещё не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир *только выборный единоначальник*, правда обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять [узко] личное начало. Отряд командиров – это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчёт инициативы коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое даёт путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересное». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

– Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребёнку» сурово отвечают:

– Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

– Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

– Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чём дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. *Коллектив требует от личности определённого взноса в общую трудовую и жизненную копилку*. Рабочий класс, великая Советская страна собирают личности не по договору, не по найму, не по [узколичному] интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно – это *естественная позиция пролетария по отношению к своему классу*.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести.

Нам остаётся коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах: а как же педагог? Выходит, что всё делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 г. вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главный образом – партийная и комсомольская ячейки.

И воспитание коммунаров достигается не путём чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа стремления определяются тем, чем живёт коллектив, т. е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой

за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряжённого, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому – пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный хозяин Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь,– вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой вносит коммуна им. Дзержинского.

А если нам ещё удастся перевоспитать нескольких педагогов – это уже дополнительная, внеплановая победа...

ОПЫТ МЕТОДИКИ РАБОТЫ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ
(Материалы книги)

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание настоящей книги я хотел бы ограничить узкометодическим материалом, не производя разведок в область теории воспитания:..

К сожалению, мне приходится считаться с разрывом между теорией и практикой воспитания. «Теория» живёт отдельно от практики, влияние её в нашем деле ничтожно, а в последнее время она и сама поняла тщету своего существования и потихоньку замерла в одной из запылённых кладовочек великолепного дворца наук. Воспитательная практика, оказавшись не в силах понять теоретические тексты и привязать их к делу, в лучшем случае опирается на здравый смысл, в худшем – на ходячие старенькие педагогические предрассудки:.. Методика воспитания не может опереться на педагогическую теорию как на нечто действительно существующее в данный момент и надёжнее. Поэтому мне придётся довольно часто задерживаться на теоретических вопросах, чтобы логика того или другого приёма сделалась ясной.

Теоретические рассуждения, не опирающиеся на широко поставленную науку, разумеется, рискуют оказаться

дилетантскими, но я надеюсь, что нам поможет общая ясность тех принципов, на которых строится советское общество...

Я должен ещё сделать несколько замечаний по существу вопроса.

Человек воспитывается целым обществом. Все события в обществе, его работа, движение вперёд, его быт, успех и неудачи – всё это настолько могучие и настолько сложные воспитательные факторы, что адекватно показать их работу можно только в большом специальном исследовании, которое может быть убедительным, только опираясь на большое количество удостоверенных наблюдений. Это уже не методика, а нечто более широкое.

Детское воспитательное учреждение в современной практике руководит ростом человека на очень ограниченном отрезке времени – три года – пять лет. Его работа ограничена во времени, количественно, но она ограничена и в глубину, так как детская колония может овладеть только очень небольшим пучком влияний, идущих от всех элементов общества, природы, наследственности. Правда, влияние детской колонии и в этом случае может быть чрезвычайно могучим, так как оно проводится в специально концентрированных формах действия, но это не уничтожает его ограниченности.

Тема ещё более суживается благодаря специфической позиции автора. Я не педагогический мыслитель, не специалист-исследователь детской жизни и жизни детского! учреждения. Я – фронтовой работник. Я работал в двух детских учреждениях: в колонии для правонарушителей им. М. Горького с 1920 по 1928 г. и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с 1928 по 1932 г. Оба эти учреждения, каждое в своё время, достигли хороших результатов. Это обстоятельство дало повод многим товарищам понуждать меня к изданию книги о работе в детской колонии. Но я никогда не имел досуга ни записывать свои наблюдения, ни подсчитывать результаты отдельных приёмов и влияния отдельных событий в коллективе. Всё же передо мной прошло за 12 лет около 2500 молодых людей, и я пережил около 70 тысяч часов рабочего педагогической: напряжения. Всё это «материал» слишком сырой, но я не на какую особенную «сухость» и не претендую... Далее я работал почти исключительно с беспризорными...

В итоге я предлагаю читателю чрезвычайно мало, но глубоко убеждён, что многое из моего опыта и кое-что из моих соображений нашим работникам пригодится.

2. ВСТУПЛЕНИЕ

Цели воспитания

Чрезвычайно существенный момент в нашей работе – она должна быть до конца целесообразна. Мы обязаны воспитывать такого человека, который нашему обществу нужен. Иногда эта надобность определяется обществом очень нетерпеливо и требовательно: дайте инженеров, врачей, формовщиков, токарей. Это требует партия, хозяйственники, плановики.

Врачи, инженеры и формовщики требуются не только у нас рабочим классом. На Западе буржуазия предъявляет такие же требования к педагогам. Но кадры, выпускаемые у нас, и кадры для буржуазных стран за пределами своего профессионального единства должны отличаться прямо противоположными личными особенностями. Удаётся ли буржуазии воспитывать эти необходимые ей особенности – вопрос посторонний, но наше воспитание должно быть удачным. Здесь мы уже выходим за границы понятия «кадры» в том смысле, в каком это слово часто понимается теперь. Мы уже должны говорить не только о профессиональной подготовке нового поколения, а о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных комплексов, которые нужны именно в Советском государстве в эпоху диктатуры пролетариата, в момент нашего перехода к бесклассовому обществу. Цели воспитательной работы могут быть выведены только из общественного требования, из его нужды.

Попытки повозиться с «целями воспитания» у нас, конечно, были.

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя соображением, что это всё равно. Иногда они расширяли идеал и [про] возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса наблюдать достижения подобных целей и таким образом проверить педагогическую работу всё равно никому не доведётся, а потому и

постановка указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Таким же безопасным делом была и дальнейшая работа на педагогическом «турнике»: идеалы эти очень удобно укладывались в какие угодно логические комбинации. Один из авторитетных авторов не так давно без всякого особенного напряжения непосредственно выводил из поставленного идеала педагогическую методику: хулигана нельзя выгнать в коридор из класса, ибо в таком случае из него не выйдет «борец с инициативой», а получится «раб и подхалим»[1]

Нужно удивляться нашему чрезмерному прекраснодушию. Мы читали всё это с поразительным спокойствием, выключая и наш опыт, и политическое развитие, и человеческое достоинство, и здравый смысл. Больше того, мы почтительно поражались учёности автора, и если на другой день мы всё-таки выгоняли хулигана из класса, то делали это с ощущением своей преступности, хотя собственными глазами видели, что ни рабы, ни подхалимы от нашего греха как будто бы не размножались. Очень часто мы убеждались и в том, что оставление хулигана в классе никогда не воспитывало из него «борца с инициативой».

Так сильно действует на впечатлительную душу педагога ловко сделанный трюк с идеалом.

Всё же постепенно, по мере того как мы сами развивались в работе и проверяли её результаты, мы начали сомневаться в ценности предложенных идеалов. Они нам не понравились прежде всего по причине своего чрезмерного совершенства. Это именно идеалы, а нам нужны практические цели, понятные для нас, выполнимые и грамотные, как хорошие чертежи дома в жилищном строительстве: здесь балкон, здесь лестница, кухня.

Потом мы обратили внимание на небольшой «хвостик» индивидуализма, который незаметно торчит у каждого такого автора. Личность, коммунист, борец – всё это обязательно в единственном числе. Так и представляется богатый кабинет в богатом доме – уютный, мягкий, затенённый. В кабинете личность – сынок хозяйский, а над его душой учёный мастер, который за приличное вознаграждение взялся изготовить из хозяйского сына «гармоническую личность» в полном соответствии с либеральными убеждениями папаши, тем более что «гармоническая личность», очень идёт и к хорошему автомобилю, к замечательной яхте, и к богатому дворцу, и к богатой невесте.

А у нас массовое воспитание, воспитание миллионов,

кадры для наших исторических пятилеток. О целях нашего воспитания нужно говорить в каких-то других словах, в каких-то цифрах, с совершенно иным пафосом, деловым, скромным, ответственным [2].

Цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук. Каждый воспитанный нами человек – это продукт нашего педагогического производства. И мы, и общество должны рассматривать наш продукт очень пристально и подробно, до последнего винтика. Как и во всяком другом производстве, у нас возможен выпуск прекрасной продукции, только удовлетворительной, только терпимой, наконец, условного брака, полного брака[3]. Успех нашей работы зависит от бесчисленного количества обстоятельств: педагогической техники, снабжения, качества материала. Наш основной материал – дети – неизмеримо разнообразен. Спрашивается, сколько процентов этого материала годится для воспитания «человека, полного инициативы»,– 90? 50? 10? 0,05? А на что пойдёт остальной материал?

Если так подходить к вопросу, становится абсолютно недопустимым заменять точное описание нашего продукта общими возгласами, патетическими восклицаниями и «революционными» фразами.

В подобных целевыражениях так разит идеалом, что практическое их использование делается совершенно невозможным. Абстрактный идеал как цель воспитания неудобен для нас не только потому, что идеал вообще недостижим, но и потому, что в сфере поступка очень запутаны «междуидеальные» отношения. Идеальная вежливость, идеальный хозяйственник, идеальный политик, идеальный коммунист – это чрезвычайно сложные комплексы, так сказать, различных совершенств и определённых предрасположений и отвращений. Попытки воплотить выражение цели воспитания в короткой формуле доказывают только полный отрыв от всякой практики, экого дела. И поэтому совершенно естественно, что подобные формулы ничего не создали в живой жизни и в живой нашей работе.

Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны. Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы

можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько изменённые требования, причём изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни.

Поэтому в нашей проектировке мы всегда должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошим чутьём, в особенности ещё и потому, что развитие требований общества может совершаться в области малозначительных и малых деталей.

И, кроме того, мы всегда должны помнить, каким бы цельным ни представлялся для нас человек при широком обобщении, всё же нельзя его считать совершенно однообразным явлением. Люди в известной степени представляют собой очень разносортный материал для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» обязательно будет тоже разнообразен. Так, объединяя многие вещества в одном понятии металла, мы не будем стремиться к производству алюминиевых резцов или ртутных подшипников. Было бы неимоверным верхоглядством игнорировать человеческое разнообразие и вопрос о задачах воспитания стараться втиснуть в общую для всех словесную строчку.

Наше воспитание должно быть коммунистическим, классовым, и каждый воспитанный нами человек должен быть полезен делу рабочего класса. Это обобщающее положение с необходимостью предполагает именно различные формы его реализации в зависимости от различия [человеческого] материала и разнообразия его использования в обществе. Всякое иное положение есть обезличка, которая, к слову сказать, нигде не свила для себя такого крепкого гнезда, как в педагогике.

Общие и индивидуальные черты личности в отдельных живых явлениях образуют бесконечно запутанные узлы, и поэтому проектировка личности становится делом; чрезвычайно трудным и требующим осторожности. Самым опасным моментом ещё долго будет страх перед человеческим разнообразием, неумение из разнообразных элементов построить уравновешенное целое. Поэтому у нас всегда будут жить попытки остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов – это кажется более лёгким делом, чем воспитание дифференцированное. Между прочим, такую ошибку совершали спартанцы и иезуиты в своё время.

Преодоление этой проблемы было бы совершенно невозможно,

если бы мы разрешали её силлогистически: разнообразны люди – разнообразен и метод. Приблизительно так рассуждали педологи, когда создавали отдельные учреждения для «трудных» и отдельные – для нормальных[4]. Да и теперь грешат, когда отдельно воспитывают мальчиков от девочек. Если и дальше развивать эту логику по линиям разветвления личных особенностей (половых, возрастных, социальных, моральных), мы придём всё к тому *же* индивидуалистическому, единственному числу, так ярко бьющему в глаза в ультрапедагогическом слове «ребёнок».

Достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время даёт возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперёд по линиям своих наклонностей.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению такой задачи, мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребёнком». Перед нами сразу встаёт коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива, при этом коллектива определённых признаков.

Конечно, я не имею в виду, да и не имею сил произвести такую проектировку. Мне кажется, что эта тема достойна усилий нескольких больших учёных, и в особенности усилий наших наркомпросов, когда для воспитательного корпуса будет приготовлена папка «чертежей» – личных, типовых, коллективных. Но сейчас у нас не только нет разработанных научных проектов личности, но нет и эскизов, самых первоначальных набросков, рабочих чертежей.

А что у нас есть? Есть в литературе, в журналистике, в газете и ещё больше есть в живой жизни. В жизни общественные отзывы, осуждения, одобрения, пожелания рассыпаны щедрой рукой. Если бы можно было собрать мнения людей о своих помощниках (соратниках, сотрудниках, начальниках и соседях, друзьях и врагах, близких и далёких) хотя бы одного учреждения, мы получили бы богатейший черновой материал для нашей проектировки.

И как много таких суждений, так легко и естественно вытекают из них первичные итоги, средние представления нужного для общества человека! Конечно, эти представления

неодинаковы в различных социальных группах, в различных бытовых, производственных, культурных слоях нашего общества, но мы, воспитатели, должны знать, на что нужно опереться.

Общий средний комплект общественного требования, между прочим, чрезвычайно ясен и общеизвестен. Нам говорят: «Выпускайте здорового, хорошо грамотного, а если можно, то и образованного человека, дисциплинированного, бодрого, обладающего хорошим развитием и инициативой, упорядоченного в гигиене и быте, а самое главное, сознательно участвующего в общей работе коллектива, [рабочего] класса, активного деятеля нашего строительства, в любой момент способного стать в военные ряды для защиты нашего дела в Советской стране от армии буржуазии».

Я глубоко убеждён: многие педагоги скажут, что этого мало, настолько мало, что граничит с оппортунизмом, что нужно гораздо больше – гармоническая личность.

А я утверждаю, что если бы мы могли обеспечить массовый выпуск такой «продукции», то это было бы прямо замечательно. И партия, и хозяйственники, и военные в таком случае сказали бы, что это действительно хорошо.

Никаких затруднений в количественной оценке приведённого заказа я не предвижу. Затруднения возникнут тогда, когда начнётся толкование на старую тему: что есть истина? Что такое дисциплинированный человек? Что такое сознательное участие, что такое активный деятель? Это всё великолепные площадки для теоретических споров. Но и это не страшно. В конце концов, авторитетный арбитр скажет: «Так держать».

Большие трудности ожидают нас только на практической работе. Здесь на каждом шагу мы встретимся с противоречиями между отдельными деталями и условиями задачи, с одной стороны, и между коллективным и личным принципом – с другой. Эти противоречия очень многочисленны и могучи. Для разрешения их мы не имеем часто не только метода, но и основных принципов. В итоге это проблема коллектива и личности в коллективе. Проектировке личности поэтому необходимо должен предшествовать анализ внутриколлективных и личных явлений.

Не задерживаясь сейчас на этом вопросе, я рассчитываю коснуться отдельных тем такого анализа в соответствующих главах; таким образом, детали нашей проектировки будут выясняться на протяжении всего изложения.

Но, кроме того, необходимо ещё предварительно пересмотреть наши представления о коллективе.

Остаётся сказать несколько слов о затруднениях совсем особого порядка – о затруднениях педагогической логики. Ясность поставленной задачи, определённость проектировки личности – только небольшая часть дела. Исходя из данных проектировки или из других оснований, нам нужно прийти к педагогическому средству. Логические пути к нему в настоящее время находятся в печальном положении: они заросли сорняками, забиты непроходимыми нагромождениями каменистых осколков старого мира и старой идеологии. В третьей, и последней, главе я рассчитываю без больших претензий, но искренне подойти к этому тяжёлому вопросу.

Коллектив

Одни говорят: «Коллектив как реальность не существует. Реальна только личность».

Другие говорят: «Индивид как что-то самостоятельное в социальной действительности не существует. Существует только общество».

Третьи рады, что существует весь этот вздор, и пишут о нём целые тома.

И первые, и вторые, и третьи – «учёные люди».

Мы не будем бросаться в волны подобной болтовни. Примем без доказательства, что личность и коллектив существуют. Не подлежит сомнению, что нам приходится иметь дело и с коллективом, и с личностью.

Что такое коллектив? Были попытки считать коллективом «группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения».

Приходится считаться с тем, что это определение есть, так сказать, последнее слово педолого-педагогической литературы. Приятно, если наш коллектив подойдёт под это определение, тем более, что коллектив дзержинцев есть как будто в самом деле коллектив: 330 ребят работают вместе, учатся вместе, обедают, играют, спят. Чего больше?

И всё-таки коммуна им. Дзержинского не есть коллектив, потому что не удовлетворяет приведённому определению. Во-первых, она не вполне отчётливо выполняет требования взаимодействия. Конечно, можно допустить если живут вместе 330 коммунаров, то они как-то взаимодействуют. Но если уточнить этот сложный

термин, то получается почему-то неудобно: каждый из коммунаров взаимодействует с 329 товарищами – это пусть будет 329 линий взаимодействия, а во всей коммуне таких линий, следовательно, будет 100 тысяч. Существуют ли все эти 100 тысяч взаимодействий, или только 50 тысяч, или 1 тысяча, имеет ли это какое-нибудь значение или не имеет?

Наш опыт говорит, что число реально существующих в каждый данный момент взаимодействий очень невелико: не более 150–200. Следовательно, каждое взаимодействие неизменно прерывается, а подавляющее большинство возможных взаимодействий всё время находится, так сказать, в потенциальном состоянии. Они только возможны, но на деле их нет. И чрезвычайно велико число таких случаев, когда два члена коллектива просто не взаимодействуют, линии их движений не скрещиваются.

Признак взаимодействия делается в известной мере случайным и во всяком случае переменным. Если его считать всё же достаточным для определения, то как решается такая задача: «Я прошёл несколько кварталов по главной улице города, мне навстречу прошло несколько сот человек. Все мы видели друг друга, слышали шум шагов, иногда друг друга толкнули, извинились, иногда обменялись приветствиями, друг с другом поговорили Имеем ли мы право сказать, что главная улица города будет коллективом»?

Требуется ещё второй признак – «совокупное реагирование на те или иные раздражения». Но такой признак тоже имеется в данном случае. Все эти проходящие на улице люди совокупно реагируют: радуются солнечному дню, сторонятся автомобилей, подчиняются знаку постового милиционера, останавливаются перед интересными витринами, обходят заградительные знаки на тротуаре, вздрагивают при звуке взрыва в автомобильном моторе и т. д.

Одно из двух: либо улица тоже коллектив, либо предлагаемые два признака коллектива случайны, неточны и ничего не определяют. Подравшиеся пьяные не только взаимодействуют, но и совокупно реагируют: удирают от милиционера, отталкивают людей, желающих их примирить, видят одни и те же лица, слышат один и тот шум. И с другой стороны, в организованной коммуне – несомненно коллективе, случаи действительно совокупного реагирования не так уж часты – коллектив в своём реагировании всегда дифференцирован[5], этим он и отличается от толпы.

Итак, нам приходится констатировать, что наш реальный коллектив с педагогической литературой не помирился. Пожалуй, он и не мог помириться, ибо эта литература меньше всего интересуется коллективом.

Названное определение коллектива имеет целью систематизировать исключительно логические понятия, связанные с коллективом. В погоне за кажущейся стройностью систематики, за возможностью написать какую-нибудь классификацию авторы почти не замечают живого коллектива и его характернейших признаков. И тот коллектив, который смотрит на нас с книжных страниц,– это что-то в высшей степени невыразительное, расплывчатое и пассивное. Взаимодействие и совокупное реагирование – это что-то даже не человеческое, не социальное, от него на десять вёрст несёт биологией, это стая обезьян или колония полипов, что хотите, но не коллектив людей, не человеческая деятельность.

Эти «достижения», собственно говоря, эта биологическая всеобщность только и позволяют авторам считать коллективом всякое явление среди людей, если это не один человек, а больше:

1. Группа самостоятельно затеявших игру детей.
2. Летучие митинги.
3. Уличные толпы, объединённые каким-либо действием.
4. Компании беспризорных.
5. Собрание верующих, не принадлежащих к организационной религиозной общине.

К коллективам относят и государства, и даже лигу наций. А мы ещё рекомендуем прибавить подравшихся пьяных или пассажиров трамвайного вагона.

Если это и систематика, то систематика бесполезная. Профессор Е. А. Аркин в определении коллектива ближе к действительности, предлагая признаки: «Общность среды и организации и самодеятельность».

Г. Фортунатов подчёркивает «совместное удовлетворение органических или социальных потребностей».

Все эти определения ближе к человеческой природе коллектива. Кроме того, все они сводят коллектив к понятию вида, в то время как определение, приведённое в самом начале, относится к самому широкому родовому явлению. Даже в этом важном вопросе социологической систематике нет договорённости

Видовые и родовые термины, конечно, условны, но эта условность должна определяться не усмотрением отдельных

авторов, а уже существующей человеческой практикой, реальной систематикой. Когда словом «коллектив» именуют и всё человечество, и государство, и общество, и компанию беспризорных, это знаменует, собственно говоря, отказ от классификации. Дальнейшие разветвления социальных единств у автора направляются придуманными им самим признаками: самовозникающие и организованные коллективы, временные и длительные, простые и сложные. Это не классификация реально существующих явлений по реальным признакам, а детская игра с двумя-тремя примитивными терминами, не обладающими; ни точностью, ни специфической социальностью признан ков. Временные, длительные, простые, сложные – все эти термины могут употребляться в любой области знания.

Нам нужно учиться у великих систематиков естествознания прежде всего их эрудиции, во-вторых, их уважению к реальным явлениям. А спекулятивное мышление возможно, разумеется, без эрудиции. Человечество много десятков веков жило, не ожидая, пока учёные-социологи разделят его на группы. Оно уже давно на них разделилось, давно социализировалось, сложилось по совокупностям, которые обладают естественной группировкой и обозначаются, определёнными установившимися терминами. И что особенно важно: и в природе и в обществе протекают процессы и эволюционные и революционные, систематика социальных группировок развивается и меняется.

Наша научная мысль должна не дедуцировать случайные комбинации общелогических признаков, а фотографировать действительную схему социальных явлений, на полученных снимках различать принципы разделения и объединения, а самое важное – путём сравнения двух разделённых временем фотографий делать заключение о процессах и тенденциях изменения, роста, падения и пр.

Прежде всего рассмотрим момент становления индивида членом какого-либо объединения. Уже в момент рождения человек становится членом семьи, рода, племени, нации, государства. Это происходит без его воли и ведома, причём основанием для такого становления является; естественный признак, родство по крови, а по отношению к государству – определённый закон. И в дальнейшем человек продолжает быть членом указанных объединений, членом кровных единств – на основании естественного права и членом государства – на основании права государственного.

В различных формах объединений мы встречаем признаки

принудительности, авторитарности, уполномочия, добровольного вхождения личности в ту или иную совокупность.

Обращаясь к исторической ретроспективе, мы видим вымершие формы принудительного объединения людей, крепостничества. Более новым принципом образования социальной совокупности явился принцип мнимой добровольности. Но анализ начала добровольности убеждает в том, что в большинстве случаев эта добровольность меньше всего имеет целью вхождение человека в социальное целое.

Возьмём пример: рабочий поступает на завод к предпринимателю. Им руководит прежде всего стремление к заработку. Социальная совокупность рабочих завода оказалась только необходимым фоном его работы. Ни в какой мере нельзя считать рабочих на капиталистическом предприятии собранием лиц, добровольно объединившихся. Здесь истинным стимулом объединения явился стимул нужды. Нужда толкает человека в определённое социальное единство, каждый член становится им почти случайно, и самое единство организуется волей и распоряжением владельца завода.

Мы могли бы этот принцип назвать принципом социальным по преимуществу, таким он и является, если обособленно рассматривать каждый отдельный случай. В группе купцов, объединившихся в компанию, человеческая личность по отношению к другой личности занимает позицию нормального мирного сотрудничества. Но, поскольку деятельность такой группы по отношению к целому человеческому обществу является деятельностью агрессивной и по существу препятствующей объединению человечества, будет правильнее назвать принцип такого добровольного объединения групповым принципом[6].

Социальным принципом мы можем признать только такой, который определяет объединение людей, исходя из принципиальной позиции мирового единства трудового человечества, единства, практически выраженного не декларативно, а в самых реальных формах человеческого общения и деятельности. Ясно, что под ножом этого критерия многие добровольные объединения людей не могут считаться построенными по принципу социальному, [принципу] социалистическому.

Для иллюстрации рассмотрим два параллельных случая: артель подрядчика и советскую артель. И в том и

в другом случае имеются добровольные объединения людей, связанных общей работой, общими интересами почти всегда предварительным знакомством друг с другом. Но в первом случае члены артели принципиально признают различие и в положении своём и в положении подрядчика, его право на прибавочную стоимость. Вследствие этого членов артели образуется ограниченное представление едином коллективе артели, и слово «коллектив» к такой артели, собственно говоря, и не приложимо.

Советская артель, и в том числе артель сельскохозяйственная, позволяет каждому своему члену видеть единое в другом разрезе. Здесь элементы распоряжения, распределения, пользования на каждом шагу утверждают суверенитет не отдельного лица, а социально целого коллектива. И, что особенно важно, положение этого социального целого признаётся не случайной формой сотрудничестве для всех людей. В пределах нашей страны здесь нет принципиального противопоставления одного социального единства другим. В сущности, такое утверждение есть утверждение бесклассового общества. Мы говорим, что в этом случае социальная совокупность построена по принципу социалистическому.

Я ожидаю решительных возражений против такого тезиса. Воспитанные на биологических и рефлексологических профилях теоретики не так легко расстанутся индивидом. В руках у них ничего нет, кроме этого индивида, препарированного по последнему слову техники Поэтому социальное явление они не могут представить себе иначе, как механической суммой индивидов, и определяют социальное единство в функциях личности (взаимодействие и реакция)[7].

Мы исходим из того положения, что, во-первых социальная совокупность есть действительно существующая форма жизни человечества, во-вторых, форма – необходимая (это дано в историческом опыте), в-третьих, это совокупность не полипов и не лягушек, а имение людей, т. е. существ мыслящих, поступки которых направляются не простыми реакциями. Человек стремится к улучшению жизни, он реально уверен в том, что это улучшение возможно только в [определённых] социальных условиях!

Поэтому влечение личности к социальному объединению есть не только влечение особи, но и влечение масс, имеющее свою историю и, самое главное, своё историческое развитие. Развитие это протекало диалектический примитивные формы общения сменялись новыми

формами, представляющими шаг вперёд в деле организации человеческого общества.

Но только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо коллективом. По крайней мере, русский язык точно и определённо это отмечает.

Мы говорим и пишем: «Коллектив ХТЗ должен дать стране сто тракторов».

Но мы никогда не употребляем выражение «коллектив заводов Форда».

Мы говорим «коллектив сотрудников ГПУ», но не скажем «коллектив французского министерства внутренних дел».

И если советская семья, построенная на равном участии её членов в общественном труде и принципиально утверждающая свободу и равенство своих членов, может быть названа коллективом, то ни в коем случае не будет коллективом семья во главе с отцом-самодуром или дворянская семья, допустим, утверждающая даже равенство членов, но по отношению ко всему обществу занимающая потребительскую групповую позицию.

Таким образом, наш язык в определении коллектива безошибочен. Нужно ещё отметить в нашем языке тенденцию называть коллективом только контактное единство, отличая коллектив от более широкого понятия союза.

По нашему мнению, коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения [8].

По отношению к отдельной личности коллектив утверждает суверенитет целого коллектива.

Утверждая право отдельной личности добровольно состоять в коллективе, коллектив требует от этой личности, пока она состоит в нём, беспрекословного подчинения, как это вытекает из суверенитета коллектива.

Коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для всего советского общества.

Советская система воспитания тем и отличается от всякой иной, что она система социалистическая, и поэтому наша воспитательная организация имеет форму коллектива. Мы рассматриваем нашего воспитанника не как материал для дрессировки, но считаем его членом нашего общества, его деятелем, создателем общественных ценностей. Коллектив наших воспитанников есть не только собрание молодёжи, это прежде всего ячейка социалистического

общества, обладающая всеми особенностями, правами и обязанностями всякого другого коллектива в Советской стране.

Всё это сообщает нашей педагогической позиции совершенно особые признаки. Развитие нашей педагогической логики, нашей работы должно отправляться от поставлена ной обществом задачи, а эта задача выражена уже в самой форме нашей воспитательной организации – в коллективе.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Не может быть вопроса более для нас важного, чем вопрос о логике педагогического средства. Интересно бросить взгляд на историю этого вопроса, тем более что история эта очень коротка.

Нам нечего заглядывать в глубь веков и начинать с Аристотеля. Не только то, что было при Аристотеле, но даже и то, что было при Николае II, можно оставить без рассмотрения. Во всяком случае, никогда ещё педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметным изобретением в области воспитания. Наши предки-педагоги надеялись на одно спасительное обстоятельство: «В жизни хорошего больше, чем плохого, а потому из воспитания всегда что-нибудь да выйдет».

И действительно выходило: выходили и воины, и фабриканты, и рабочие, и крестьяне. Одни были «в меру» своекорыстны, накапливали [добро], богатели, но на улице не хватали людей за горло. Другие были «в меру послушны, и если иногда и дерзили, то с соблюдением правил демократии. Правда, очень часто происходили и конфузы: честные джентльмены оказывались мошенниками настолько изобретательными, что граница между джентльменом и мошенником начинала казаться чересчур уж эфемерной. Люди религиозные и даже специально для религии предназначенные вдруг оказывались самыми настоящими циниками и низвергателями. Покорные рабы то и дело восставали и обнаруживали настойчивое желание в пух и прах разнести весь «благородный» цивилизованный мир. Даже самые мирные сельские жители, казалось, идеально вымуштрованные земскими начальниками и церковноприходскими школами, вдруг без всякой застенчивости начинали поджигать дворцы своих «благодетелей», с идеальным хладнокровием игнорируя неизбежно угрожающие им в таком случае загробные застенки. Педагогика господствующего класса, выработанная поколениями воспитателей, оказывалась ни с того, ни с сего ликвидированной.

Слишком хорошо нам известна история таких провалов педагогической теории, и о них можно даже не вспоминать.

Но вот что хорошего сделано у нас после Октябрьской революции?

Много сделано хорошего. Мы имеем и комсомол, и школы, и фабзавучи, и рабфаки.

Но были и провалы[9]. В чём их причины? Кто же в этом виноват?

Во всех неудачах воспитания виноваты, конечно, мы, педагоги, и прежде всего виновата наша педагогическая логика, наша педагогическая теория. В последние дни на нас посмотрели старшие строгим глазом и сказали:

– Ну куда это годится, как вам не стыдно?[10]

К сожалению, трудно говорить о воспитательных приёмах как о какой-нибудь системе, как о единой разработанной теории. Если вычеркнуть из досужих педагогических разглагольствований все украшающие революционные фразы, термины и призывы, то в полученном остатке мы найдём конгломерат самых разнообразных идеологий, теорий и систем. Больше всего здесь окажется отрыжек свободного воспитания", толстовства, непротивленчества. На втором месте стоят сентенции так называемой социальной школы Дьюи и Наторпа, потом немного солёной воды бременцев[12], наконец, так называемая общественно полезная работа.

Теория ограничилась декларированием принципов и общих положений, а переход к технике был предоставлен творчеству и находчивости каждого отдельного работника. В этом же видели педагогическую мудрость.

То, что «натворили» самодельные творцы-педагоги, и есть практика. В оправдание можно, правда, сказать, что и творить им как следует прожектёры от педагогики тоже не давали. Бывали случаи, когда под руками энергичного человека, смотришь, что-то начинало выходить путное. Но проходит год, другой – всё развалилось, и сам энергичный человек исчез, и он уже не педагог, а кооператор. Оказывалось, действовал такой закон: пока дело в детском доме, например, идёт плохо – чиновники сидят и скулят с печальной физиономией о том, что дело наше трудное, что нет людей, что нет материальной базы; но как только в каком-нибудь пункте зашевелится настоящая работа – они набрасываются на неё со всей эрудицией, принципами и формулами и по всем правилам доказывают, что дело

делается не так, как нужно, что в деле непоправимые провалы, которые должны привести к воспитательной катастрофе.

Нужно обратить внимание читателя особенно на такую форму: это *должно привести* к плохим результатам. За 12 лет своей практики, подвергаясь не раз экзекуции со стороны теории педагогов-олимпийцев, я ни разу не слышал другой формулы: это *обычно приводит* к плохим результатам. Вот это небольшое различие между подчёркнутыми словами наилучшим образом характеризует логику и является истинной первопричиной и теоретической бедности, и практических неудач.

У нас не было педагогической техники прежде всего потому, что и слова «педагогическая техника» никогда на произносились, и самая педагогическая техника не наблюдалась и не исследовалась. И это произошло не потому, что о ней случайно забыли, а потому, что традиционная педагогическая философия вела свою работу по дорогам, необходимо проходящим мимо педагогическое техники.

Поэтому, если бы мы хотели подвергнуть критике существующую педагогическую технику, мы не в состоянии это сделать просто за отсутствием объекта... Например материальная сфера, едва ли не самый могущественный воспитательный фактор, обходилась полным молчанием. Вопросы производства, вопросы хозяйствования коллектива, его отношения к другим коллективам, вопросы сохранения коллективных навыков, все вопросы, требующие детального анализа реальных явлений, разрешались «двумя взмахами пера», разрешались при этом исключительно в порядке установления *должного*.

Постановление о средствах, если оно ограничивается утверждением должного и если оно игнорирует существующее, необходимо обречено на омертвение.

Суждение о работе детского дома часто происходило по одному рецепту. Проверялась не действительная работа не её результаты, а исключительно номенклатура общих рекомендованных средств: производилась ли общественно полезная работа, не употреблялись ли наказания, имеются ли органы самоуправления, есть ли простор для инициативы, имеется ли самокритика. Если всё это налицо, значит, дело поставлено хорошо, если чего-либо нет, значит, плохо.

Такой простой способ измерения, с одной стороны, представляет широкий простор для всяческого

очковтирательства, с другой стороны, он очень скоро превращается в догматический шаблон, мёртвый список, в содержание которого не способна пробиться жизнь.

Методическая догма представляет собой, разумеется, недопустимое условие для дела воспитания. Но, если она выведена из живых, действенных требований жизни, она ещё не так опасна.

Педагогическая догма, выведенная из случайных, непроверенных, легкомысленных утверждений, из убеждений, сложившихся в бездеятельной среде русской интеллигенции в эпоху чёрной реакции в России, эта педагогическая догма основательно осуждена всей нашей историей. Многие педагогические фасоны, которые пробовали напялить на наше детство и юношество,– фасоны поношенные и сданные в музеи.

Возьмём «общественно полезный труд». В этих трёх словах, по существу, не содержится ничего порочного, и мы намерены отстаивать общественно полезный труд, но в педагогической литературе он рекомендовался в формах какого-то «хождения в народ», и от него на сто вёрст действительно несёт народничеством. А взгляды на дисциплину, на положение личности в коллективе охотно списывали из Руссо. «Относитесь к детству с благоговением. Бойтесь помешать природе» – под такими словами подписывались многие педагоги-теоретики и деятели нашего соцвоса. На педагогических конференциях случалось слышать разглагольствования о «правах ребёнка», а отвлечённые рассуждения о педагогических идеалах, собственно говоря, держались на «Декларации о правах человека и гражданина» с небольшими добавлениями из Толстого и новейшего европейского индивидуализма.

Странным образом с этим уживалось представление о «среде», взятое из популярно изложенного Дарвина и тем не менее крепко въевшееся в интеллигентские мозги. «Среда» понималась как всесильное начало, простое и элементарное, определяющее положение личности до конца, фон, на котором нарисована бледная, пассивная личность.

Исходя из этого багажа, при помощи самой нехитрой дедукции выводились постановления о должном педагогическом средстве, в то время когда живая детская жизнь беспомощно увязала в сетке обычных противоречий, разрешить которые очень часто можно было при помощи простого здравого смысла.

Какой должна быть логика педагогического процесса?

Прежде всего он должен быть до конца целесообразен, следовательно, невозможно допустить действие каких бы то ни было шаблонов. Нет никаких непогрешимых средств, и нет средств обязательно порочных. В зависимости обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, от таланта и подготовки выполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной конъюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до степени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания. Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой: области показания опыта не имеют такого большого значения.

Эта многоликость педагогического средства, сложная красочность и изменчивость воспитательной картины делают чрезвычайно ответственной позицию педагога-теоретика. Номенклатура педагогического приёма в общем; едва ли может быть специально дополнена для отдельного воспитательного задания. Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько, велика, что для воспитания строителя-большевика и убеждённого буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приёмов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки, храма, и для постройки рабочего клуба. Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой; по отношению друг к другу, их общей гармонированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т. е. тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано.

И только там, где начинается это комбинирование, эта расстановка, где определяется общая направленность и классовая связанность, только там есть место для установления педагогического закона. Само собой понятая но, что этот закон уже не может принимать форму рекомендации или отрицания отдельного средства, которое вообще представляется аполитичным и, если так можно выразиться, апедагогичным.

Какую же форму может принять педагогический закон?

При настоящем положении науки о человеке и о человечестве он ни в каком случае не может полностью дедуцироваться ни от какого общего положения.

Основанием для советского педагогического закона

должна быть индукция цельного опыта. Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах («проверка на сопротивление»), только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения.

Очень важно при этом, что здесь возможна одна чрезвычайно опасная ошибка. Я имел возможность наблюдать несколько попыток отбора такого цельного опыта и всегда при этом встречал и указанную опасную ошибку. Она заключается в том, что, принимая опыт в целом, участники отбора обязательно стараются внести в него коррективы, т. е. осуждают отдельные частные приёмы или вставляют дополнительные, новые, собственного изобретения.

Нечего и говорить, что эти изменения производятся всё по тому же методу дедуцированного средства, иначе говоря, производятся без всяких оснований. А между тем это самодурство приводит к печальным результатам. Нарушенная в своей органической цельности система делается больной системой, и пересадка опыта оканчивается неудачей. С такими ошибками трудно бороться, ибо контролёры и реформаторы орудуют совершенно чужой логикой. Убедить их можно было бы только опытом, но как раз опыт не входит в систему их логики.

Мои утверждения вовсе не значат, что недопустима критика системы и её исправление. И критика, и исправление возможны, но обязательно в системе индуктивной логики.

Прибавления и купюры в системе могут контролироваться только в работе всей системы на довольно большом отрезке времени; всякие же безответственные пророчества («наказание воспитывает раба») могут быть оставлены без рассмотрения.

Я рекомендую индуктивную логику вовсе не для того, чтобы она применялась в редких случаях, когда такой зуд появится у контролёра-охотника. Индуктивная проверка, дополнения, изменения должны быть постоянным явлением в воспитательной системе. Это необходимо и потому, что всякое дело никогда не теряет способности совершенствоваться, и потому, что каждый день приносит и новые условия, и новые оттенки в задаче.

Постоянная работа исправления обычно производится коллективом, который, конечно, имеет преимущественное право на авторство в этой области, и к тому же обладает большей утончённостью нервов в привычной области и лучше приспособлен сберегать традиции. Наблюдатель

со стороны, хотя бы и официальный, всегда имеет склонность «скашивать на нет», ему нечего терять, и он ни за что не отвечает. Его преимущество заключается только в староросийском «со стороны виднее». Здоровый коллектив обычно всегда сопротивляется таким реформаторам, тем более что они не оперируют опытной логикой, а безапелляционно заявляют: «Так лучше».

Но и коллективы, и здоровье коллектива бывают разные, и поэтому постороннее вмешательство в постановку цельного опыта вообще возможно, а в некоторых случаях и необходимо.

Отстаивая права цельного опыта, мы ни одной минуты не истратим на отстаивание исключительных прав индукции [13]. Как и во всякой другой области, опыт возникает из дедуктивных положений, и они имеют значение далеко за пределами первого момента опыта, остаются направляющими началами на всём его протяжении.

Дедуктивные положения прежде всего возникают как отражение общей задачи. Если в самой задаче сказано, что мы должны выпустить здорового человека, то на всём протяжении нашего опыта мы будем оперировать измерительными дедукциями из этого требования: мы не будем забывать о форточках и о свежем воздухе, не ожидая опытной проверки.

Вторым основанием для дедукции является положение о коллективе. Наш опыт необходимо будет направляться и положением о суверенитете коллектива, и положением о деятельности коллектива в обществе.

Наконец, третье основание для дедукции составляет накопленный веками социальный и культурный опыт людей, концентрированный в так называемом здравом смысле. К сожалению, эта штука пользуется наименьшим уважением педагогов. Уж на что, кажется, бесспорно признан сарказм Грибоедова «числом поболее, ценою подешевле» и касается он как раз педагогической деятельности, а ведь не так давно в колониях для правонарушителей полагался один воспитатель на каждые десять воспитанников. И платить им было назначено по сорок рублей в месяц[14]. В колонии им. М. Горького было четыреста воспитанников. Спрашивается, какие чудеса могли отвратить полный развал колонии при соблюдении этого замечательного условия?

Направленный общими дедуктивными положениями, длительный опыт цельной системы должен сам в себе заключать постоянный анализ. Процессы протекания и

углубления опыта, конечно, не могут быть свободными от ошибок. Нужно очень осторожное, сугубо диалектическое отношение к ошибкам, потому что очень часто то, что кажется ошибкой, при более терпеливой проверке оказывается полезным фактором. Но такая проверка требует обязательно педагогической техники, широкого педагогического мастерства, высокой квалификации.

Сохранение ценных опытных очагов, уважение к их находкам могут нашу молодую логику воплотить в строгих формах педагогической техники.

Только так мы создадим школу советского воспитания.

И ещё одно: наши педагогические вузы должны решительно перестроить свои программы. Они должны давать хорошо подготовленных, грамотных педагогов-техников.

3. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД[15]

Общие соображения об организационном периоде

Успешность протекания воспитательной работы детского коллектива (детского дома, колонии, коммуны; в дальнейшем мы будем употреблять термин «колония» как средний между детским домом и коммуной) во многом зависит от первоначальных вкладов в его организацию, от организационного периода.

На практике длительность организационного периода бывает очень различна. Есть колонии, в которых организационный период никогда не заканчивается. Иногда такое положение признаётся даже нормальным, иногда рассматривается как последнее слово педагогической техники. Предполагается, что дети в таких случаях вырастут хорошими организаторами. С этим, к сожалению, невозможно согласиться, так как опыт доказывает обратное. Иначе быть и не может, ибо организационный период, хотя и носит такое приятное название, предполагает, что многое ещё не готово для выполнения основной задачи воспитательного учреждения.

С другой стороны, нужно признать: как бы хорошо ни было поставлено детское учреждение, по самому существу нашей работы предполагается, что оно может и должно расти и улучшаться, и поэтому детский коллектив всегда должен вести именно организационную работу, он не долен остановиться в развитии, замереть в строгом стационаре.

Вопрос сводится к установлению двух границ. Первая – момент вселения детей в колонию. Что-то должно быть сделано, подготовлено к приходу детей, должен быть обеспечен какой-то организационный минимум. За вычетом этого минимума некоторая часть организационного периода приходится уже на то время, когда дети живут в колонии и принимают участие в организационной работе. Наконец, должен наступить момент, когда и эта часть организационного периода заканчивается и наступает период нормальной постоянной работы колонии. Это и будет вторая граница.

За этой границей могут и должны быть организационные усилия [педагогов и воспитанников] и работа, направленные к расширению и улучшению колонии. [Эта работа] может принимать грандиозные размеры и совершенно изменять «лицо» колоний, но какие-то признаки должны говорить, что это не организационный период, что это нормальная работа, иначе говоря, что основной необходимый комплекс воспитательных средств обеспечен.

Расположение указанных двух границ в истории колонии должно быть обязательно правильным, в противном случае мы никогда не придём к успеху, и самое наше развитие, если оно выражается даже в больших материальных | цифрах, будет развитием болезненным. Я обращаю внимание читателя на это обстоятельство самым серьёзным? образом, ибо мне приходилось очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, наблюдать полное нарушение;, предполагаемого мною правила о двух границах и очень печальные последствия этого нарушения. Печальнее всего то, что это нарушение сплошь и рядом производится не в порядке ошибки или недосмотра, а, так сказать, нарочно, \ в убеждении, что так и нужно делать, что такой именно способ полезен.

Именно поэтому я хочу подробнее остановиться на анализе этих ошибок и на выяснении наиболее удобных; мест, по которым должны проходить обе границы. Для' удобства изложения назовём отрезки времени от момента, зарождения колонии до первой границы периодом А, а отрезок между первой и второй границей – периодом Б и период нормальной работы – периодом В.

Ошибочное определение границ и ошибочное содержание самих периодов принимают в таком случае следующие формы:

1) период А очень короток
2) период А очень велик

3) период Б очень короток
4) период Б очень велик.

Во всех случаях страдающим является третий период В, период нормальной работы, хотя, разумеется, и протекание других периодов делается неправильным и, следовательно, вредным.

1. Период А очень короток.

Это наиболее часто встречающийся случай. Характеризуется он тем, что к приёму детей не готовы ни здания, ни оборудование, и детям поэтому приходится переживать все трудности организационного периода.

На протяжении периода А должны быть обеспечены такие условия, чтобы жизнь детей не сделать чересчур тягостной, неудобной, чтобы от них не потребовались усилия, на которые они не способны или которые связаны с безразличным воспитательным эффектом. Установить точно, что именно должно быть сделано в течение периода А, не представляет особенно трудной задачи. Если бы организаторы-педагоги во время организационного периода задавались скромными практическими целями, они эту задачу решали бы, вероятно, всегда правильно. К сожалению, в большинстве случаев задача усложняется такими педагогическими «взлётами», что от практического здравого смысла остаются жалкие клочки.

Мне посчастливилось близко наблюдать организационный период двух детских учреждений. В первом – коммуне – в течение периода А был сделан максимум. Были выстроены прекрасные здания, все комнаты до конца оборудованы и даже украшены. В спальнях не только поставлены кровати, но и положены на них матрасы, простыни, одеяла, пододеяльники, подушки. На стенах в спальнях и других комнатах повешены портреты, зеркала и лозунги, в «тихом» клубе оборудованы уголки. Такая же картина и в столовой, и на кухне, и в кладовых. Всё запасено, положено на место, приспособлено до конца. В один прекрасный день с утра затопили на кухне, приступил к работе персонал, тоже подобранный и проверенный и даже одетый в новые спецкостюмы. Новый с иголочки кладовщик ещё вчера вечером отправил в какую-то «дружественную страну» шестьдесят комплектов белья, костюмов, поясов, обуви, фуражек. В ту же «страну» отправился парикмахер, врач и другие представители гигиены.

И вот к обеду, точно в назначенное время, прибыли хозяева нового дома, вошли в тёплый, уютный и украшенный дворец, без крика и хулиганства рассыпались по спальням

и клубам, но уже через полчаса их трубач что-то заиграл, и, повинуясь его приказу, хозяева собрались в столовую и пообедали. А после обеда тот же трубач что-то такое наладил в их толпе, и она уже не толпа, а организация, состоящая из шести отрядов с командирами во главе. Всё это было выражено в движениях ладных и, очевидно, привычных и простых.

Оказывается, что не только спальни и уголки были организованы до мелочей, но и колонисты пришли уже организованными, они были взяты не с улицы, а из другой колонии, принесли с собой навыки и привычные формы. Общая организованность казалась настолько совершенной, что уже излишними были небольшие таблички на стенах с надписями «Соблюдайте чистоту», «Не плюйте на пол».

Уже по самому описанию моему должно догадаться, что в организации этой коммуны было всё до конца подготовлено, продумано и объединено какими-то общими идеями.

1. Колония должна быть организована до конца и сдана детям в совершенно готовом виде.

2. Она должна быть организована по возможности комфортабельно, уютно и даже красиво.

3. Первые коммунары должны быть так подобраны, чтобы наименьшим был риск разорения, расхищения, порчи всего собранного добра.

В выражении этих идей чувствуется некоторый запах «антипедагогический». В самом деле, похоже на то, что организаторы построили и оборудовали хорошую коммуну, но за деревьями потеряли лес и больше беспокоились о целости имущества, чем о педагогическом творчестве.

Совсем другое дело во второй колонии. Нашли старый монастырь, положили заплаты на крышу, чтобы не протекало, и привезли триста ребят, собранных в течение двух-трёх дней на вокзалах, улицах и даже изъятых из реформаториумов и временных мест изоляции. Конечно, не было не только уголков и гардин, цветов и портретов, но не было и столов, и кроватей, и сами помещения даже не были распределены. Правда, в кладовой нашлось немного продуктов для того, чтобы приготовить обед, нашлась недалеко и баба, которая по линии женского закрепощения давно была приспособлена, чтобы обслуживать человечество на кухне. Но этим ограничен был список приспособлений для человеческой жизни.

Зато всё было приспособлено для жизни «педагогической». Организаторы усиленно подчёркивали это немаловажное

обстоятельство. Они указывали на тлетворное влияние богатства и изнеженности и предлагали убедиться на деле, что самоорганизация, самообслуживание, самооборудование, инициатива и другие полезные вещи в самое короткое время из распущенной дикой толпы создадут организованный пролетарский коллектив. Нет кроватей – сделайте для себя кровати, нет столов – сделайте столы, сделайте стулья, побелите стены, вставьте стёкла, исправьте двери. «Путёвка в жизнь» – картина, как известно, продолжила эту схему: «Постройте для себя железную дорогу»,– и, кажется, никто не осудил «Путёвку» за это предложение[16].

Логика организаторов была неуязвима. В самом деле: получить всё готовое, прийти в оборудованное жильё – это значит ни о чём не заботиться, не бороться с нуждой, это значит расти барчуком, потребителем.

И наоборот, получить только стены и крышу, всё сделать собственными руками, пусть сначала простое и дешёвое, в коллективном напряжении создать «свою» коммуну, добиться благополучия и богатства – разве это не значит воспитать нового человека? В этом рассуждении есть своя логика и «логика сугубо педагогическая». Если бы дело решалось одной логикой, представители второго способа организации были бы, пожалуй, правы. Но дело в том, что необходимы ещё некоторые вещи, кроме логики.

Организаторы коммуны тоже оперировали логикой. Они считали, что воспитательное учреждение должно обладать каким-то максимумом материальных условий, они и создавали эти условия, т. е. истратили довольно большую энергию на обдумывание каждой детали, каждого уголка в новом доме. Ими была совершена большая работа. Это уже не только логика, это уже нечто реальное, ибо такая первоначальная организация учреждения в общем – *это метод.* Новый воспитанник колонии оказался в определённом материальном комплексе, который определил его жизнь не только в первый день.

Логика организаторов при этом не ограничивала своего собственного развития. Владение оборудованным жилищем не исключало возможности дальнейшего развёртывания логики и практики, и это развёртывание при удаче могло быть педагогически положительным. Например, хранение всего собранного в коммуне, забота о чистоте, пополнение новыми необходимыми вещами являются категориями Педагогическими, хотя и не столь «яркими», как во втором случае.

Но дело как раз в том, что во втором случае яркость только кажущаяся. Здесь вообще нет ничего реального кроме логики. Предложенный проект организационного периода в сущности не имеет никакого практической содержания. Если в первом случае логически пришли к необходимости поставить кровати и покрыть их одеялами, то эта логика была завершена выбором кроватей и одеял, их покупкой, доставкой, расстановкой и пр.; одним словом была проделана какая-то работа.

Во втором случае никакой работы нет. Процесс самооборудования, мыслимый только как процесс желательный, не выходит за границы мечты. Детский коллектив оказывается в практической пустоте, его поведение не определяется педагогом, ибо мечта педагога ничего не определяет, кроме его собственной души. Побудить ребят заняться изготовлением мебели могли бы только практические меры, какая-то система приёмов, и эта системе должна быть детализированной, продуманной до конца и обязательно проверенной. [Но] ничего этого нет, нет практического комплекса, и не доказана даже его возможность, не доказана на опыте, не доказана и в плане. Фантастичность этого проекта нисколько не меньше фантастичности, допустим, такого проекта: не нужно учебников, пусть сами ребята сделают для себя учебники.

Таким представляется проект самооборудования в общем виде. Ещё более сумбурным он делается, когда переходим к деталям. Уединённость педагогической логики, её простодушная самоуверенность, её непрактичность сказываются в первые же дни колонии. Если при первой способе организации имеется опасность пассивности и изнеженности, то это пока что опасность только в абстрактной логике. Действительность же в этом случае настолько наполнена вещами, что ребячий коллектив, подчиняясь воле организаторов, включается в воспитательный процесс и не замечает никакой логики, он приступает к функций хозяина как к простой и понятной функции. Педагогу остаётся эту функцию утвердить, упорядочить, развить. Здесь превосходная точка отправления.

При втором способе, где выпячена только логика, ребячий коллектив принуждается тоже занять логическую позицию, и он всегда так и делает. Мечтательной логике педагога он противопоставляет свою логику, имеющую нисколько не меньшую убедительность. Жизнь на улице то же не оборудована и полна неуюта, но зато наполнена приключениями, чередованиями удач и напряжений, а

перспектива – кто её разберёт? При способе «самооборудования» она тоже представляется неразборчивой, но [ещё] и не интересной. Педагог видит впереди большие успехи, у него перспектива есть, но другие её не видят,– это удел всякой перспективы, построенной на мечте. Может быть, и ребята могли бы увлечься такой мечтой-перспективой, но им мешает это сделать слишком тяжёлая и неприятная действительность в колонии, благодаря чему далёкая перспектива педагога («самооборудования и самоорганизации» детей) легко сбивается с позиции, знакомой беспризорным детям, близкой перспективой «свободной улицы».

Таковы результаты сравнения описанных двух методов организационного периода. Они не в пользу второго. Кроме того, если в первом всё-таки остаётся некоторая опасность неактивного развития, то во втором присутствует ещё один дополнительный порок: если даже предположить, что процесс самооборудования начнётся и приведёт к каким-либо материальным результатам, то педагогическая польза его всё-таки должна быть поставлена под сомнение.

Решить эту проблему можно было бы только опытным путём. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить хотя бы пару цельных опытов. Я не знаю случая, чтобы предпринятая операция второго способа была доведена до конца. Обыкновенно на втором же месяце организационного периода организаторы отказываются его продолжать. Правда, для газетных сотрудников при случае рисуются в розовых тонах захватывающие картины прошлого. Для романтической души такие темы вообще незаменимы. Можно не только делать столы, можно строить и железную дорогу и в порядке уже настоящего гурманства угробить на ней главного героя. На деле бывает не так. На деле бывает дебош, массовые побеги и бесконечное бузотёрство ребят, это именно и принуждает организаторов вывесить белый флаг.

Не имея под рукой цельного опыта, мы можем оперировать только отдельными опытными деталями и кое-какими положениями здравого смысла. Предлагаемый метод, обычно выражаемый в хвастливой формуле «дети всё сами сделали», не разработан даже в логическом смысле. ин обладает явными пороками уже «в утробе матери». Вот эти пороки:

1. Он весь построен на боклевском положении[17], что цивилизация создаётся нуждой, положении неверном и понимаемом не диалектически. Нужда всеобщая, как

известный этап в борьбе человечества с природой, нужда, понимаемая не как бедность, а как неприспособленность всего общества, конечно, является стимулом для усилий, изобретательности, находчивости, поисков всех людей. Это даже не нужда, это потребность, вытекающая из всего предшествовавшего этапа культуры. Но эта потребность присутствует не только на первобытной ступени культуры. Она в любой общественной организации проявляет себя как главный стимул движения вперёд, и тем больше проявляет, чем больше имеется уже завоёванных позиций в борьбе человека с природой, чем больше точек соприкосновения с природой. Поэтому вообще процесс совершенствования материальной обеспеченности человека должен развиваться в порядке прогрессии. Пока, например, человечество не знало электричества, совершенно невозможно было зарождение огромного числа потребностей, которые могут быть удовлетворены только при помощи электричества.

При таком положении какой воспитательный смысл может иметь вверженне группы ребят в нарочито созданную первобытную обстановку? Если такое вверженне имеет смысл, то почему только в области мебели или одежды? Почему в таком случае не отказать ребятам и в крыше, и в пище, вообще поставить их в позицию первобытного дикаря?

Между прочим, какие-то заграничные выдумщики и это предлагали. Говорилось, что ребёнок близок к дикарю, и другие подобные глупости. Только слабая логика может заблудиться на таком ровном месте – принудить ребят переживать потребности, которые были бы естественны только на заре человечества. Искусственно направить мысль ребёнка на столы, стулья, побелку, одеяло – это значит рассматривать его как вневременное существо, как категорию историко-культурную, а не социальную.

А этот самый ребёнок в это самое время ощущает себя категорией временной. Он живёт не в первобытную эпоху, а в век электричества, он не вообще человек, а принадлежит к определённому классу, в задачи которого отнюдь не входит повторять на практике историю культуры; он, наконец, уже знает, что существует техника, электричество, автомобили и машинное производство, знает и стремится ко всему этому. Очевидно, что правильное воспитание и должно исходить из этого стремления, которое в то же время выражает сущность общих наших классовых задач.

Эта простая и лаконичная идея не оставляет никакого места для каких бы то ни было педагогических фокусов.

2. Вторая порочная линия проекта «самооборудования» заключается в том, что, рассчитывая организовать деятельность ребят на [основе] потребности, мы на деле организуем не потребности, а конфликт. Для колонистов не будет секретом, что необходимые для них вещи отсутствуют нарочно. Вещи эти, эту необходимую степень комфорта они будут видеть вокруг себя, у всех людей. Отсутствие их в колонии не будет ничем оправдано; таким образом, в центре их внимания становится не борьба с нуждой, а борьба с этой неоправданностью – несправедливостью.

Приведённый небольшой анализ метода «самооборудования» заставляет нас рекомендовать полный отказ от его применения, но это вовсе не значит, что мы целиком стоим на стороне способа чрезмерного оборудования.

Середина должна быть найдена при помощи уже известных нам принципов. Правда, опыт коммуны им. Дзержинского, оборудованной до полного совершенства и населённой не случайно собранными ребятами, а членами сложившегося коллектива, был опытом очень удачным. Никакой изнеженности, ничего такого, что напоминало бы барчука, в коммуне не получилось. Интересно, между прочим, что в первое время коммунаров во многих местах, в особенности во многих детских домах, называли барчуками и с разгона называли даже тогда, когда коммуна перешла на самоокупаемость и совершенно освободилась от каких бы то ни было дотаций, и называли именно те, которые продолжали жить на государственный счёт.

Это доказывает, что полное оборудование не приведёт к таким последствиям, которые предсказываются, если приняты какие-то специальные меры.

Об этих мерах, собственно, и призвана говорить вся эта книга. Логика здесь такая: если есть возможность как можно удобнее и лучше обставить жизнь детей с самого начала и можно так устроить, чтобы развитие детского рабочего коллектива было всё-таки правильным, то нет никаких оснований от этого полного оборудования отказываться. Основанием может быть только материальная нужда, недостаток средств для полного оборудования. В таком случае необходимо удовлетворять первоочередные потребности.

Так, например, хороший красный уголок, сделанный художником, стоит дорого, и эти средства лучше истратить

на другое, а уголок оборудовать силами ребят. При хорошей организации это вполне доступная для них творческая работа, имеющая много положительных сторон. Точно так же приобретение дорогих гардин и портьер можно отложить до более богатого времени, а украсить со вкусом окна и двери при желании всегда найдётся возможность с небольшими затратами.

В частности, и в истории коммуны им. Дзержинского такие ошибки были сделаны. Были и гардины, и уголки, и портьеры, но не было ледника, не было оборотного капитала. Это, правда, произошло только потому, что никто всерьёз не собирался коммуну делать производственной, просто в то время это было не в моде, не было образцов.

Таким образом, вопрос о характере оборудования решается не в принципиальной области, а в материально– практической. Всё дело в средствах, которыми располагают организаторы. Но так как мы вообще не представляем, что у организаторов имеется монетный двор, то этим самым естественно возникает вопрос о создании шкалы, в которой бы расположились отдельные области оборудования в порядке их важности и очерёдности.

Какой принцип может руководить нами при создании такой шкалы? Этот принцип классового заказа. Нам нужно воспитать здоровое поколение, способное сознательно, энергично и успешно участвовать в строении социализма и в защите дела пролетарской революции. Три положения этого принципа: здоровье, умение работать и способность к борьбе, идейная вооружённость,– и должны нами руководить.

Под контролем этих положений складывается наша шкала.

1-е: мы должны дать детям крышу, дом, где было бы много солнца, где были бы хорошие уборные, умывальни, души. Дом, в котором было бы много воздуха и где было бы удобно учиться, и работать, и жить.

2-е: для учёбы и работы, для еды и сна всё должно быть готово и приспособлено к открытию колонии, «и чем лучше, тем лучше». При этом совершенно достаточно, если потребности в пище и в одежде будут удовлетворены нормально, но потребности учёбы и работы должны быть удовлетворены как можно лучше. Можно ограничиться в крайнем случае некрашеными столами и деревянными ложками, но зато купить лишнее пособие для школы и поставить лишний станок в мастерских. Деревянные ложки потом всегда можно будет заменить хорошими металлическими.

Эта подробность не относится к зданию. Здание не так скоро заменишь, и в плохом здании страдают все стороны жизни колонии, поэтому здание должно быть как можно лучше построено с самого начала.

3-е: жизнь ребят должна проходить в обстановке уютной и красивой, но на первое время можно ограничиться более скромными условиями, всегда стремясь к максимальной культуре быта, а украшение колонии отложить до лучших времён.

Таким образом, общая шкала последовательного удовлетворения потребности в оборудовании получается такая:

1. Хорошее здание.
2. Необходимый минимум запасов пищи и одежды.
3. Необходимый минимум обстановки.
4. Хорошие школьные условия, мебель, пособия.
5. Библиотека.
6. Хорошие производственные условия: станки, капитал, материалы.
7. Отсутствие безобразных вещей.
8. Хорошая мебель и оборудование.
9. Украшение колонии – эстетика.

Я предлагаю организаторам детских учреждений по этой шкале проверить любое дело, и они увидят, что шкала правильная. Если уже имеется хорошее школьное и производственное оборудование по выработанному и проведённому плану, необходимо расширять библиотеку, школьные кабинеты, а тогда можно уже приобретать красивую обстановку. Пока всего этого нет, воздержитесь от дорогой одежды и от украшающих вещей домашнего обихода, а когда есть уже хорошая одежда, можете приступить к украшению помещений и здания колонии.

Разумеется, точно указать все отдельные частности подготовительных приобретений мы не в состоянии. Всё же нам кажется, что место первой границы организационного периода должно проходить именно через эту шкалу, которая позволяет приспособиться к разным материальным обстоятельствам.

Можно представить себе такое положение, когда даже для соблюдения первой потребности – в хорошем здании – нет средств. Как тогда быть? Отказаться от колонии? Конечно, отказаться от колонии. Но есть и иной выход – передать средства другой крепкой колонии, построить хорошее здание с учётом расширения учреждения.

Я ожидаю и такого ехидного вопроса: значит, если есть средства только на здание, то нужно его построить и отказаться от хорошего завода или мастерских и, пожалуй, даже отказаться от пищи и обстановки? Какая же в таком случае получится колония? Не лучше ли эти средства употребить на хорошие мастерские, на закупку пищи и одежды?

Я думаю, что не лучше. Какое бы значение мы ни придавали производству и школе, на первом месте должна стоять задача – выпустить здоровое поколение. «Дохлые» производственники и строители нам не нужны, неврастеники только испакостят наше дело. Лучше в таком случае отказаться от затеи или построить хорошее здание и подождать, пока у нас отыщутся средства. Во всяком случае, в этой работе мы хотим говорить о советской детской колонии, о воспитательном коммунистическом очаге.

На Западе как раз имеются такие комбинации: для детей есть работа на хороших фабриках, но они живут в плохих лачугах. Я думаю, что для детства и юношества эта комбинация должна быть признана не советской.

Приведённая шкала последовательности оборудования может быть выполнена и вся целиком, но мы не склонны считать это обязательным. Я, наконец, такого случая и не знаю. В приведённой мною в качестве примера истории коммуны им. Дзержинского как раз не была выполнена вся программа, производство было организовано слабо. Это обстоятельство на четыре года задержало производственное развитие коммуны, но оно не привело ни к каким тяжёлым воспитательным последствиям.

Я лично думаю, что в реализации полного списка никакой опасности нет. Опасности на наших путях, пожалуй, меньше всего лежат в оборудовании, если в этом деле не переступать границы здравого смысла.

ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ

В педагогической теории, как это ни странно, цель воспитательной работы обратилась в категорию почти забытую[1]. На последнем Всероссийском научном совещании по педагогическим наукам о цели воспитания не говорилось. Можно думать, что научной педагогике нет никакого дела до этого вопроса.

В специальных педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитания, как это уместно делать в философских высказываниях. От педагога-теоретика требуется решение проблемы не идеала, а путей к этому идеалу. Это значит, что педагогика должна разработать сложнейший вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели.

Точно так же мы не можем говорить только о профессиональной подготовке нового поколения. Мы должны думать и о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных качеств, которые необходимы Советскому государству в эпоху диктатуры рабочего класса, в момент становления бесклассового общества.

Как же обстоит у нас дело с этой проблемой?

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «всё равно». Ещё через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и учёным, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу всё равно никому не доведётся, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Педагогическая арена всё более делалась достоянием педологии, и к 1936 г. у педагогов остались самые незначительные «территории», не выходящие за пределы частных методик.

Педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педолога за биологическими и генетическими капризами?

Педологи сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая учёность? Впрочем, не только удивлялись, подражали. А. С. Бубнов[2] в своей статье в «Коммунистическом просвещении» (№ 5-6 за 1936 г.) приводит случай, когда деятели научной педагогики тт. Каменев и

Пинкевич в объяснительной записке к программе по общей педагогике писали: «Система расположения материала подчиняется не отдельным отвлечённо взятым «целям», «темам», «вопросам»... а воспитанию и обучению детей определённого возраста».

Если возраст является единственным направляющим началом педагогики, то, разумеется, слово цели можно взять в иронические кавычки. Но мы вправе заинтересоваться: почему вдруг в нашей стране воспитание молодого поколения сделалось игрушкой возрастных, биологических, психологических и других симпатий? Почему такое презрение высказывается по отношению к самой идее целенаправленности?

На эти вопросы можно ответить различно. Может быть, причины заключаются в простом безразличии к нашей жизни и нашим целям. Ну, а если дело в сознательном намерении скомкать нашу воспитательную работу, сделать её безразличной и пустой дрессировкой личности в пределах тех возможностей, которые сами собой в этой личности открываются: личность способна научиться читать – прекрасно, пусть учится; она проявляет наклонности к спорту – тоже неплохо; она никаких наклонностей не проявляет, и то хлеб для педолога – это «трудная» личность, и можно над ней покуражиться вволю.

Трудно подсчитать раны, нанесённые педологией делу социалистического строительства на самом важнейшем его участке – воспитания молодёжи. Дело идёт о болезни теории, и даже не теории, а теоретиков, ослеплённых педологией настолько, что они потеряли способность видеть истинные источники теории. В этом смысле болезнь имеет вид довольно несимпатичный. Суть этой болезни не только в количестве педологических положений, сохранившихся до сегодняшнего дня, не только в некоторой пустоте, образовавшейся на месте педологического Олимпа, суть в отравлении самого нашего мышления. Научная мысль даже в искренней критике педологических утверждений ещё содержит педологические пережитки.

Зараза довольно глубока. Инфекция началась ещё до революции в гнёздах экспериментальной педагогики[3], для которой характерен был разрыв между изучением ребёнка и его воспитанием[4]. Буржуазная педагогика начала XX в., разрываемая на части многочисленными школами и новаторами, бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала

под знаменем борьбы с казённой школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чёткого уха уже и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту «науку», лишённую прежде всего настоящего научного базиса. Уже и тогда можно было видеть в ней очень сомнительные склонности к биологическим экскурсам, в сущности своей представляющие явную попытку ревизии марксистского представления о человеке.

Биологические тенденции[5] экспериментальной педагогики и потом педологии отталкивают каждого учителя-марксиста. И напрасно думают, что наше учительство заморочено педологией. Если кто и заморочен, то не учительство.

Выполнить призыв партии – «восстановить в правах педагогику и педагогов»[6] – мы способны только при одном условии: решительно порвав с безразличным отношением к нашим государственным и общественно-политическим целям.

На Всероссийском совещании по педагогическим наукам в апреле 1937 г. был поставлен специальный доклад: «Методические принципы воспитательной работы». Что в этом докладе сказано о целях воспитания, каким образом из этих целей вытекает метод?

Доклад имеет такой вид, как будто цели воспитания автору и слушателям давно хорошо известны, нужно говорить только о методах, о средствах их достижения. Только для торжественного финала, отделённого от остального изложения некоторой чёрточкой, докладчик возглашает:

«В основе их (принципов) лежит принцип коммунистической направленности, который является общим руководящим диалектическим принципом воспитания, поскольку он определяет и содержание, и методы, и организацию всей воспитательной работы».

И в самом конце:

«Принцип этот требует от педагога партийности в работе, политической бдительности, глубокого понимания целей, средств и условий воспитания».

Такие именно финалы и раньше наблюдались в педагогических писаниях. От педагога всегда требовалось высокое совершенство, всегда теоретик любил сказать два слова: «педагог должен». А в чём заключается долг самого теоретика, имеется ли у него самого «глубокое понимание целей, средств и условий»? Может быть, и имеется, но почему в таком случае теоретик держит свои богатства

в секрете, почему он не раскрывает перед слушателями глубин своего знания? Почему только «под занавес» он иногда позволяет себе нечто продекламировать о целях и условиях, почему в самом изложении этих целей не видишь и не чувствуешь? И наконец, до каких же пор такой теоретик будет отделываться общеизвестным утверждением, что наше воспитание должно быть коммунистическим?

Когда я в своей книге «Педагогическая поэма» протестовал против слабости педагогической науки, меня на всех перекрёстках обвиняли в неуважении к теории, в кустарщине, в отрицании науки, в пренебрежении к культурному наследству. Но вот передо мной специальный доклад о методах воспитания, предложенный на специальном научном совещании. В докладе не упоминается ни одно учёное имя, нет ссылки ни на одно научное положение, нет попытки применять какую-либо научную логику. Доклад в сущности представляет собой обыкновенное домашнее рассуждение, средний навар из житейской мудрости и благих пожеланий. Только в некоторых местах в нём проглядывают уши известного немецкого педагога Гербарта, который, между прочим, почитался и царской официальной педагогикой как автор так называемого воспитывающего обучения.

В начале вышеприведённого доклада говорится, что, несмотря на улучшение, у нас имеются и недостатки. Недостатки следующие:

а) нет надёжной системы и последовательности в организации воспитательной работы педагога;

б) воспитательная работа протекает от случая к случаю, главным образом в связи с отдельными проступками учащихся;

в) в организации воспитательной работы наблюдается разрыв воспитания;

г) наблюдается разрыв воспитания, обучения и руководства детьми;

д) наблюдаются случаи нечуткого подхода.

Эти, скромно выражаясь, недостатки приобретают весьма выразительный вид, если мы к ним прибавим ещё один: неясность вопроса, в каком направлении, к каким целям «протекает» эта воспитательная работа, не имеющая системы и последовательности, живущая от случая к случаю, украшенная разными «разрывами» и «нечуткими подходами».

Автор признаёт, что «воспитательная работа носит по существу характер оберегающего воздействия и сводится к борьбе с отрицательными проявлениями в поведении учащихся, т. е. на практике осуществляется один из тезисов мелкобуржуазной теории свободного воспитания». «...Воспитательное воздействие педагога начинается в таких случаях лишь после того, как ученики совершили проступок».

Следовательно, мы можем позавидовать только тем детям, которые совершили проступки. Их всё-таки воспитывают. Автор как будто не сомневается, что их воспитывают правильно. Мне бы хотелось знать, как их воспитывают, какими целями руководствуются в их воспитании. Что же касается детей без проступков, то их воспитание «протекает» неизвестно куда.

Посвятив недостаткам три четверти доклада, докладчик переходит к своему положительному кредо. Оно имеет вид очень добродетельный:

«Воспитывать детей – это значит прививать им положительные качества (честность, правдивость, добросовестность, ответственность, дисциплинированность, любовь к учёбе, социалистическое отношение к труду, советский патриотизм и пр.) и на этой основе исправлять имеющиеся у них недостатки».

В этом милом «научном» перечислении меня всё приводит в восторг. Больше всего мне нравится «и пр.». Так как перед этим «положительным качеством» стоит «советский патриотизм», то можно надеяться, что «и пр.» будет тоже неплохо. А какая тонкость в понятиях: с одной стороны – честность, с другой – добросовестность, а между ними, обложенная добродетелями, как ватой, помещается «правдивость». Вид замечательно приятный! Какой читатель не прослезится, услышав, что и любовь не забыта, на первое время, конечно, к учёбе. А посмотрите, с каким старанием выписано слово «дисциплинированность»! И это ведь всерьёз, потому что перед ним стоит «ответственность».

Но одно дело – декларация, а другое дело – будничная работа[7]. В декларациях коммунистическое воспитание, а в частном случае – неразборчивая мешанина досужих находок, отравленных педологическим инертным фатализмом[8].

Вот отдел «консультации» в № 3 «Коммунистического просвещения» за прошлый год. Ответ товарищу Немченко:

«Когда приходится с ребёнком или подростком проводить беседу о нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка,– надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребёнок должен чувствовать, что учитель, даже при применении мер воздействия, делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребёнка».

Каким целеустремлением направляется подобный совет? Почему учитель должен выступать как бесстрастный ментор, «ровным» голосом изрекающий поучение? Кому неизвестно, что именно такие учителя, у которых ничего нет за душой, кроме «обязанности», вызывают отвращение у ребят, а их «ровный голос» производит самое отталкивающее впечатление? Какие положительные качества личности должны быть воспитаны рекомендуемым бесстрастием?

Ещё интереснее ответ товарищу Позднякову. В нём довольно нежными красками описывается случай, когда учитель обнаружил вора, укравшего у товарища три рубля. Учитель никому не сказал о своём открытии, а поговорил с укравшим наедине. «Никто из учащихся класса так и не узнал, кто же украл, в том числе и девочка, у которой были украдены деньги». По словам «консультации», ученик, совершивший этот поступок, с тех пор стал прилежнее заниматься и отлично соблюдать дисциплину.

Консультант приходит в восхищение:

«Вы чутко подошли к нему, не стали позорить его перед всем классом, не сказали его отцу, и мальчик оценил эту чуткость... Ведь учащихся вашего класса и не было надобности воспитывать на поступке мальчика, укравшего деньги, а этому мальчику вы нанесли бы тяжёлую внутреннюю рану».

Стоит остановиться на этом «рождественском» случае, чтобы выяснить, как велико его расстояние от коммунистического воспитания. Прежде всего отметим, что подобное «чуткое» мастерство возможно в любой буржуазной школе, в нём нет ничего принципиально нашего. Это обыкновенный случай парного морализирования, когда и воспитатель и воспитанник стоят в позиции tête-a-tête. Консультант уверен, что здесь произошёл положительный акт воспитания. Может быть, но какого воспитания? Давайте присмотримся к мальчику, поступок которого был скрыт от коллектива. По мнению консультанта, весьма важное

значение имеет то обстоятельство, что мальчик «оценил эту чуткость». Так ли? Мальчик остался в сознании своей независимости от общественного мнения коллектива, для него решающим явилось христианское всепрощение учителя. Он не пережил своей ответственности перед коллективом, его мораль начинает складываться в формах индивидуальных расчётов с учителем. Это не наша мораль. В своей жизни мальчик будет встречаться с очень многими людьми. Неужели его нравственная личность будет строиться в случайных комбинациях с их воззрениями? А если он встретится с троцкистом, какие у него выработаны способы сопротивления для такой встречи? Мораль уединённого сознания – это в лучшем случае мораль «доброго» человека, а большею частью это мораль двурушника.

Но дело не только в мальчике. Есть ещё и класс, т. е. коллектив, один из членов которого совершил кражу. По мысли консультанта, «учащихся класса не было надобности воспитывать на поступке мальчика». Странно. Почему же нет надобности?

В коллективе произошла кража, а воспитатель считает возможным обойтись без мобилизации общественного мнения по этому поводу. Он позволяет классу думать что угодно, подозревать в краже кого угодно, в последнем счёте он воспитывает в классе полное безразличие к таким случаям; спрашивается, откуда возьмётся у наших людей опыт борьбы с врагами коллектива, откуда придёт к ним опыт страсти и бдительности, каким образом коллектив научится контролировать личность?

Вот если бы учитель передал случай с кражей на рассмотрение коллектива, а я предлагаю даже большее – на решение коллектива, тогда каждый ученик был бы поставлен перед необходимостью активно участвовать в общественной борьбе, тогда учитель получил бы возможность развернуть перед классом какую-то моральную картину, дать детям и положительные чертежи правильного поступка. И каждый ученик, переживший эмоцию решения и осуждения, тем самым привлекался бы к опыту нравственной жизни. Только в такой коллективной инструментовке возможно настоящее коммунистическое воспитание. Только в этом случае и весь коллектив, и каждый отдельный ученик приходят к ощущению силы коллектива, к уверенности в его правоте, к гордости своей дисциплиной и своей честью. Само собой разумеется, что проведение такой операции требует от воспитателя большой тактичности и большого мастерства.

При самом поверхностном анализе на каждом шагу мы можем убедиться, что наше педагогическое движение в отдельном случае происходит не в направлении коммунистической личности, а куда-то в сторону. Поэтому в формировании личности, личных деталей нового человека мы должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошей политической чуткостью. Эта политическая чуткость является первым признаком нашей педагогической квалификации.

Кроме того, мы всегда должны помнить ещё одно обстоятельство, чрезвычайно важное. Каким бы цельным ни представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, всё же люди являются очень разнообразным материалом для воспитания и выпускаемый нами «продукт» тоже будет разнообразен. Общие и индивидуальные качества личности в нашем проекте образуют очень запутанные узлы.

Самым опасным моментом является страх перед этой сложностью и этим разнообразием. Страх этот может проявляться в двух формах: первая заключается в стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов. Вторая форма страха – это пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадёжная попытка справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности. Это – гипертрофия «индивидуального» подхода.

И тот и другой страх не советского происхождения, и педагогика, направляемая этими страхами, не наша педагогика: в первом случае она будет приближаться к старым казённым нормам, во втором случае – к педологии.

Достойной нашей эпохи и нашей революции организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время даёт возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению нашей частной педагогической задачи, мы не должны мудрствовать лукаво. Мы должны только хорошо понять положение нового человека в новом обществе.

Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нём не должно быть уединённой личности, то выпяченной в виде прыща, то размельчённой в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива.

В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива.

В социалистическом обществе много таких коллективов: широкая советская общественность сплошь состоит именно из таких – коллективов, но это вовсе не значит, что с педагогов снимается долг искать и находить в своей работе совершенные коллективные формы. Школьный коллектив, ячейка советского детского общества, прежде всего должен сделаться объектом воспитательной работы. Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приёме. В каждый момент нашего воздействия на личность эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив.

Эти положения, в сущности, общеизвестны. Но в нашей литературе они не сопровождались точным исследованием проблемы коллектива. О коллективе нужно специальное исследование.

Коллектив, который должен быть первой целью нашего воспитания, должен обладать совершенно определёнными качествами, ясно вытекающими из его социалистического характера. В короткой статье, может быть, невозможно перечислить все эти качества, я укажу главные.

А. Коллектив объединяет людей не только в общей Цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда. Общая цель здесь – не случайное совпадение частных целей, как в вагоне трамвая или в театре, а именно Цель всего коллектива. Отношение общей и частной цели у час не есть отношение противоположностей, а только отношение общего (значит, и моего) к частному, которое, оставаясь только моим, будет итожиться в общее в особом порядке.

Каждое действие отдельного ученика, каждая его удача или неудача должны расцениваться как неудача на фоне общего дела, как удача в общем деле.

Такая педагогическая логика должна буквально пропитывать каждый школьный день, каждое движение коллектива.

Б. Коллектив является частью советского общества, органически связанной со всеми другими коллективами. На нём лежит первая ответственность перед обществом, он несёт на себе первый долг перед всей страной, только через коллектив каждый его член входит в общество. Отсюда вытекает идея советской дисциплины. В таком случае каждому школьнику станут понятны и интересы коллектива, и понятия долга и чести. Только в такой инструментовке возможно воспитание гармонии личных и общих интересов, воспитание того чувства чести, которое ни в какой мере не напоминает старого гонора зазнавшегося насильника.

В. Достижение целей коллектива, общий труд, долг и честь коллектива не могут стать игрой случайных капризов отдельных людей. Коллектив – не толпа. Коллектив есть социальный организм, следовательно, он обладает органами управления и координирования, уполномоченными в первую очередь представлять интересы коллектива и общества.

Опыт коллективной жизни есть не только опыт соседства с другими людьми, это очень сложный опыт целесообразных коллективных движений, среди которых самое видное место занимают принципы распоряжения, обсуждения, подчинения большинству, подчинения товарища товарищу, ответственности и согласованности.

Для учительской работы в советской школе открываются светлые и широкие перспективы. Учитель призван создать эту образцовую организацию, беречь её, улучшать, передавать её новому учительскому составу. Не парное морализирование, а тактичное и мудрое руководстве правильным ростом коллектива – вот его призвание.

Г. Советский коллектив стоит на принципиальной позиции мирового единства трудового человечества. Это не просто бытовое объединение людей, это – часть боевого фронта человечества в эпоху мировой революции. Все предыдущие свойства коллектива не будут звучать, если в его жизни не будет жить пафос исторической борьбы, переживаемой нами. В этой идее должны объединятся и воспитываться все прочие качества коллектива. Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образцы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя Коммунистическую партию, ведущую его к подлинному счастью.

Из этих положений о коллективе вытекают и все детали развития личности. Мы должны выпускать из наших школ энергичных и идейных членов социалистического общества, способных без колебаний, всегда, в каждый момент своей жизни найти правильный критерий для личного поступка, способных в то же время требовать и от других правильного поведения. Наш воспитанник, кто бы он ни был, никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек. Он всегда должен выступать прежде всего как член своего коллектива, как член общества, отвечающий за поступки не только свои, но и своих товарищей.

В особенности важна область дисциплины, в которой мы, педагоги, больше всего нагрешили. До сих пор у нас существует взгляд на дисциплину как на один из многочисленных атрибутов человека и иногда только как на метод, иногда только как на форму. В социалистическом обществе, свободном от каких бы то ни было потусторонних оснований нравственности, дисциплина становится не технической, а обязательно нравственной категорией. Поэтому для нашего коллектива абсолютно чужда дисциплина торможения, которая сейчас по какому-то недоразумению сделалась альфой и омегой воспитательной премудрости многих педагогов. Дисциплина, выражаемая только в запретительных нормах,– худший вид нравственного воспитания в советской школе.

В нашем школьном обществе должна быть дисциплина, которая есть в нашей партии и во всём нашем обществе, дисциплина движения вперёд и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях.

В газетной статье трудно представить развёрнутую картину деталей в воспитании личности, для этого требуется специальное исследование. Очевидно, что наше общество и наша революция для такого исследования дают самые исчерпывающие данные. Наша педагогика необходимо и быстро придёт к формулировке целей, как только оставит приобретённую у педологии инертность по отношению к цели.

И в нашей практике, в каждодневной работе нашей Учительской армии уже сейчас, несмотря на все педологические отрыжки, активно выступает идея целесообразности. Каждый хороший, каждый честный учитель видит перед собой

большую политическую цель воспитания гражданина и упорно борется за достижение этой цели. Только этим объясняется действительно мировой успех нашей общественно-воспитательной работы, создавшей такое замечательное поколение нашей молодёжи.

Тем более уместно будет и теоретической мысли принять участие в этом успехе.

ЛЕКЦИИ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Дорогие родители, граждане Советского Союза!

Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не всё: наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слёзы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания[1]. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т. д. Всё это – очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребёнка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери.

Хорошо воспитать своего ребёнка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое – перевоспитание[2]. Если ваш ребёнок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нём думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребёнка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания – уже не такое лёгкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя всё это найдётся. Очень часто бывают такие случаи, когда семья, уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмём даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько всё-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь ещё более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки – это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала всё было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового, социалистического общества. а дома, среди детей, живут по старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой, дореволюционной семье всё было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живём в бесклассовом обществе[3], что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти

активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая, советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле и податься им от отцовской воли было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали: это было выгодно для общества эксплуататоров. В нашей семье иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха... Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые.

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребёнка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьёй. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой советской коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В Советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют некоторую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, всё же родители и

дети отличаются тем, что первые руководят семьёй, а вторые воспитываются в семье.

Обо всём этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдёт и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семье, её структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребёнком. Единственный ребёнок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребёнке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребёнка или его смерть переносится такой семьёй очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребёнок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребёнок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребёнку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребёнку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату – это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребёнок привыкает быть в

коллективе. Всё это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там всё общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребёнка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своём расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постарается, что она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи – вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьёзное внимание, – это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что всё само собой получится. У родителей нет ни ясной ели, ни определённой программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своём ребёнке. Надо отдавать себе ясный отчёт относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции,

трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребёнка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растёт будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте если надоедливым резонёрством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместе хорошей продукции. Ещё более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьёзно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни её борьбой, ни её успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнёте воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица

родителя. Всё, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходить к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы – общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если её общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьем ружьём.

Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете его. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеётесь, читаете газету – всё это имеет для ребёнка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребёнок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а ещё хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребёнок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует.

К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвёртый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьёзного тона, самого простого и искреннего. В этих трёх качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обречённой на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны, – будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но всё же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность и духовный рост их идёт слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружён ваш ребёнок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни всё равно ему придётся столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только

постоянный корректив в жизнь ребёнка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В своё время мы коснёмся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нём только потому, что зашёл разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И ещё раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребёнком, не в прямом воздействии на ребёнка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребёнка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребёнка вы что-нибудь выделаете крупное и уделите этому крупному всё ваше внимание, а всё остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка – всё это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребёнка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать её и будет самой ответственной вашей задачей.

В следующих беседах мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно. Сегодняшняя беседа была вступлением.

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьёй. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребёнок не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо прежде всего самому быть хорошим

гражданином и вносить своё гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьёзным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребёнком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учётом мелочей.

О РОДИТЕЛЬСКОМ АВТОРИТЕТЕ

В прошлой беседе мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего её отличие заключается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего Отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребёнка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребёнком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берётся родительский авторитет, как он организуется? Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет даётся от природы, что это – особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остаётся только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет

может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живётся спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро всё разрушается, не остаётся ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребёнка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребёнке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчёмные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие

за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьёзно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передаёт через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьёй.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, поражённые таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа – начальник, мой папа – писатель, мой папа – командир, мой папа – знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт – всё это даёт им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их – это святыня. Свои распоряжения они

отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвёрдый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, всё же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребёнка, потом обнаружилось, что ребёнок не так виноват, как казалось сначала, пап ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребёнка он видит нарушение порядка и законности и пристаёт к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребёнка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонёрства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребёнку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей непогрешимыми. Но они забывают, что дети – это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребёнок живёт более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходить к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их хуление и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонёрстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространённый вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребёнок не слушается, у него немедленно спрашивают:

«Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребёнок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребёнок всё должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С самых малых лет ребёнок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчётом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребёнком в образе доброго ангела. Они всё разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать только бы всё было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто ещё и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо.

Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но всё же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети всё же остаются воспитанниками. Если дружба достигает крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходятся иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа – самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться – куплю тебе лошадку, будешь слушаться – пойдём в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учёбу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстёгивать детей в их школьной ил иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть ещё много сортов. Есть авторитет весёлости, авторитет учёности, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признаётся ему в любви, послезавтра ему что-нибудь обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да ещё и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать – другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своём спокойствии.

В чём же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть и жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчёт в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребёнком как серьёзное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего Отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и своё достоинство. Ни в коем случае родители не должны предоставляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, – значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть

жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы – всё должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью, – граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это – порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать её перед детьми. Будьте покойны, они сами всё увидят, что нужно.

Но вы не только гражданин. Вы ещё и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живёт, интересуется, что любит, что не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребёнок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведёт себя в классе. Это всё вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребёнка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Всё это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами, дешёвым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьёй.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдёт незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведёт и к авторитету помощи. В жизни каждого ребёнка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи.

Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребёнка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это – самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сёстры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребёнку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребёнок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришёл в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребёнок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится *авторитетом знания*. Ребёнок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нём, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь всё делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребёнок не должен думать, что ваше руководство семьёй и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твёрдо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно ещё многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет

ответственности уже создан в представлении ребёнка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребёнка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

ИГРА

Игра имеет важное значение в жизни ребёнка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребёнок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе её в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребёнок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он ещё вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребёнку поручаются всё более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи. Но игра в это время составляет главное занятие ребёнка, наиболее его увлекает, интересует. В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьёзной ответственностью, она связана и с более определёнными и ясными представлениями о будущей жизни ребёнка, это уже работа такого сорта, которая близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребёнок ещё очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие

коллизии происходят, это значит, что воспитание ребёнка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребёнка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над любовью к работе. Сюда нужно отнести всех людей, которые слишком активно гоняются за удовольствиями, которые забывают о работе ради хорошей, весёлой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьёзную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки, – это значит, что они плохо воспитаны, и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно организованной игре.

Всё сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребёнка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесёт пользы, он явится насилием над ребёнком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации её, когда играет остаётся игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того чтобы руководить игрой ребёнка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нём как следует, они не смогут руководить ребёнком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребёнка, чем воспитывать.

Нужно прежде всего сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико, можно прямо сказать: плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребёнку заводную мышку, целый день будете заводить её и пускать, а ребёнок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться – в этой игре не будет ничего хорошего. Ребёнок в этой игре остаётся пассивным, всё его участие заключается в том, что

он глазеет. Если ваш ребёнок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишённый почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, без активной деятельности – всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребёнку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая – радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственность, а в игре её нет. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе, – конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же всё-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в общественном производстве или в руководстве этим производством, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет к ним отношение косвенное: она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое – это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребёнка, чтобы не отвлекала его целиком от общественных целей. Второе – чтобы в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы.

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным вовлечением ребёнка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой: выбором игры, помощью ребёнку в игре.

В настоящей беседе мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная беседа.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трёх видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и думают, что дети и сами

знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, всё время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше, чем решит ребёнок, и радуются. У таких родителей ребёнку ничего не остаётся, как слушаться родителей и подражать им: здесь, в сущности, играют больше родители, чем ребёнок. Если у таких родителей ребёнок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит:

– Ты не так делаешь, смотри, как надо делать.

Если ребёнок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит:

– Давай я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?

Ребёнок смущённо смотрит и видит, что у отца вышло действительно лучше. Он протягивает отцу второй листок бумаги и просит ещё что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами. У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и очень рано привыкают к мысли, что только взрослые всё умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь коллекционерами игрушек, а в худшем случае – наиболее частом – без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия – это время комнатной игры, время игрушки.

Она начинает переходить во вторую стадию в возрасте пяти-шести лет. Первая стадия характеризуется тем, что ребёнок предпочитает играть один, редко допускает участие одного, двух товарищей. В эти годы ребёнок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребёнка. Не нужно бояться, что, играя один, ребёнок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она вовремя перешла во вторую стадию. В первой стадии ребёнок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребёнок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребёнок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребёнку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребёнок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации. Это полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребёнку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило в обстановке наиболее благоприятной. Обыкновенно этот переход происходит в виде повышения интереса ребёнка к подвижным играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе детей во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11-12 лет, захватывая часть школьного времени.

Школа приносит широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более чёткую организацию, определённый и более точный режим и, самое главное, помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребёнок выступает уже как член общества, но общества ещё детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то, и другое. школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребёнок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. Поэтому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т.е. связанной с определёнными физкультурными целями, правилами, а самое главное – с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины.

На всех трёх стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребёнок не состоит ещё членом другого коллектива кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

игрушка готовая, механическая или простая. Это разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки и ваньки-встаньки и пр.;

игрушка полуготовая, требующая от ребёнка некоторой доделки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные, кубики, ящики-конструкторы, разнообразные модели;

игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знакомит ребёнка со сложными идеями и вещами, она подводит ребёнка к вопросами техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает его на воображение на определённый транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного,

заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребёнка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, её механичностью и лёгкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребёнок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хитрую игрушку. да ещё не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребёнок действительно с ними играет, а не только бережёт для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом не просто наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, ванька-встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны и спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьёзнее развёртывается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормошат и потрошат, это очень плохо. Но если мишка живёт в определённом месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что здесь ставится перед ребёнком какая-нибудь задача – обыкновенно такая, которую нужно решить с известным напряжением, которую сам ребёнок никогда бы поставить не мог. В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном отношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего сорта – различные материалы – представляют самый дешёвый и самый благодарный игровой элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создаёт ценности и культуру. Если ребёнок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него есть уже высокая культура игры и зарождается высокая культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии.

Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно возбуждается вопрос о постройке дома. Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или у девочки есть одна-две механические игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную игрушку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нём было всё, чтобы у ребёнка разбегались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немногого он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определённый недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребёнку маленькую лошадку и он увлёкся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам её сделал из каких-нибудь коробок, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно – цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже не хватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться следующего:

1. Чтобы ребёнок действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

2. Чтобы не бросался от одной задачи к другой, не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

3. Чтобы в каждой игрушке видел определённую, нужную для будущего ценность, хранил её, берёг. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребёнка к игрушке. Ребёнок не должен ломать игрушку, должен любить её, но не должен и бесконечно страдать, если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребёнок действительно привык

считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов и чувствует себя в силах поправить беду. Задачей отца и матери является всегда прийти на помощь ребёнку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, доказать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из того, мы рекомендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать её раньше времени. В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребёнку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идёт правильно. Если ребёнок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребёнку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый, интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребёнок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребёнка, чего у них не хватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного отца или одной матери помогают изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и одни помогите ребятам насыпать горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-либо подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди родителей. Бывает, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а между тем это совсем не такое трудное дело и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива; будет очень полезно, если и их родители так же организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего

сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если ваш ребёнок пришёл в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителей. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное, и ваш ребёнок в чём-либо погорячился; растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребёнка с противником, пригласите этого противника в гости и с ним поговорите, познакомьтесь с его отцом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны видеть перед собой только вашего ребёнка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать её вместе с другими родителями. Только в таком случае вы принесёте наибольшую пользу и вашему ребёнку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитывает злобность характера у ребёнка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребёнка. Во-первых, нужно внимательно следить, что увлечение спортом не принимало характер всепоглощающей страсти, нужно указывать ребёнку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом гордость успеха команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами по команде сына или дочери.

И на всех трёх стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребёнка,

чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трёх стадиях вы должны воспитывать стремление к более ценным удовлетворениям, чем простое глазение, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребёнок вступил в общество, что от него уже требуется умение не только играть, но и правильно относиться к людям.

Резюмируем то, что сказано в сегодняшней беседе.

Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом. Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребёнка самому себе, либо окружают его игру излишней заботой и излишними игрушками. Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребёнку возможность самодеятельности и правильного развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях. На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребёнка к другим людям и к своему коллективу.

ДИСЦИПЛИНА

Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и всё же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного – простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказания, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановился ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовлетворение только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме этого, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение; умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом, в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеет право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильно поведение, наиболее полезное для общества, и найдёт в себе твёрдость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собой понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т.е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд, общественная работа и даже такие как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание, и только в результате его может

получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создаётся не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина – это тот хороший конец, к которому должен стремится воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребёнком о международном положении, о делах на своём заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины – очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина – это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо...»

Такой человек или глупец, или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т.е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело режим. Режим, как мы уже говорили, – это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший

режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях – другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, её удобства, дорога в школу, оживлённость улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребёнок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мёртвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определённые цели, причём эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьёзная задача – приучать детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т.е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нём, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и наконец наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребёнок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта

привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима – явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, а нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно всё-таки сказать, что режим в советской семье должен всегда отличаться определёнными свойствами, обязательными при всякой обстановке. В настоящей лекции мы и должны выяснить эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей, – это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой завёл его у себя, и не потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать её и дети. Во всяком случае, и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определённый час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьёй, побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать, что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Мы знаем и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они,

ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определённость. Если сегодня нужно чистить зубы, то нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределённость лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определённостью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребёнка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем всё меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придётся прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал? Во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель – вообще пустяк, не стоит из-за неё портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков.

Неубранная постель обозначает не только возникающую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.

Определённость режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну – одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют своё место, должны после работы или игры пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребёнок должен знать своё место за столом, приходить к столу вовремя, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать всё, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребёнка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т.п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые думают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще бурно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большой степени, чем у взрослых, не подлежит сомнению, но нельзя и

слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае, в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса: крик, визг, громкий плач – всё это явления одного порядка; они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребёнка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают, вместо того чтобы вносить в атмосферу семьи тон уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, в квартире, занимаемой семьёй, находится почти в полной власти родителей. Этого нельзя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребёнок проводит с товарищами во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем товарищеское окружение играет всё большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остаётся полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распущенности не имели бы места, если бы родители ближе знакомились с товарищами сына, с родителями этих товарищей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершили бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т.д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудно дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность товарищеских отношений, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно даёт возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать своё мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие – разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвёртые – приказом, пятые – поощрениями, шестые – наказаниями, седьмые – уступчивостью, восьмые – твёрдостью. В течение семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твёрдость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма – распоряжение.

Семья – очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим потому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьёзный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своём деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребёнком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребёнка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребёнку полтора-два

года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребёнка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т.е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своём распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребёнка; ребёнок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребёнку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребёнок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребёнок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

– Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чём-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области – следить, чтобы у детей не накоплялся опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придётся впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это – самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к наказаниям очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание – очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности. Поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться, прежде всего, восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выхода к товарищам.

Ещё раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперёд какие-либо премии или награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребёнку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виду награды.

Резюмируем содержание беседы.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина – это результат воспитания, режим – это средство воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определённостью, точностью. Он должен касаться как внутренней

жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должны быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима – накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном режиме не нужны наказания, и вообще их нужно избегать, как и излишних поощрений, лучше во всех случаях надеться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов.

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Каждая семья имеет своё хозяйство. В отличие от буржуазного общества наша семья имеет только трудовое хозяйство, которое не может преследовать цели эксплуатации людей. Это хозяйство может расти и увеличиваться, но не потому, что члены семьи получают какие-нибудь прибыли, а исключительно вследствие повышения заработков членов семьи и семейной экономии. Хозяйство нашей семьи состоит только из вещей личного пользования, в его состав не могут входить средства производства, которые в нашей стране принадлежат всему обществу.

В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплуатировать наёмную рабочую силу и таким образом ещё больше богатеть и расширять производство. В нашей семье, семье трудовой, такое богатство невозможно. Значит, если наша семья богатеет, то это обозначает только одно: она лучше и счастливее живёт, приобретает больше вещей личного пользования, удовлетворяет большее количество своих потребностей. Совершенно естественно, что каждая семья стремится улучшить свою жизнь при помощи улучшения своего хозяйства, но это она делает не в порядке грабительской эксплуатации других людей, а исключительно в порядке трудового участия членов семьи в общей жизни и общей работе всего советского народа. Богатство нашей семьи зависит не столько от усилий этой семьи, сколько от успехов всей Советской страны, от её побед и достижений на хозяйственном и культурном фронте.

Каждый ребёнок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства, а следовательно, в известной степени и участник всего советского хозяйства. Хозяйственное воспитание наших детей и должно заключаться в воспитании не только хозяйственного члена семьи, но и хозяина-гражданина.

В буржуазном обществе перед воспитателем такая цель не стоит. Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства, государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

У нас каждому человеку предстоит в жизни обязательно участвовать в общем государственном хозяйстве, и чем лучше он будет подготовлен к этому делу, тем больше он принесёт пользы и всему советскому обществу, и самому себе.

Всё это должны знать и хорошо понимать все родители, должны размышлять над этими вопросами и всегда проверять свои воспитательные методы при помощи ясного политического представления о целях воспитания.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребёнок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребёнка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. В настоящей короткой беседе даже невозможно перечислить все эти особенности. Мы коснёмся только главных.

При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих достоинств характера.

Коллективизм. В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребёнок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растёт жадным потребителем – это и есть воспитание индивидуалиста, который потом

может принести много вреда и всему обществу, и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только том, чтобы у ребёнка всё было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжён игрушками и удовольствиями. Всё это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребёнок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не знают о работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для этого мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребёнок должен узнать, где работает отец и мать, в чём состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первом случае родители должны познакомить ребёнка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думает о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребёнку младшего возраста такими неодобрительными отзывами.

Вообще как можно раньше ребёнок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и заработок на основе большого и полезного общественного труда. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребёнку обо всём этом. Когда ребёнок подрастёт, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс.

Если мать не работает в учреждении, на производстве,

а работает дома по хозяйству, ребёнок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения.

2. Как можно раньше ребёнок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых намёток. Он должен знать, в чём нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворять потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т.п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребёнок гордился этим условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребёнка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребёнок не завидовал другим семьям и не хотел из своей семьи перейти в другую. Ребёнок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и весёлую готовность поделиться с товарищем. Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребёнка, должны по возможности быть бодрыми и весёлыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчёркнуто.

Честность. Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: всё зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность? Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть

тайное, спрятанное отношение. Если ребёнок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать даёт ребёнку это яблоко тайно от других детей, допустим даже чужих, она уже воспитывает в нём тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятанье отдельных сладких кусков – всё это вызывает зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребёнок должен научиться различать полезный секрет, т.е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребёнок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребёнка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребёнка, но и должны приучать ребёнка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребёнка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо лежит, нужно воспитать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда всё лежит плохо, нет никакого учёта, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребёнка к вещам, и он делает с ними что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанью.

Если ребёнку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребёнка не выработаются твёрдые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребёнок не подумал, что вы его в чём-либо подозреваете.

Ещё раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

Заботливость. Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми. Новые вещи нужно купить, следовательно,

истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребёнок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, что ребёнок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, вовремя их ремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Всё это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краёв наполнены заботой, которые за этой заботой забывают всё остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчётом надолго вперёд, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не похожа на жадность. Надо, чтобы ребёнок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи. Родители с раннего возраста должны приучать ребёнка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребёнок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребёнок уже и свои личные потребности будет заранее сообразовывать с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребёнка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-то пустяка для её сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Бережливость. Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек

бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребёнок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и всё же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать:

– Может быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать.

Если, допустим, семилетний ребёнок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать:

– Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет.

Нужно возбуждать у ребёнка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться на вещи не только своей семьи, но и других людей, и в особенности на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребёнку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность. Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том ещё, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребёнок сам увидел тот вред, который он принёс небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребёнку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но ещё полезнее будет, если ребёнок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребёнок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать её, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребёнка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой

игрушки, чтобы ребёнок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут:

– Она теперь хороша, только что ж, давать ли её тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?

В таких случаях ребёнок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребёнок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьёзным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение:

– Это безобразие. Постарайтесь, чтобы таких случаев больше не было.

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки. Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чём она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребёнок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребёнок не должен забывать, что он окружён вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребёнок должен помнить, что он должен возвратиться домой вовремя, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребёнку не одно поручение, а два или три, давать условное

поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений:

– Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу. Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства.

Оперативная способность. Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше нужно давать ребёнку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребёнку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определённую сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребёнка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребёнок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные задачи, не злоупотребляет ли свободой расходования, не преобладают ли в тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьёзно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребёнку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своём опыте

много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время дисциплинированном порядке, чтобы в нём не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружеского стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание сегодняшней беседы.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

коллективизм, т.е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребёнка к условиям деятельности родителей, методом участия ребёнка в семейном бюджете, скромностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье;

честность, т.е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам;

заботливость, т.е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения;

бережливость, т.е. привычка сохранять вещи;

ответственность, т.е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи;

способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов;

оперативная способность, т.е. умение распорядиться временем и работой.

Всё семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности.

ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране перестал быть предметом эксплуатации, он сделался делом чести, славы, доблести и геройства. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей Конституции написано: «Кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чём в особенности должны помнить родители, – это следующее. Ваш ребёнок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей Конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие – хуже, одни способы только к самому простому труду, другие – к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нём в течении его жизни, и в особенности в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека – это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжёлого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплуатации. В Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идёт на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду – особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта.

Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию,

когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т.е. воспитывается правильное отношение к другим людям, – это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек – самый безнравственный человек в советском обществе. И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдаёт свои силы обществу, но и в том, что и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям – родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвёртое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества – зрение, осязание, развиваются пальцы и т.д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека.

Пятое: необходимо указать ещё на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, что насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у

которых всё удаётся и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребёнку такое трудовое воспитание, которое обычное называется квалификацией. для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена; квалификацию мальчик или девочка получит в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время обычно бывало так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своём распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребёнок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический

труд постепенно теряет своё былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжёлый физический труд. Мы уже видим, что на постройках домов кирпичи подаются машинами, носилки имеют всё меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжёлый физический труд. Человек становится всё больше и больше владетелем больших, организованных механических сил, от него теперь всё больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчёт, изобретательность, находчивость, ухватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобождённых от насилия великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приёмы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограничено, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребёнок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но всё же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребёнком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя

то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребёнку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за её качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребёнку:

– Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребёнку поддержание чистоты в определённой комнате, а как он будет это делать – предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребёнком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную, определённую заботу, например, всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано.

Начинаться оно должно в игре. Ребёнку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приёмы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определённые санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т.д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определённых материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть

усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зависимости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определённом месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котёнка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своём платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкафу.
13. Чистить платье своё или младшего брата или одного из родителей.
14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.
15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определённый его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.
16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).
17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.
18. Вести справочник трамвайных маршрутов с учётом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.
19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьёй театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т.д.
20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное её пополнение.
21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т.д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определённых хозяйственных функциях.

Каждая семья найдёт у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребёнка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно и в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеться на её труд в таких случаях, когда они и сами бы могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной заботы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается: какими мерами можно и должно вызывать у ребёнка то или другое трудовое усилие? Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребёнку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребёнок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда её сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду, такую внимательность к нуждам своего коллектива – значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто бывает, что ребёнок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребёнку выяснить своё отношение к этой задаче и принять участие в её разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребёнок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особенного интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии были не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребёнка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребёнка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребёнка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребёнку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Её так нужно произнести, чтобы ребёнку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

– У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба – самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребёнок с удовольствием просьбу вашу выполнит. Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребёнка вы будете правильно чередовать личную просьбу и поручение и, в особенности, если вы будете возбуждать личную инициативу ребёнка, будете учить его видеть необходимость работы самому и по собственному почину выполнять её, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только, если вы запустили дело воспитания, вам придётся иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное – от простого повторения

поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае, никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребёнка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т.е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей частью лень у ребёнка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребёнка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребёнка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно выполняют любую работу, но делают её без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упрёков и т.д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В Советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплуатация человека человеком на производстве, но есть ещё очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие браться не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остаётся сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда и требовать серьёзно. Конечно, ребёнок ещё неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам, и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребёнка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана, или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребёнка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребёнку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и её решение должны сами по себе доставлять ребёнку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребёнка за произведённую работу в присутствии знакомых ваших и друзей. Тем более не нужно ребёнка наказывать за плохую работу или за работу непроизведённую. Самое важное в этом случае – добиться того, чтобы работа была всё-таки выполнена.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А между тем практически этот вопрос вовсе не так труден и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний.

Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешён правильно только тогда, когда родители хорошо себе представляют самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к её достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста живёт половой жизнью, но половой жизнью живёт не только человек, она составляет необходимый отдел жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Но бывает, что половая жизнь человека отличается от половой жизни животного не в лучшую, а в худшую сторону. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно не оправданные формы, что приносит несчастье и ему самому, и другим людям. Человек прошёл длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половых отношений человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы хорошо знаем, что в некоторых странах происходит настоящая продажа и покупка женщин; знаем многие исторические формы многожёнства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти безобразные пережитки классового общества. Она освободила семью от сходства с цепями, она освободила женщину от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Только после Октябрьской великой революции половая жизнь людей вплотную приблизилась к тем идеалам, о которых давно мечтало человечество. Но некоторые люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой свободной любви. В строго организованном человеческом обществе, в социалистическом обществе, такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжёлым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он есть член общества, что он – гражданин своей страны, что он – участник нашего социалистического строительства. Поэтому и в своём отношении к женщине или в своём отношении к мужчине советский человек не может игнорировать требования общественной нравственности, которая всегда стоит на страже интересов всего общества. И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определённые требования. Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своём поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признаёт нормальной и оправданной нравственно только половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т.е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы своё наслаждение, свою любовь и счастье они реализовали в семье.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребёнка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они её не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно, будут жить жизнью, полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к её достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной, и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и считать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи, если под руководством родителей растёт настоящий советский человек.

В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «Лень – матерь всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков – не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе и к беспорядочной половой жизни.

Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы,

специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому, воспитывая в ребёнке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приёмы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые на эти отдельные приёмы и методы возлагают особенные надежды, и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью.

Очень много внимания половому воспитанию было уделено в старое время. Тогда многие думали, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физической и психической конституции человека, что всё человеческое поведение зависит от половой сферы. Сторонники таких «теоретических» положений старались доказать, что всё воспитание юноши или девушки есть, в сущности, половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребёнными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребёнок был как-то по особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ничего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребёнка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим «ужасом» показывали на тех «простаков», которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных

виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребёнку всё разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из него непоправимых фокусов. Правда, ребёнок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребёнок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему всё нужно до конца объяснить. Ведь ребёнок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени. Мы ведь не объясняем ребёнку в три года, отчего бывает тепло и холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройства аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может заинтересоваться. Для всякого знания приходит своё время, и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему:

– Ты ещё мал, подрастёшь – узнаешь.

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчивого интереса к половым вопросам у ребёнка нет и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребёнка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребёнка. В этих вопросах не содержится ещё никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребёнку не приносит. Если вы более или менее тактично отведёте вопрос ребёнка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребёнок забудет о своём вопросе и займётся чем-либо другим. Но если вы начнёте с ним толковать о самых секретных подробностях в отношениях между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нём любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых ещё не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребёнок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруг и будет держать своё знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребёнок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять напоказ всему обществу. И только тогда, когда у ребёнка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно, в более позднем возрасте, можно говорить с ребёнком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или у девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны касаться как вопросов половой гигиены, так и в особенности вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно всё же преувеличивать их значения. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведёт врач, если они будут организованы в школе. Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребёнка к грубому рационалистическому взгляду на половую сферу, кладёт начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другими самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребёнком половую тему в узком физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае будут облагорожены темами любви, т.е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине.

В каких словах можно малому ребёнку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребёнок не имеет ещё никакого представления? Волей-неволей такие беседы будут беседами узкофизиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность ставить её в зависимость от любви и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто по литературе, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т.е. большого и глубокого чувства – чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без слишком открытого и, в сущности, циничного разбора узкофизиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если всё это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждают у детей внимание к таким серьёзным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребёнка. Если, вырастая, ребёнок не научился любить родителей, братьев и сестёр, свою школу, свою Родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить её духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполовая – дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям, любовь к Родине, воспитанная с детства, – всё это самый лучший метод и воспитания будущего высокообщественного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребёнка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребёнка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребёнка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребёнка к своему селу или городу, к заводу, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к её истории, к её выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребёнок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественное впечатление. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку потом перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое, более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпрепровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребёнок и какие интересы преследуют эти встречи. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребёнка, при котором никогда не возникает никакое слишком раннее половое переживание. Вовремя лечь спать и вовремя встать, не валяться в постели без нужды – это уже хорошая нравственная, а следовательно, и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребёнка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет большое значение и в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об обязанностях и работах в течение дня, по утрам – всё это создаёт очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребёнка в течение дня. При таком условии у ребёнка не остаётся ни психического, ни физического стремления к пустому, ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели своё первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отражающегося обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодёжи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегчённым и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребёнка к отдельным людям и коллективу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю. Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребёнка вперёд, ничего не предъявляя к нему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не

запустить и не становиться потом перед совершившимся фактом.

Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, которые слишком открыто изображают половые отношения.

В более старшем возрасте эти беседы могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек.

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить: «Никогда так не делайте, это нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь, – ты не такой».

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может.

Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые больше внимания уделяют питанию ребёнка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребёнок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснётся к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого

в своём распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье – дело очень нетрудное, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребёнка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность.

В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется, очень трудно культурно воспитывать ребёнка. В этом случае, как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискреннего и искусственного, ребёнок сразу это увидит и сразу поймёт, что это не такое уж важное дело.

И наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нём. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может идти самотёком, что это – самая лучшая форма работы. Самотёк и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество воспитания, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотёк бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем. Культурное воспитание ребёнка должно начинаться очень рано, когда ребёнку ещё очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка – это уже начало культурного воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. В последнее время вышло много хороших сборников. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания.

Может быть, и родители знают сказки, слышанные ими ещё в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о чёрте, бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней тёмной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребёнком как реальные образы, могут направить воображение ребёнка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много. и они очень хороши. Точно также и у других народов СССР имеется богатый запас сказок. По мере роста ребёнка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях.

Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конёк-горбунок». Более серьёзным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба между богатыми и бедными, где уже отражена классовая борьба. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще, нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетённым не должна сопровождаться представлением об их обречённости, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплуатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет рассматривание иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины, или гравюры, или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются

подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребёнка. Если при этом задаёт вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: ты ещё не поймёшь, подрастёшь – узнаешь. Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребёнка даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьёзное будущее. Картинки для такого рассматривания можно найти в любом журнале-двухнедельнике и в таких журналах, как «Смена», «Огонёк» и др.

В младшем возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих пьес очень незначительно. Например, пьеса символиста Метеринка «Синяя птица» не нужна для малых детей. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица» – сказка, нужно показать её детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе – сложная и напряжённая символика, усложнённые характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

Значительный переломный момент в работе семье по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в школе. Этот момент имеет большое значение в жизни ребёнка. Ребёнок вступает в область книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставят перед ним буква и самый процесс чтения. Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует поощрять и некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями.

Книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребёнок ещё не может прочитать их, то они, во всяком случае, возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства – отдел, посвящённый учёбе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребёнка виднейшее

место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях, и положиться только на школу. Как раз родительская культработа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребёнка, для качества и энергии его учёбы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино, музей, выставки и другие формы культурного воспитания. Перейдём к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Газета. Когда ребёнок ещё неграмотен, когда он может только слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Семья должна выписывать одну из газет. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребёнка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдётся материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нём если не специально для ребёнка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребёнке. Он всё равно будет всё слушать и тем внимательнее, чем безыскусственнее будете вы держаться. В каждой газете вы найдёте такой материал: международные события, демонстрация трудящихся в праздник, пограничные эпизоды, стахановские достижения, героические и мужественные поступки отдельных людей, строительство и украшение городов, новые законы.

В дальнейшем, с развитием ребёнка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научился читать, газета должна приобретать всё большее и большее значение. Конечно, хорошо, если можно выписать для ребёнка пионерскую газету, но, если этого почему-либо нельзя сделать, тоже небольшая беда: советские газеты пишутся языком, доступным для всякого грамотного человека, и в них всегда можно найти материал, интересный и для ребёнка. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор будет по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определённые часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон.

Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы, и будет лучше, если такая беседа возникает как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдётся, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

В старшем возрасте газета должна быть уже совершенно привычным и необходимым признаком советской культурности, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его Родины.

Книга. Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребёнок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребёнка, а в кругу семьи, с расчётом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого коллективного чтения можно направить читательские вкусы ребёнка и выработать в нём привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух необходимо прививать ребёнку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребёнка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как ещё теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребёнок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребёнка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своём отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально

учиться, быть специалистом-книжником. Это неверно. Как показал опыт изучения нашего советского читателя, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто нисколько не хуже записных критиков. Во всяком случае, по всем вопросам, относящимся к книгам, можно получить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

Кино. В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором по отношению не только к детям, но и к взрослым. В Советском Союзе каждый кинофильм создаётся исключительно в государственных киностудиях и даже в случае самой большой художественной неудачи не может принести большого вреда для слушателя-ребёнка.

В подавляющем числе наши кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством. Тем не менее это вовсе не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве без контроля.

Прежде всего, родители должны обратить внимание на самое отношение ребёнка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребёнка, когда он из-за кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги и даже деньги, которые украдкой берёт в семье.

Обычно в таком случае можно наблюдать и другие несимпатичные стороны такого увлечения. Ребёнок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идёт дальше простого безвольного зрительного впечатления; он «глазеет» и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайна незначительна, а иногда обращается в большой вред. Поэтому от родителей и по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребёнком.

Мы рекомендуем позволять ребёнку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14-15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сёстрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен

хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы ребёнок высказал о нём своё мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребёнка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного-двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребёнку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать своё мнение. В известной мере родители должны и выбирать, на какой фильм более желательно направить ребёнка. Почти всегда можно встретить человека, который уже посмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторых картин уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребёнок в них не разберётся, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих слишком рано для ребёнка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины нужно принимать во внимание и состояние ребёнка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребёнок вёл себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребёнку восстановить правильное отношение к школе и к работе.

Т е а т р. Всё, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы, непосильные и для интеллекта, и для чувства ребёнка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина» должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение детьми некоторых балетов. В нашем обществе это достигается прежде всего запрещением входа в театры на вечерние спектакли до определённого возраста.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребёнка более серьёзного и длительного напряжения внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подаёт пьесу с

перерывами (антрактами), вызывает и более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нём более активный анализ.

Посещение театра требует целого вечера, в известной мере он организует событие в жизни ребёнка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Ещё больше, чем кинофильм, пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки. Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А между тем музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребёнка серьёзного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорили о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней. Музей Революции также нужно осматривать в течение двух-трёх дней.

Другие формы культурного воспитания. Мы коснулись только главных форм культурного воспитания, при этом тех, которые организуются Советским государством. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все культурные блага нашей страны.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, то они очень много дадут детям и в области знания, и в деле воспитания характера.

Но многие родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами, как реконструкция городов, как жилстроительство, как проведение дорог, как строительство заводов, – всё это замечательные темы для наполнения ими дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции или доклады. Прогулка так и должна

остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насиловать ребёнка и заставлять его выслушивать ваши поучения. Но во время прогулок внимание ребёнка останавливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шутливых, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной сделают незаметно своё большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя-болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвётся на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол, – польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребёнок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы её дети были спортсменами не только по интересу, но и в своём собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование, может быть, уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована.

Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если наши отцы отдают известную дань спорту, то наши матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт – очень полезное дело. Точно так же наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск стенгазеты, ведение дневников, организация переписки с друзьями, участие детей в политических кампаниях, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, встреч, игр, прогулок и т.д.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание его, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности

детей, необходимо воспитывать умение не только смотреть и слушать, но и желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать товарищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться вниманием к товарищам, отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребёнка преувеличенное представление о своих силах, пренебрежение к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неумением преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребёнком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг и газет, и посещение кино, театров и музеев и т.п.

Во всяком случае, родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединить эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность по своим качествам вовсе не затруднительная.

Даже в читку газет можно ввести много нового и занятного для ребёнка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определённым вопросам, можно его научить, как сделать домашнюю карту Испании с обозначением фронта. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажом главных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интересной и важной, имеющей большое значение для воспитания. Но решительно и всегда необходимо, чтобы за любой культурной темой, за любым делом и родители и ребёнок видели советский народ и наше социалистическое строительство. Вся эта работа должна иметь постоянное направление от активности культурной к активности политической. Ребёнок всё больше и больше должен чувствовать себя гражданином нашей страны, должен видеть героические подвиги наших людей, должен видеть её врагов, должен знать, кому он вместе с другими обязан своей сознательной культурной жизнью.

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(лекции)

Лекция первая

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Мы будем говорить на тему о воспитании. Имейте только в виду, товарищи, что я работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет. Но я считаю, что мы живём в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами. Мы знаем, как много изменений внесено стахановцами, работниками практического фронта, во многие положения, даже более точные, чем наши науки, как много новых рекордов в деле производительности труда, в деле трудовой рабочей и специальной ухватки внесено стахановцами. Эта производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства – область воспитания – никоим образом не может быть исключена из этого общего советского движения. И в нашей области – я в этом глубоко убеждён был всю жизнь – также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не только от работников теоретического фронта, но от обычных, рядовых работников, вот таких, как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказывать о своём опыте и о выводах из этого опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости такого корректива, который вносит практический работник в определённые достижения теории.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях – в заводской

школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности, общественной партийной...

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы в дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми.

Последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооружённый десятилеткой и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности, ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны им. Дзержинского давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьёй. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания.

Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической логики. Я пришёл к некоторым убеждениям, пришёл не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришёл к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего, интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, чтобы методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная

область – область чистого воспитания – есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания.

Что меня в этом особенно убеждает? Убеждает следующее. В Советской стране воспитанию подвергается не только ребёнок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, каждая кампания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождается не только специальными задачами, но и задачами воспитания. Достаточно вспомнить недавно пережитые нами выборы в Верховный Совет: здесь была огромная воспитательная работа, затронувшая десятки миллионов людей, даже тех людей, которые как будто в стороне от воспитательной работы, она выдвинула особенно успешную воспитательную работу Красной Армии: вы прекрасно знаете, что каждый человек, побывавший в Красной Армии, выходит оттуда новым человеком, не только с новыми военными знаниями, с новыми политическими знаниями, а с новым характером, с новыми ухватками, с новым типом поведения. Всё это огромная советская социалистическая воспитательная работа, конечно, единая в своём тоне, в своём стиле, в своих стремлениях и, конечно, вооружённая определённым воспитательным методом. Этот метод, осуществляемый на протяжении двадцати лет Советской власти, уже можно подытожить. А если к нему прибавить огромный опыт воспитательных успехов нашей школы, наших вузов, наших организаций другого типа: детских садов, детских домов, – то мы имеем громадный опыт воспитательной работы.

Если мы возьмём давно проверенный, установленный, точно формулированный состав воспитательных приёмов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательного дела в СССР.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мною ставилась прежде всего задача воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи образовать. Мне давали мальчиков и девочек – правонарушителей, по-старому – преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими

и опасными особенностями характера, и прежде всего передо мной ставилась цель – этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное – это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги по коммуне стояли довольно долго. В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве), эта линия преобладала.

Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет – может заниматься в школе, кто не хочет – может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьёз не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать своё право – не хотеть заниматься.

Я скоро пришёл к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников отдела трудовых колоний. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твёрдо убеждён, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе, – всё-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной. И то и другое – методика воспитания и методика образования, – по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого воспитания.

Я прежде всего убеждён в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова. Я убеждён, что сделать из данных наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и др.)

Это моё утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определённую политическую цель. Работа воспитания, не вооружённая ясной, развёрнутой, детально известной целью, будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Поэтому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером целеустремлённой педагогической теории является почившая недавно педология. В этом смысле педология рассматривается как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабжённая целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие психология и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. отношение наших общественных нужд, наших общественных целей социалистического воспитания к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться

в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чём я убеждён твёрдо – это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путём, путём просто силлогистическим, путём формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели.

Вот в области цели, в области целесообразности я убеждён, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области ломки целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: этот тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединённого средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берётся какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру, возьмём известную всем историю комплекса. Рекомендуется средство – комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путём выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали: покажите нам этот хороший результат, – нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это – комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока – она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускались. И получался такой круг: средство хорошее – должен быть хороший результат, а раз хороший результат, – значит, хорошее средство.

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я, в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове «труд» столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определённым и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный – упражнение в трате мускульной энергии. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае, труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И, наконец, ещё одна ошибка – это тип уединённого средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмём как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати, – вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба – это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И, наконец, была ошибка уединённого средства – наказание воспитывает раба. А между тем я убеждён, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятым от

системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельного от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определённой обстановке, т.е. в определённом окружении других средств и на определённом этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глаза на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединённо от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 28-г. коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый, весёлый коллектив, но это не был коллектив 1935 г., когда он состоял из молодёжи до 20 лет и имел большую комсомольскую организацию. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

Я лично убеждён в следующем: если мы возьмём обычную советскую школу, дадим её в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это

утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уж и всё проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть ещё очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую, во всяком случае, надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом, но, конечно, её надо проверить большим советским общественным опытом.

Между прочим, я убеждён, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших советских школ и очень многих наших лучших детских и недетских коллективов.

Вот эти общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Теперь перейдём к самому главному вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причём в понятие характера я вкладываю всё содержание личности, т.е. и характер внешних проявлений и внутренней убеждённости, и политическое воспитание, и знания – решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне им. Дзержинского несколько сотен человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина? И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина – это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развёрнутой программе человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что – это программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог

этого вопроса так просто, отвлечённо разрешить, но он у меня был разрешён практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым, патриотом. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился – на пятёрках (у нас в школе была пятибалльная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нём открыл большой артистический талант раньше этого, причём талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актёрской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведёшь речь об том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» – «Ну, иди в актёры». – «Да что вы, какая это работа у актёра?» И вот он ушёл в технологический институт при моём глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актёра. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился – вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушёл в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу не мог – он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актёр, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь,

который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но всё-таки, если бы теперь передо мною стояла такая задача, я бы боялся её решить, – кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку – вопрос для меня не решённый. Но я глубоко убеждён, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать – имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решён так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело иметь право, а другое дело – уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за её наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для неё сторону.

Перейдём к изложению тех практических форм, которые в моём опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив. О коллективе как будто бы и много писалось в педагогической литературе, но писалось как-то маловразумительно.

Что такое коллектив и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ – и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать и бывал, – и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удаётся видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

Я вам расскажу сейчас простыми словами о моём коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в иных условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, работали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, т.е. не имели другого коллектива. И естественно, в моём распоряжении были бóльшие средства коллективного воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на

том основании, что были лучшие условия. В своё время у меня была школа, школа заводская – вагонного завода, и я всё-таки там имел коллектив школьников.

В школьной практике, направляемой в своё время старым руководством Наркомпроса, я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные. К примеру. Вчера я был в одном парке культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом им. Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я видел, как эти три учреждения – школа, пионерский дворец и специальный дом им. Павлика Морозова – растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он в одном коллективе, в семье – в другом, в пионергородке – в третьем, в доме Павлика Морозова – в четвёртом. Он бродит между коллективами и может выбрать утром один, вечером другой, в обед – третий. Я вчера был свидетелем такого события: в пионерском городке – танцевальный кружок, называется он несколько по-старому – ритмический: ну, просто танцуют. Комсорг одной школы заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок». Директор школы бьёт себя в грудь: «Вы подумайте! Комсорг заявил, что он не будет пускать!» Директор вытащил комсорга на общественный суд. «Вот так и так, смотрите, что он делает». А комсорг на своём: «Не пущу!» Конфликт. А я вспомнил другой конфликт, у себя в коммуне, такого же типа. Были у нас самые разнообразные кружки, и очень серьёзные, были свои настоящие планёры, кавалерийская секция... И вот один мальчик, очень хороший мальчик, пионер, через пионерскую организацию вошёл в Харьковский Дворец пионеров и там участвовал в арктических исследованиях, проявил там себя хорошо, и его пионерский дворец премировал командировкой в Мурманск вместе с другими ребятами. Этот мальчик, Миша Пекер, в коммуне говорит:

– Вот я еду в Мурманск.

Кто-то из старших его спрашивает:

– Куда ты едешь?

– В Мурманск.

– Кто тебя отпускает?

– А меня командирует Дворец!

На общем собрании старшие коммунары заявили:

– Пусть Миша Пекер даст объяснения, кто его командирует и куда он едет.

Тот сказал:

– Да, я еду в Мурманск исследовать Арктику, и меня командирует пионерский дворец.

Крик общий:

– Как смеет пионерский дворец тебя командировать! А может быть, мы тебя завтра в Африку командируем. Во-первых, у нас поход по Волге, а ты у нас играешь на кларнете, а, во-вторых, если бы даже ты не играл, что ты латаешься? Ты и тут служишь, и там служишь. Нет, никуда ты не поедешь. Раньше должен был на общем собрании спросить, можно ли тебе там премии всякие получать или нет!

Миша подчинился собранию. Но узнали об этом пионерская и комсомольская организации, пионерский дворец: «Что такое в коммуне им. Дзержинского делается? Мы командируем человека в Арктику, а тут говорят: ты будешь играть на кларнете, потому что будет поход по Волге». Дело дошло до ЦК украинского комсомола. Но всё было решено, собственно говоря, практически, потому что комсомольская организация коммуны заявила: если Миша должен ехать, мы его, конечно, за полы держать не будем, мы ему выдадим стипендию и т.д., пожалуйста, переходи в пионерский дворец и будь членом дворца... А если нам нужно будет, мы и сами пошлём в Арктику кого нужно произвести нужные исследования и поможем завоеванию Северного полюса. На данном отрезке времени, в данную эпоху это не входит в нашу программу. А что вы говорите Шмидт, Шмидт, но мало ли что – Шмидт ездит на Север, но весь Союз не ездит на Север, и поэтому доказывать, что каждый человек должен ехать в Арктику, нельзя. Очевидно, Миша хотел спорить, но ему сказали, что довольно, «пошумел и перестань». И Миша сказал: «Я и сам не хочу».

Вот другой вопрос. Я был в нескольких лагерях под Москвой. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определённом школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И как видите, в пионерском дворце и других местах, как я вам говорил, чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное, советское воспитание должно быть организовано

путём создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него – от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива, – такое положение я считаю неправильным. А это приводит к каким результатам? Пионерские дворцы во всех городах работают прекрасно, в Москве особенно хорошо. Можно аплодировать очень многим работникам и методам работы пионерского дворца. Несмотря на то что они так хорошо работают и наше общество помогает им так хорошо работать, это даёт возможность некоторым школам уклоняться от всякой дополнительной работы. Во многих школах нет таких кружков, которые есть в пионерских дворцах. В общем, внешкольная работа действительно делается «внешкольной» и школа считает себя вправе отказаться от неё. А предлоги, безусловно, найдутся: у нас зала нет, у нас ассигнований нет, у нас специалиста-работника нет и т.д. Я являюсь сторонником такого коллектива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооружённых школьных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива...

Этот же пионерский дворец, детский клуб, так сказать, может работать наряду со школой, но организация работы в нём должна принадлежать всё-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Комсорг, который возражает против участия девочек в ритмическом кружке, прав. Если комсорг отвечает за воспитание детей своего коллектива, то он должен интересоваться и отвечать за то, что делают его дети в пионерском дворце. Такое разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооружённый, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация

детских коллективов тоже приведёт к некоторой экономии средств.

Это всё касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей должна быть школа. И все остальные учреждения должны быть подчинены школе...

Я убеждён, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая, коллективная цель – не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был 500 человек. Там были дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованы, более производственно квалифицированы и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И наконец, они были просто дети. Тем не менее все эти 500 человек в последние годы моей работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишить права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом.

Вот это общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили: нельзя позволять такому большому собранию решать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство коллективом. Это, конечно, правильно. Но в этом-то и дело – надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмём школы, где нет никакого коллектива, где всё разрознено, где в лучшем случае каждый класс живёт обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив, конечно, нужна длительная (не год и не два), настойчивая и терпеливая работа. Но зато

коллектив один раз создали, и если его беречь, если за ним, за его движением внимательно следить, то такой коллектив может сохраняться века. И такой коллектив, особенно в школе, где ребёнок находится 8-10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания. Но такой коллектив, конечно, легко и развалить. Вот когда вместе объединяется, с одной стороны, такая могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойдённого, и, с другой стороны, ряд ошибок, ряд смен руководителей – очень скоро можно тоже коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живёт, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это – традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их – чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиций, советская школа, конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати, в Москве, – это школы, которые накопили традиции.

Что такое традиция? Я возражения встречал и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должны быть разумны, логически понятны. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию. Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в коммуне в 6 часов утра и каждый день совершал поверку, т. е. ходил в спальню вместе с дежурным командиром отряда, и меня встречали салютом, командой «Отряд, смирно!». Я совершал поверку состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника коммуны, и, как начальник, я в таких случаях мог производить всякие разборы и налагать взыскания. Кроме меня, никто в коммуне правом наложения взысканий не пользовался, конечно кроме общих собраний. Но вот я потерял возможность бывать каждый день на поверке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент поверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. И новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему – не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил:

«Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир предъявил такие права, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов нарушил дисциплину за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я не нарушал». Я, проверив дело, сказал что, по моему мнению, он не нарушал. И другие были за это. А дежурный командир настаивал на своём. Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжаловал моё решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семёнович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял «смирно», с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурство. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семёнович не прав, рапорт дежурного командира не проверяется. Вот если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение 10 лет это было законом. Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдаётся рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле ни в чём не был виноват, то считай про себя, что командир ошибся.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать. Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один комсомолец поднял разговор – что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть, – ему объяснили, что, может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дороже твоей правоты пожертвуй: если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный командир.

Таких традиций в моём коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал всех, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают. Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду по созданию коммуны и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных – это чрезвычайно важные достоинства коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями. Такие традиции украшают жизнь ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в обстановке своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшать. Без таких традиций я считаю невозможным правильное советское воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего своё достоинство и чувствующего своё коллективное лицо.

Я мог бы назвать очень много интересных традиций и примерно назову несколько. Вот тоже традиция, и тоже смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права диктатора, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причём постановили – никогда не разбираться, какая грязь: у того – вода налита, у того – пыль на подоконнике, у того – пыль на спинке стула. Постановили никогда не рапортовать подробно, не описывать беспорядка, а просто одно слово – грязь. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить преследование против неё. И вот по традиции этот «диктатор» – я даже не помню, откуда это взялось, – выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно младшая и обязательно чистюлька. Например, предлагают такую-то, говорят: «Да что вы, ведь ей уже 17 лет». И никто не понимает, почему семнадцатилетнюю нельзя выбрать в члены ДЧСК. «Да она прошлый раз выходила, у неё чулок спустился – поэтому нельзя». Почему обязательно девочка? Говорят, что хлопец не всегда сам может убрать как следует, а, во-вторых, логика говорит, что девчата злей. Уж если девочка скажет, то она никому – ни другу, ни недругу не спустит. Я боролся против этого: «Как не стыдно, почему вы лишаете мужчин такого права, что значит чистюлька она или не чистюлька».

Всё равно, со мной согласны, но как выборы – выдвинешь кандидатуру комсомолки, – нет – все против, давай пионерку. Пионерку выдвинут такую, что совсем ребёнок, куда ж ей доверять такую работы. «Нет, – говорят, – подходящая». И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой двенадцатилетней девочки не было покоя в течение дня никому – и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде. И ругают её: «Жить невозможно. Ищет-ищет она пыль в спальне, никакой пыли нет, – так она перевернёт стул и говорит:

– А что это?

– Волосок прицепился».

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И нельзя ничего сказать, потому что это правда. А эта Нина – ребёнок, она говорит: «Ты вот причёсывался, волосы у тебя летели, так что, я должна тебя прикрывать?»

Отчитывается такой ребёнок, взрослые парни смотрят на неё. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т.д. «Хорошая работа?» – «Хорошая». И опять её выбирают, забыв, что сами от неё страдали.

Это традиция. Коллектив чувствовал, что именно таким маленьким девочкам, наиболее педантичным, наиболее чистым, честным, не склонным ни к каким увлечениям – ни сердечным, ни иным, – именно им надо поручать такую работу. И эта традиция была такой глубокой, что и на комсомольском бюро говорили: «Нет, этот не подойдёт; вот такую Клаву давайте, она маленькая, чистенькая, будет работать».

И дети – удивительные мастера создавать такие традиции.

Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький, инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т.е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации – игры. Меня в своё время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом, всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок. Но в прошлом году здесь, в Москве, была получена 2-я часть 16-го тома Маркса и Энгельса, и я с огромным наслаждением, после 16 лет мучений,

прочитал, что и Энгельс настаивал на такой военизации. У него есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе[6]. Это не должно быть повторение закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки.

Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги, – это постоянным маршем: в столовую идут – маршируют, на работу идут – маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и ненужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я всё более и более убеждался в полезности этой эстетики. Ребята умеют ещё больше украсить эту «военизацию», сделать её более детской и более приятной. Мой коллектив был военизирован до некоторой степени. Во-первых, терминология имеет важное значение. Я, например, не совсем согласен, что можно школы называть неполной средней школой. Мне кажется, что об этом нужно подумать. Что значит: ученик учится в школе, а его школа называется неполная средняя школа? Такое усечённое название. Само название должно быть для него привлекательным. Я обращал внимание на эту терминологию. И когда я предлагал назвать – бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады – бригадир на производстве, а у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты то же самое будешь делать. Нет, как сказать, я могу и приказать, а бригадир прикажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчёт мальчика, но я считаю, что их очень увлекают некоторая законность этого отчёта. Законность такая: командир на отчёт должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчёте, когда один командир отдаёт рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива...

Потом многое можно ввести из военного быта в самый быт коллектива, в движение его. Например, в коммуне была прекрасная традиция начала общих собраний. Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром. Причём удивительно, эта традиция была

так велика, что когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно, то всё равно никому не позволяли открывать общее собрание, только дежурному командиру. Причём собрание все десять лет по традиции обязательно имело определённый регламент. Сигнал для сбора общего собрания давался на трубе. После этого оркестр, который помещался на балконе, играет три марша. Один марш для слуха, можно было сидеть, разговаривать, приходить, уходить. Когда заканчивался третий марш, я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться; если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» – причём я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко и что, когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно встают, и оркестр играет специальный знамённый салют; когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым; входит немедленно дежурный и говорит: «Собрание открыто».

И в течение 10 лет ни одно собрание иначе не открывалось, и если бы оно открылось иначе, стали бы говорить, что у нас беспорядок, что у нас чёрт знает что происходит и т.д.

Вот эта традиция украшает коллектив, она создаёт для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает. Красное знамя – это прекрасно содержание для такой традиции.

По той же традиции знамёнщик и ассистенты знамени выбирались общим собранием из самых лучших и достойных коммунаров и выбирались «до конца жизни», как говорили, т.е. пока ты живёшь в коммуне. Знамёнщика нельзя было наказать никакими наказаниями, знамёнщики имели отдельную комнату, они имели лишний парадный костюм, и нельзя было, когда он стоял со знаменем, называть его «на ты».

Откуда взялась эта традиция, я тоже не знаю; но то, что знамёнщик – самое почётное лицо в коммуне, доказывается тем, что у меня только один из коммунаров получил орден за заслуги военного характера, и это был знамёнщик [8].

Почёт знамени в школе – богатейшее воспитательное средство. В коммуне им. Дзержинского этот почёт выражался и в том, что если в комнате стоит знамя, которое по случаю ремонта надо вынести в другое помещение, то нельзя было сделать иначе, как построить весь коллектив,

вызвать оркестр и торжественно перенести знамя в другое помещение.

Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: «Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать. У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени».

Мы говорили на разных языках. Я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула.

При входе в коммуну всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати – четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе – кто он такой, что ему нужно, зачем он идёт – и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуну не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но всё равно стоял свои два часа. И вот один раз приехала из Украинского Наркомпроса одна из педологичек с чекистом. Между ними произошёл интересный разговор: «Что же, он так и стоит?» – «Так и стоит». – «Ему скучно. Книжку дали бы ему почитать». Он говорит: «Как, часовому книжку читать?» – «Но как же, нужно время использовать и развитие получать». Разные люди: она поражена тем, что часовой ничего не делает, а чекист поражён предположением, что часовой может читать на посту книжку. По-разному поражены. И эта организация – это необходимая функция, и воспитывающая функция коллектива...

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать, там, где перила, – там и вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить возле перил. Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А вначале имели в виду не укрепление позвоночного столба, а сбережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, чёткость, но ни в коем случае не просто шагистика.

Что касается военной подготовки, то она идёт, не вполне совпадая с этой эстетикой. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А это – чёткость,

эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима. В особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их. В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Вы это лучше меня знаете, и на этот счёт есть определённая точка зрения и Наркомпроса, и партии, и об этом я говорить не буду. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришёл к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы – я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызывали удивление. В старые века красиво одевались войска. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шёл по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензели золотые и серебряные, расшитые тюбетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т.д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% у вас в руках.

Лекция вторая

ДИСЦИПЛИНА, РЕЖИМ, НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ

Сегодня я предложу тему – дисциплина, режим, наказания и поощрения. Ещё раз я вам хочу напомнить, что мои положения вытекают исключительно из моего личного опыта, который проходил в несколько особых условиях, главным образом в колониях и коммунах для правонарушителей. Но я убеждён, что не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу. В частности, логика здесь такая.

Из моих 16 лет работы во главе учреждения правонарушительского я последние 10, а может быть и 12 лет, считаю работой нормальной. Всё дело в том, что по моему глубокому убеждению, мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными» благодаря «правонарушительской» или «ненормальной» педагогике. Нормальная педагогика, педагогика активная и целеустремлённая,

очень быстро обращает детский коллектив в коллектив совершенно нормальный. Никаких прирождённых преступников, никаких прирождённых трудных характеров нет; у меня лично, в моём опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности.

В последние годы в коммуне им. Дзержинского я вообще решительно протестовал против какой-либо мысли о том, что у меня коллектив ненормальный, коллектив правонарушительский, и поэтому те выводы и те приёмы, которые я вам сегодня предложу, мне личного представляются применимыми к нормальному детству.

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим – это есть определённая система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции, – в дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы и учителя также смотрели на дисциплину одинаково – дисциплина – это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия, скорее типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе – это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что в старой школе такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами как некоторое геройство, как некоторый подвиг или, во всяком случае, как некоторое остроумное веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками,

но даже и самими учителями не рассматривалась иначе, как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек – это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Иметь такую точку зрения на дисциплину необходимо каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как нам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х гг., когда такой широкой популярностью пользовалась теория свободного воспитания, по крайней мере тенденция свободного воспитания, тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали, что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своём раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т.е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, это значит рисковать 50-60% успеха.

Определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины, – ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т.д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями, – это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Как раз в области рассуждений мне приходилось сталкиваться с очень упорными противниками дисциплины (среди воспитанников), и если доказывать им необходимость дисциплины словесно, то можно встретить такие же яркие слова и выражения.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждений может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее я первый настаиваю, что наша дисциплина, в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое должна сопровождаться сознанием, т.е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна.

Каким способом можно достигать этой сознательной дисциплины? Необходимо сказать, что в наших школах ученики и учителя поставлены в более худшие условия, чем учителя и ученики в старой школе с этой точки зрения, и вот почему.

В нашей школе нет теории морали, нет такого предмета, нет такого лица, которое бы эту теорию морали преподавало или было бы обязано по известной программе сообщать детям.

В старой школе был закон божий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом самими батюшками, которые относились к нему, как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нём было много моральных проблем, которых так или иначе касались на занятиях. Другой вопрос, имела эта теория положительный результат или нет, но в известной мере проблематика моральная проходила перед учениками в теоретическом изложении, т.е. говорилось: «нельзя красть, нельзя убивать, нельзя оскорблять, нужно уважать старших, уважать родителей», – и такие отделы морали, христианской морали, которая рассчитывала на веру и на религиозное убеждение, вскрывались в теоретическом изложении, и моральные требования, хотя бы в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили.

В своей практике я пришёл к убеждению, что и для нас необходимо изложение теории морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательный коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести.

Я уверен, что в развитии нашей школы в будущем мы необходимо придём к такой форме. В своей практике я принуждён был теорию морали в определённом виде, в программном виде своим ученикам предлагать. Я сам не имел права ввести такой предмет – мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами.

Я в своём опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали, конечно, несравненно большие, чем могли быть результаты в старой школе в руках какого-нибудь, хотя бы и просвещённого, батюшки.

Возьмём вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеют сравнения со старыми разглагольствованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торможение.

Сдержанность, уважение к женщине, к старику, уважение к себе – вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории Коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво, убедительно предложен нашим ученикам.

Я могу утверждать, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет всё это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдёт какие-то обязательные формы и формулы морали...

Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моём коллективе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали?

Я пришёл к следующему списку общих моральных положений. Прежде всего дисциплина как форма нашего

политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придёт сама благодаря внешним мерам, приёмам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно поставить прямо, ясно и определённо.

Эти доводы, требования дисциплины подсказывают такие моменты. Прежде всего каждый ученик должен быть убеждён, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива. Та логика достижения цели всего коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, что она излагается чётко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), такая логика будет первым камнем, положенным в основание определённой теории поступка, т.е. определённой теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищённое, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко и на практике ребята вспоминают это утверждение, на каждом шагу получают подтверждение, что оно верно, и в своих активных выступлениях за дисциплину многие говорят, что дисциплина – это свобода.

Дисциплина в коллективе – это полная защищённость. полная уверенность в своём праве, путях и возможностях для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество являются подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества – это дисциплина.

Это второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требования помогает потом воспитателю разрешать каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Между прочим, это происходит, может быть, оттого, что как раз беспризорные и правонарушители, бывшие у меня, в значительном

числе случаев побывали в таком детском коллективе, где нет дисциплины, и они на своей шкуре испытали всю страшную тяжесть такой бездисциплинированной жизни. Это – власть отдельных вожаков, так называемых глотов, более старших, сильных беспризорных, которые посылали малышей на воровство и хулиганство, которые эксплуатировали этих детей, и дисциплина для этих детей, страдавших от бездисциплинированного состояния, являлась действительным спасением, действительным условием человеческого расцвета.

Я, если было бы время, рассказал бы вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что мальчик попадал в дисциплинированную среду. Но я расскажу сейчас один случай.

В 1932 году я взял на вокзале в Харькове по распоряжению НКВД со всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных. Я взял их в очень тяжёлом состоянии. Прежде всего, что меня поразило, – они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но все они были знакомы. Это было «курортное общество», которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения.

Эти 50 человек, когда я их привёл, помыл, постриг и так далее, на другой день передрались между собой. Тот у того-то украл, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе из 50 человек есть вожаки, есть эксплуататоры, есть власть имущие и есть эксплуатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 человек, пытаясь создать из них отдельный маленький коллектив.

На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причём распределили, придерживаясь правила, кто позлее – в сильный коллектив, а тот, кто помягче, – в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались ещё сводить прежние счёты. Под давлением коллектива эти счёты были прекращены, но несколько человек убежали из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчёты с врагами более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от

отсутствия дисциплины, причём, в конце концов, воспользовавшись случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой отдельной личности, и кто с наибольшей страстью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на Харьковском вокзале... Они рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, они поняли за две недели новой жизни на своём примере, что такое дисциплина.

Это произошло потому, что мы подняли эту кампанию, провели дискуссию. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие её защитники, наиболее преданные её проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям.

Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности там, где личность выступает против коллектива.

Но когда дело приходит к практическому случаю, оно решается часто как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В коммуне им. Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причём этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня– уборка, обед, приём гостей, порядок, чистота, вся работа школы, приём пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил красную

повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться беспрекословно, и только вечером он мог дать отчёт о всех своих приказаниях. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовём Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старейших беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе.

Этот дежурный командир вечером во время рапорта, доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только что купленный им радиоприёмник. Это был первый радиоприёмник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 рублей, которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприёмник стоял около кровати в спальне и оттуда исчез. Спальня не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешён, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприёмник. Он очень тактично вёл разговор, указал, кто мог бы войти в спальню за инструментом и т.д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка и затем тревожил поступок – кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка.

Но ничего не удалось открыть; с тем и легли спать. Мезяк – мальчик лет 12.

Наутро ко мне пришли несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли в театре под сценой радиоприёмник. Они попросили освободить их от работы, чтобы понаблюдать, что там происходит.

Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо – радиоприёмник украл Иванов, так как они

видели, как он один подходил несколько раз к суфлёрской будке, стоял там и что-то слушал. Больше никаких доказательств они не имели. Только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, у суфлёрской будки и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

– Ты украл радиоприёмник, и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

– Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли Робеспьер, он всегда предлагал одно – выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально – открыть дверь и спустить Иванова с лестницы.

Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, что и тебя хотели выгнать, но ничего не добился.

Позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания – выгнать, и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать – они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны.

– Антон Семёнович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я всё-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получат утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что прибудут представители НКВД, а они при них подтвердят своё решение.

Я имел неприятности, меня упрекали в том, что я не добился отмены постановления. На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуну. Их встретили так:

– Вы чего приехали? Защищать Иванова?

– Нет, добиться справедливости.

И тут произошёл между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы.

На общем собрании чекисты так говорили:

– Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили

доверием, вы ему доверяли коммуну, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдёт? Он пойдёт на улицу, а это значит – бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причём сам Иванов, «бандит», в истерике бьётся целый день.

С ним больше доктора возятся, чем комсомольцы.

Показывают на него:

– Вот человек болен. Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет? Ведь вас 456 человек! А он один.

Это убийственные доводы, это убийственная логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные люди, но люди, отвечающие за свой коллектив, тот же Робеспьер и другие. Они говорили:

– Если Иванов пропадёт – правильно. Пусть и пропадает. Если бы он украл что-нибудь – одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуну, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас – говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошёл против всех, соблазнившись 70 рублями, пошёл против нас, против Мезяка, который несколько месяцев собирал по 10 рублей из своего заработка. Если он пропадёт, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы не боимся, но нас это не интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет всю силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы всё-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадёт. Им возражали коммунары: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько она теряет в год. Там бежит в год 50%. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет меньше, мы согласны его потерять, но зато справимся с другими.

Спор шёл долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель говорил: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?» – все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они

улыбаются, потому что знают, что всё равно Иванова выгонят. И в 12 часов ночи постановили: выгнать именно так, как постановили вчера, – открыть дверь и спустить с лестницы. Единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, – мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца – и в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я ещё буду говорить. Сейчас только скажу, что это беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т.е. физически беспощадным он может и не быть, т.е. нужно организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжёлом, катастрофическом положении.

Наконец, четвёртая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Это сторона дисциплины – красота дисциплины, эстетика дисциплины – является очень значительной. Как раз в наших детских коллективах, насколько я знаю, делается очень мало в этом отношении. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовнёй. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекающей, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришёл к окончательной форме такой красивой дисциплины, причём, конечно, здесь есть опасность, чтобы дисциплина не была просто внешним украшением. Нужно, чтобы красота дисциплины вытекала из её сущности.

Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько

приёмов, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтра по вине кухни, или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, которые проспали, на 10 минут позднее. Возникает вопрос: как же поступать дальше – задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу или поступиться завтраком? Вопрос на практике бывает очень тяжёлый.

У меня было много наёмного персонала: инженеры, мастера, инструкторы – до 200 человек персонала, который также дорожит своим временем. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок. А тут завтраку опоздал на 10 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать рабочих, инженеров. Многие живут за городом, опаздывают на поезд и т.д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнения. Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов. Многие ребята бегут, некоторые ещё только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю: «Завтра окончен». Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнения не было. Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

– Что же, мы голодные будем?

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не позавтракал.

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальне и не спешат приходить в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь, рядом стоящим, по совершенно другому делу, и все опаздывающие 100-150 человек, обычно старшие воспитанники, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод. «Здравствуйте, Антон Семёнович!» И никто не покажет вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

– Ну и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину «Броненосец Потёмкин». Привезли картину, все расселись в зале. Идёт третья часть. Я говорю:

– Четвёртый второй, третий отряды, выйдите из зала.

– Что такое?

– Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

– Есть, проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся; пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Это такое упражнение. Таких упражнений может быть много. Всегда, в частности, известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция: лучшему отряду поручать самую тяжёлую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка – это довольно напряжённое дело, так как в коммуне каждый день несколько делегаций бывало и коммуну нужно было держать в лоске, доводить до полного блеска.

– Какой лучший у нас отряд?

– Шестой.

Значит, самую неприятную работу производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжёлая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжёлое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? Самый лучший, и этот лучший отряд гордился этим. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, внеочередное задание. Но именно ему я это поручаю без всякого сомнения, без всяких слов потому, что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эстетичность.

Эта эстетичность будет последней филигранной работой дисциплинированности. И не каждый коллектив придёт к ней, но если коллектив пришёл к ней, и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей, живой логикой, это значит, вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще в простой форме, доступной для детского понимания: если человеку нужно сделать что-нибудь для себя неприятное, он всегда сделает это и без дисциплины дисциплина именно тогда, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчёркивать как можно чаще, при всяком случае. Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявлять как определённое знание, о котором нужно всегда говорить, подчёркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании дисциплина будет получаться сознательной.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всего подчёркивать главное и основное – это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность даёт очень много блестящих примеров. Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации – здесь и в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить нашим воспитанникам как пример советской дисциплины, основанной именно на этих принципах дисциплины.

Всё-таки я уже сказал, что такая сознательность, такая теория поведения должны сопровождать дисциплину, должны идти параллельно с дисциплиной, а не быть основанием дисциплины.

Что же является основанием дисциплины?

Говоря просто, чтобы не зарываться в глубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование без теории. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убеждён, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество отличается именно тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объёму. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать,

спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие основательные и общие требования, но с другой стороны, мы оказываем личности необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к её силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определённого, без поправок и без смягчения.

Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поема», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задорова. Эти побои показали, во-первых, плохую мою вооружённость как воспитателя, плохую мою вооружённость педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование.

В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки, никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом. То моё преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием.

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920, а 1928 год и потому что едва ли кто-нибудь из вас, товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затруднённом положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведённым до возможного предела.

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой, и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Вовсе нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я

был только убеждён в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права и кокетничанье своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить. Я убеждён, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование.

Конечно, это требование должно развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы. Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований.

Очень часто бывает, и в большинстве случаев даже бывает так, что достаточно просто выразить решительное, неломающееся, негнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хотите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Всё в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта. Нельзя предъявлять грубые требования, нелогичные, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду не логичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня становилось очевидным, и для всякого человека со здравым смыслом становилось ясно, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который даёт простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, чего коллектив не понимает, тот победы не одержит.

Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чём. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае, без искреннего, открытого, убеждённого, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно идти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требования. там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований.

В частности, я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, егозливость, несерьёзность, истеричность детей, беготня по лестницам, разбивание стёкол, носов, голов и т.д.

Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг, беготня не нужны детям.

А вместе с тем я встречал такие рассуждения педагогов: ребёнок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура.

Я возражаю против этой теории. Ребёнку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только расстраивал всё время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, на своём опыте убедился, что в детском коллективе можно с успехом проводить движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т.д.

В коммуне вы не могли бы встретить такой галдёж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в здании. Я требовал полного упорядочения движения.

Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше я этого не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднёс бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме – чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в школе.

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идёт гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвёртый активисты, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддержать дисциплину.

Я спешил с этим. Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением. Это вторая стадия развития, когда около меня образовалось такое ядро.

И, наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это – тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в известном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой.

В последние 5 лет в коммуне им. Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, тут для вас и будет простор для развёртывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной – основные, и общий итог требований, когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот пусть я считаю основным путём в развитии советского детского коллектива. Я убеждён, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходит к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одним требованием. Требование – необходимый элемент дисциплинирования коллектива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме. Кроме требования, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме

требования. И наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, это угроза.

Я считаю, что эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно должно испытывать некоторое развитие. Одно дело – привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело – привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намёком, улыбкой, юмором. Оно – что-то ценное и видное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива – это уже не нужно. Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне им. Дзержинского я не позволял себе угрожать: я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причём на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне им. Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях – подарок, денежная премия и самая высокая награда – благодарность в приказе перед строем и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за неё дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструкторы, становятся отдельной шеренгой. Даётся команда: «Смирно!» Выносится знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносится благодарность, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это высшая награда. И такая благодарность записывалась

в дневник отряда, в дневник коммуны и на красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получили благодарность.

Это высшая награда, которая возможна в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллектива. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с привлечения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например, театр и т.д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдёт очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос – что требовать? Здесь я предложил бы такую формулу, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, чего нужно требовать, – это подчинения коллективу... Коммунары меня этому научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме.

В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой ещё парень, лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафчика...

Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчёт перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определённо установлено, существовал такой определённый кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь как свидетеля, то он не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причём я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление, и его отпустили бы с маленьким наказанием, но, если он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя высшей степени – восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

– Крал ты?

– Крал.

– Кто желает высказаться?

На середине полагалось стоять смирно.

Один берёт слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгнать. Берёт слово, и вдруг он говорит:

– Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты ещё два раза украдёшь!

Всем это понравилось. Все говорят:

– Правильно, он ещё два раза украдёт. Пустите его с середины.

Тот обиделся:

– Как это я ещё два раза украду? Честное слово, не украду!

Робеспьер говорит:

– Ты слушай, что тебе говорят. Ты ещё два раза украдёшь.

Тот ушёл. Приходит ко мне вечером и говорит:

– Чёрт знает что такое! Даже не наказали, издеваются, говорят, что я ещё два раза украду!

Я говорю:

– Ты докажи, что над тобой издевались.

Представьте себе, что прошла неделя и он украл резец из шкафчика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т.д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит: «Украл резец?» – все хохочут.

Встаёт Робеспьер и говорит:

– Я тебе говорил, что ты ещё два раза украдёшь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты ещё раз украдёшь!

Тот ушёл. Месяц он держался, а через месяц зашёл на кухню и украл пирожок.

Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувствующими глазами, радостно. И Робеспьер говорит:

– Ну, в последний раз?

Тот просит слова и говорит:

– Теперь я вижу, что в последний раз.

И его отпустили и оказались правы, больше он не крал.

Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем, когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:

– Ты ещё два раза украдёшь.

Я говорю:

– Что вы придумали! Говорите, что ещё два раза украдёшь! Ведь у нас в коммуне 450 человек, и каждый

по три раза украдёт – во что вы коммуну превратите?

Они говорят:

– Не бойтесь.

И действительно, не нужно было бояться, так как это было убийственно, – такая сила убеждения коллектива, что... прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то он на коленях просил не ставить его на середину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он ещё два раза украдёт, и оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.

За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Считалось, что это человек больной, что у него старые привычки, он никак не отвыкнет.

И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

А наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а её подруга позвонила по телефону, что Шура заболела и осталась у неё ночевать.

Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришёл ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то.

Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чём дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни её подруги. А на другой день Шура стала на середину.

С одной стороны, это было девичье смущение, а с другой, было что-то другое. Она говорит:

– Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая и приятная улыбка.

Но я вижу – нет. И все коммунары видят – нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил её выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов и т.д., и т.п.

Я посмотрел – ну, как...

– Нужно голосовать, – говорит председатель.

Я говорю:

– Вы обалдели. Ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете её выгонять...

Робеспьер говорит:

– Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили – 10 часов ареста, а затем комсомольская организация за неё взялась. Вечером её на комсомольском собрании «парили», и партийная организация должна была вмешаться, чтобы её не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы она украла, а то ты комсомолка, командир отряда – и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле ты не заболела, а куда-то отправилась, ты же солгала; это – преступление.

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и развёртывается по мере развития коллектива.

Наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от натуры, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и его власть, там требования должны быть предъявлены решительные до конца, до тех пор пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказание можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, что наказание допустимо, но лучше обойтись без наказания. Всё-таки наказывать можно, но если ты наказываешь, то ты плохой педагог. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно установить точно, что такое наказание. Я лично убеждён, что наказание не такое большое благо. Но я убеждён в следующем: там, где нужно наказывать, педагог не имеет права не наказывать. Наказание – это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т.е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждение говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания.

Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически вместимой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию, наказание – допустимое зло. Взгляд на наказание как на зло, которое допустимо почему-то, в известной мере, я считаю, не соответствующее ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращают педагога в объект упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я – святой человек, обхожусь без наказания.

А что делать тому человеку, который искренне видит, что нужно наказывать? Он сидит и тужит: вот какой-то педагог обходится без наказания, и что же скажут обо мне? Скажут, что я педагог второго сорта.

Такое ханжество я считаю нужным отбросить. Там, где наказание должно быть применено, где оно может быть применено с пользой, там педагог должен его применить.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желательность наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание? В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Всё наше общество так устроено: так много уважения у нас к человеку, так много гуманности, что мы имеем возможность прийти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказаниях. И эта счастливая норма должна быть такой: наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

Всё зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать ещё более сложным путём. Я утверждаю, что не выработано ещё наказание, уничтожающее конфликт до конца. Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в коем случае оно не должно иметь в виду причинение страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать:

«Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка».

Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чём же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осуждён коллективом, зная, что он поступил неправильно, т.е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив вы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, там наказание производит не полезное, и вредное впечатление; только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как и вы, и осуждает так же, как вы, только тогда можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Теперь, что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определённые законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считал, что прежде всего наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где могут наказывать, иметь право наказывать 10 человек.

В коммуне им. Дзержинского, где я руководил и производством, и бытом, и школой, только я один мог наказывать. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиции и норма для того, кто применяет наказание.

В коммуне им. Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился известным и когда все видели, что он идёт вместе с коллективом, не возражая ему, он получал звание коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунар.

Воспитанника я мог наказать так – наряд. Это получасовая работа, главным образом на кухне, по уборке,

в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т.е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было применить,– это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы.

Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам.

По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание – арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест – это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару... Но если он коммунар, он имел значок и потерял значок, то я не имел права его арестовать. Я никогда всех на память не знал. Ведь у меня было 500 человек. Но говорили так:

«Потерял значок, – не теряй».

Обычно старших воспитанников я знал всех. Так вот по отношению к коммунару арест – это единственная форма.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию – быть арестованным. А я арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застёгнута, – час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать:

– Такой-то, получай час ареста.

И он говорил:

– Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать. Что это значит?

В выходной день он обязательно отдаст пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

– Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 г. меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощу, а завтра накажу, какой же порядок. Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моём кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причём тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он «отдувается». И разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т.д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое – арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной.

Попробуйте-ка даром наказать. Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. На общее собрание пойдёт, обжалует. Считалось, что это нарушение его личного права.

Девочки относились к аресту с каким-то ужасом, сесть под арест – это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Не допускалось такого случая, чтобы девочка попала под арест.

Когда я одну хорошенькую, умненькую девочку, командира отряда, посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Теперь она драматическая актриса харьковского театра.

Арест – это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требования к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны им. Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своём распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провёл 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне, и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и всё же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

– Кто дежурит по театру?

– Первый отряд.

– Командиру первого отряда пять часов ареста.

Командир первого отряда – мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль? Он недосмотрел – и вот получай 5 часов ареста.

Я уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир первого отряда является в кабинет:

– Прибыл под арест.

– Почему?

– За пыль на рояле.

– А почему ты не отсидел до сих пор?

– А я хотел отсидеть, когда вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к форме наказания.

Там, где коллектив объединён в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал инструктора. ОН был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко (самому маленькому) объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьёзное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

– Садись и слушай.

И тот объяснил, причём пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

– Постановление общего собрания Киренко выполнил.

– Ты понял, что тебе говорил Киренко?

– Понял.

– Иди.

И всё кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой-коммунаркой один коммунар, увидел, что в публике драка. Он не удержался и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 5 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришёл и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив шутя, играючи показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, а беседы индивидуального характера.

Лекция третья

ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Сегодня я рассчитывал предложить вам вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия. Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом мною в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность как корректив к развитию коллектива, во-вторых.

В развитии моего опыта пришёл к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях.

Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом?

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным коллективом.

В школах наших такие коллективы, естественно, существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т.е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива школы иногда и не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить интересами общего коллектива. Но зато у меня не было такого естественного первичного коллектива, каким является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я мог бы основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошёл по этому пути вот почему. Класс объединяет детей в постоянной

дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектив в границах отдельных классных интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуну в виде таких первичных коллективов, объединённых такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединённый в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность как первичный коллектив и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

Я пришёл к этому через ошибки, и ошибки эти сказывались на моей воспитательной работе. Я поэтому имею право говорить, что и многие школы, слишком ограничивающие свои интересы интересами первичного коллектива, приходят к тем же воспитательным результатам.

Коллективное воспитание не может проводиться только через первичный (контактный) коллектив, ибо в таком коллективе, в котором дети объединены постоянным бытовым содружеством, когда они в течение дня видят друг друга, появляется семейственность и получается тот род воспитания, который нельзя назвать вполне советским воспитанием. Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более глубокого социального синтеза, возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество.

Опасность замыкания ребят в коллектив дружеский есть опасность группового, а не широкого политического воспитания...

В моём опыте я пришёл к такой организации, что первичный коллектив не покрывал ни классных, школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на отряде, в который входили и школьники

разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать её подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, и я исследовал в статистике, в движении, в поведении такой вопрос. Возьмём вопрос возраста. Я в первое время работы тоже был сторонником строения первичного коллектив по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов. Но потом я увидел, что это ошибка.

Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте (ребята 11-12 лет) должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы, свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения. К этому меня приводило и некоторое влияние педагогической литературы, которая считала, что возраст является одним из определяющих начал в воспитании.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. В таком коллективе не было постоянного влияния более старшего возраста, не получалось преемственности поколений, не получалось морального и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных и, главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец для малышей.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше. Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7-8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, это во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить.

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение,

естественно, их замыкает в чём-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, жизнь первичного коллектива организуется более сложно, требует больше усилий от отдельных его членов, и старших, и молодых, предъявляет к тем и другие большие требования, следовательно, и даёт больший воспитательный эффект.

Таков коллектив, составленный из разных возрастов, я организовывал в последнее время по принципу «кто с кем хочет». Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я окончательно пришёл к такой именно организации первичного коллектива.

В отряде 10-12 человек, добровольно объединившихся. Это объединение складывалось, конечно, постепенно. Но всегда в общекоммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединяться. Для меня это было удобно, я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. На 500 человек таких мальчиков набиралось 15-20, которых ни один отряд в своём составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, бывало меньше. Их приходилось на 150 человек три-четыре, несмотря на то, что обыкновенно у девочек отношения менее дружественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то: «Он нам будет портить коньки, обижать малышей». Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил:

– Вот вам 15 человек, которых ни один отряд не хочет брать. Вот Земляной. Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?

Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит:

– С какой стати первый отряд отказывается его брать, второй тоже, пятнадцатый тоже. Почему они не берут? Они должны дать объяснение.

Объяснение даётся кратко.

– Если вы так говорите, то возьмите в свой четырнадцатый отряд. Отвечайте за него и возитесь с ним.

В таком случае находятся аргументы такого порядка:

– Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он корешок такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!

И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический «хлеб». Что я с ними делал? Естественно, что и отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более что никто никаких обвинений не предъявляет, а просто говорят – пусть другой отряд возьмёт, а он стоит как человек, которого коллектив не принимает.

Он начинает убеждать и клясться, обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем. Но нужно как-то кончать. И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем.

Переходят к Иванову, Романченко, Петренко и стараются распределить 15 человек между всеми отрядами по одному.

И тогда начинается другой процесс. Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:

– Я возьму такого-то.

Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что то самый Земляной, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть ещё Петренко и Шаповалов, которые хуже Земляного...

Получает первый отряд. Тогда мы говорим:

– Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете.

Затем переходим ко второму. Второй является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идёт борьба. И так идёт дальше, пока не остаются двое: Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист у меня был под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав. Хотя преступлений за ними не водилось, но для меня важно было указание коллектива, что таких-то не хотят брать в коллектив.

Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать, значит, он заслуживает моего особого внимания.

Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает.

Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была ещё очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив – отряд? В нашей практике в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать. Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок.

Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, эта есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идёт параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12-15 лет живёт, он живёт, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был

грамотным, чтобы ты работал на производстве, что ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я старший, который руководит жизнью при твоей же помощи, при твоём же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т.е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле для меня он явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи, она старается привести коммуну к возможно лучшему состоянию. Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд – общественный деятель и первичная ячейка общественной работы, жизни.

Чтобы ребёнок себя чувствовал прежде всего гражданином, чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к убеждению, что прикасаться к личности нужно с особо сложной инструментовкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

– У тебя опоздание на заводе.

– Да, Петренко опоздал.

– Чтобы этого больше не было.

– Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

– У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.

– Можете идти.

Затем я слежу, что делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему:

– Ты опоздал на завод, значит наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива.

Мы довели это требование к отряду до совершенного вида. Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием, люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был такой закон: сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой из

отряда – это всё равно. Мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Есть первый отряд? Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос как командир отряда.

Затем, например: Волков украл, с Волковым ведётся и отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы ставятся не Волкову, а отряду. Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

И дальше. В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например, несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Всё равно, идёт весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели «отлично», а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идёт в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезет, а выйдет в отличники.

Иногда такой Петя приходит и говорит:

– Переведите в другой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят: «Вот билет, что он пропадать, что ли, будет, иди».

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает.

Если в отряде 12 человек, из них 5 хорошо, нормально работают, и 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечает за это.

У нас было 35-45 отрядов. Каждый месяц отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявляется последним. На диаграмме это известным образом показывалось. Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду «Встать – смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца как победителю. Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальне. Или, например, заключалось соревнование по бытовому порядку,

или по дисциплине, или ещё по чему-нибудь. Итоги подводились каждую шестидневку. Первые лучшие 7 отрядов получали билеты в театр. Мы имели в театры 31 место каждый день. Распределяли так, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Значит, первый отряд в течение шестидневки каждый день получал по 7 билетов, второй отряд получал по 6 билетов и т.д. Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперёд или которые тянут отряд назад. Это дело не наше – отряда. Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял: имеет ли он билет, одет ли по форме и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал – ты в отряде последний или первый.

Такое значение имел отряд и во всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а здание нужно было содержать в чистоте, так как оно было на большой дороге и у нас бывало много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал нас за двухсотую делегацию. Это помогало держать коммуну в блестящем виде, но, чтобы держать в чистоте, натирать полы, чистить медные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками, а всеми вместе. Все 500 человек с четверти седьмого до без четверти семь выходили на работу.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт в работе. Организация достигалась тем, что работа распределялась на полгода вперёд между отрядами. Менять работу часто нельзя. Один отряд получал щётку, ведро, тряпку, другой получал всё, что нужно для чистки и натирки полов, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он получал всё, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд – хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно убирать очень долго, и чтобы привести в порядок, надо было всем потеть. Обычно самый плохой

отряд получал работу самую чистую, но самую объёмистую, причём за плохо произведённую уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд являлся тем место, с которым я как старший в коммуне имел тесное соприкосновение. Но для меня было трудным делом проверить внимательно психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикреплённого к этому отряду[15]. Об этом мы будем говорить потом.

Я мог бы долго говорить о значении первичного коллектива, но не имею времени. Ещё хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но, тем не менее, я убеждён в следующем. Во-первых, первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его и, во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путём прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод – для коммуны один, а для школы должен быть совершенно другой.

Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. Такова была инструментовка, и на деле мы всегда имели в виду прежде всего отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельными воспитанниками, с отдельной личностью?

Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно её знать и её культивировать. Если в моём представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь.

У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я как начинающий педагог совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто хочет убежать, т.е. то, что выбрасывалось из коллектива, выпадающее. Естественно, что я на этих людей направлял своё особое

внимание. Так я делал как человек, убеждённый, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью, т.е. каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т.д.

В последние годы я изменил такой тон. Я увидел, что наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется.

Почему я пришёл к мысли об этом? Потому, что уже сделал 15 выпусков, и я следил за этими выпущенными и видел, что многие из тех, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетворяли меня вполне как продукт воспитания. А те, которые прятались от меня и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут совсем как мещане: рано женятся, заводят «семейку», пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, из комсомола выходят, теряют всякую общественную связь, обращаются в сереньких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение. Кто хату начинал ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился.

Наблюдая такие случаи в первые годы своей работы, я пришёл к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание.

Между прочим, натолкнули меня на это сами коммунары. В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто сидит в своём отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприёмник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умён, достаточно «дипломатичен», чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришёл к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы не заключалась в том, чтобы привести в порядок двух-трёх воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определённый тип гражданина, выпустить боевой активный,

жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок отдельную личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе. Есть педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстаёт, а так называемая норма сама идёт. Но куда она идёт и куда она выходит – это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1) действующий актив, 2) резерв актива.

Действующий актив – это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле – они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании или реагирования на какой-нибудь скандал у них всегда есть резерв, который ещё не актив, не командиры, не имеют ещё формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа здорового пассива. Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе, и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

У меня было несколько человек гниющего актива. Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видим просто по глазам, по походке – и для них, и для меня даже не нужны были факты, – мы видим некоторую тонкую дипломатию – там интрига, там клевета, уклонился от работы, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, назавтра опять то же самое; и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с барского тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины. Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства – на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином.

– Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива – это не страшно, но является подозрение – пиво ли это?

Таков гниющий актив. Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и два-три человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно – «шпана». Это значит – держи карманы, и всё внимание нужно остановить на них. Эти могут и кассу взломать, и залезть на завод, и детали украсть. Обычно это новенькие более старшего возраста. таких бывало человек 15-20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана» и если её выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь устроит.

И наконец, термин, подсказанный французской революцией, – «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут, что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не узнаешь.

Было особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом, наблюдение за их движением. Мы видим, что такой-то Петров был у нас в болоте, причём мы говорили ему, что ты у нас в болоте, ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничего не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь, он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, ещё раз себя проявил, и вот он уже переходит в резерв актива или в здоровый пассив.

Вся наша задача в том и заключается, чтобы совершенно уничтожить этот элемент «болота» и элемент «шпаны».

Со «шпаной» шёл бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. «Шпану» брали прямой лобовой атакой. С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных элементов, т.е. «болота» и гниющего актива, то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив. Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике – работа педагогического коллектива. У нас сплошь и рядом и в педагогической литературе слово «воспитатель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя, способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего умом, опытом, одним словом, хорошего воспитателя нам трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли мы делать ставку на случайную картину таких воспитателей?

Если делать ставку на отдельного воспитателя, то, значит, идти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой – плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос – воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем живёт? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить минус, никто не подсчитал...

А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе.

Так как мне в своей жизни приходились делать ставку главным образом на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса, когда ко мне попадали воспитатели, сами невоспитанные. Я потратил несколько лет жизни и работы, так как в высшей степени глупо надеяться, что этот невоспитанный воспитатель будет нам кого-то воспитывать. Потом я пришёл к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан. Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда такие бесталанные, невоспитанные люди работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива. Других результатов не могло быть.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалованье, он может воспитывать. А между тем эта работа самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей.

Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы,

как плохой воспитатель. Поэтому я в последние годы пришёл к твёрдой линии – работать без воспитателей совсем и пользовался только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану.

Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чём заключалась такая учёба? Прежде всего в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребёнком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать своё настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть весёлым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убеждён, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все эти вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит,

а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идём в театр и любуемся актёрами, которые играют прекрасно, то там эта игра – наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребёнку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединённых в коллектив, воодушевлённых одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверное, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги – нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определённую линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те – нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек уже выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому ещё прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю

и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни...

Пусть любовь придёт незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивался, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив воспитателей, объединённый общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьёзно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» рукопись, написанную одним московским педагогом. В этой рукописи изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой рукописи разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга: меня выбрали арбитром.

Если книгу и следовало бы издать, то только с одной целью. Там выведена такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но автор в восторге от этой учительницы.

Это педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за «любовью» воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением, – «родители – это серая семья», а она, видите ли, педагог. Все учителя также отрицательные: один задавлен своей гордостью, другой ничем не интересуется, третий – интриган, четвёртый – ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом всё написано в самом мерзком вульгарном тоне. Даны такие учителя, «у которых развязности много и есть работоспособность, а таланта мало». И на каждом шагу нежные вздыхания в стиле Вербицкой. Погоня за

любовью, и такое описание учеников: вот эта девочка «наводит тень на ясный день». И затем особенное внимание, нездоровое внимание к половым вопросам.

Пожалуй, в этом и заключается всё содержание: какой мальчик поглядел на какую девочку, какая девочка написала записочку, и как она, педагог, гениально разбила эти попытки влюблённости, и как ей были все благодарны.

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками, и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьёзные воспитатели, есть только один путь – объединение их в коллектив, объединение вокруг определённой фигуры, центра педагогического коллектива – директора. Это тоже очень серьёзная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Если так много нужно потребовать от воспитателя, то ещё больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателей в коллектив.

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство – длительность педагогического коллектива, и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания. Если у нас в коммуне живёт энное количество коммунаров и средний срок пребывания их в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя в коммуне не может быть меньше 5 лет. Это закон, так как если коллектив живёт и сбит по-настоящему, то каждый новенький является новеньким – не только воспитанник, но и педагог. И воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать, это ошибка. Успех воспитателя зависит от того, насколько он старый член коллектива, сколько им заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллективе нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и начинающего педагога. Коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определённое количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая ещё и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается

неуловимо тонкая мистерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов, и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность за её нормальную работу.

Нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьёзно подумать, так как бывает преобладание мужчин и это создаёт нехороший тон. Слишком много женщин – также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет ещё и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но, во всяком случае, хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны быть.

Я так делал. У меня 22 педагога и есть одна вакансия. И я вижу, что остались все такие, как я, нужно чтобы ребят ещё увлекала ещё эстетика, красота в коллективе. Пусть они будут немного влюблены. Эта влюблённость будет самого хорошего типа, причём не полового типа, а приятная для глаз, некоторая эстетика.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей весёлых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно весёлый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был несобран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идём в театр, он тащит годовалого ребёнка на руках. Я говорю: «Зачем ребёнка тащить в театр?» – «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку».

Я говорю: «Носи, когда коммунаров не будет...»

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причём он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т.д. Например, ребусник, – это большой плакат на полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать задач. Плакат забит разными вопросами: и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один

придумывает эти вопросы, а у него человек 150 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах – тащат, сами придумывают и т.д. И там целая система была. Висит задача – за неё тысяча очков. Решит одну задачу один человек – тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто её предложил. Решат задачу 100 человек, – значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более лёгкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости.

Например, наклеена такая задача: «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4 км, и у меня в правом кармане будет интересная вещь. Кто меня найдёт, тот получит тысячу очков».

И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками, но он исчез. Я отменяю обед.

– Где ребята?

Оказывается, ищут Терского, на северо-восток от коммуны.

А сколько там было интересного, и перечислить невозможно! Кончилась эта серия, он объявляет: «Такого-то числа в таком-то часу у заведующего производством Соломона Борисовича Когана нужно развязать шнурок на ботинке. Кто это сделает, тот получит столько-то очков».

Соломон Борисович Коган – с брюшком, солидная фигура. Он уже знает и возмущается. Но в три часа Соломон Борисович уже окружён всеми коммунарами. Он говорит:

– Что, вы будете класть меня на лопатки? Это не годится!

И действительно, не годится... нужно с хитростью развязывать. И как-то один раз удалось.

Терский – человек, наполненный бодростью, он умеет занять ребят на каждом шагу.

Или вдруг Терский объявляет коммунарам и всей коммуне:

– Собственно говоря, перпетуум-мобиле можно сделать. Наверно, можно сделать такую машину, которая всегда будет двигаться.

И он так убеждён и так сумеет сыграть, что, смотришь, и инженеры находятся под его влиянием, инструкторы, все начинают делать перпетуум-мобиле. Я ему говорю:

– Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум-мобиле.

А он отвечает:

– Ну пускай попробуют, а может быть, кто-нибудь и сделает.

И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум-мобиле.

А с другой стороны, нужен человек, который никогда не улыбнётся, весьма суровый человек, который никому не прощает и которого не послушаться невозможно.

Я бывало наслаждался. Дежурит сегодня девочка, которая вчера только кончила педагогический институт. Мобилизуется вся коммуна, так как всегда найдутся воспитанники, которые готовы её надуть, и ей надо помочь.

– Лидия Петровна, я опоздал на работу, так как у меня ботинок нет!

И готово, она уже растерялась. И немедленно тут же кто-нибудь:

– А ну, ты врёшь!

И это мобилизует весь коллектив.

Завтра дежурит суровый. Он ровно в 6 часов появляется, не даёт никому проспать, откроет дверь и только усом поведёт, и все знают, что он не спустит.

В моей практике я был убеждён, что педагог, воспитатель или учитель не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. От этого работа педагогов делалась труднее, ибо они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо даётся от бога – родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен искусственно организован. Поэтому многие говорят:

– Что это вы при воспитанниках сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет.

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за своё дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить своё поведение достаточно авторитетно.

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним,

в товарищеском воспитании. Инструментовка педагогическая вообще сложная и длительная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, как я сам с воспитанникам, с отдельными личностями работал как воспитатель.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть всё-таки атаку в лоб. Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю:

– Ты совершил отвратительный поступок.

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренне, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить.

Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чём дело. Я ему пишу записочку и отсылаю в конверте.

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист – хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 вечера».

Мой связист прекрасно знает, о чём написана записка, что случилось, почему я его зову и т.д., всю подноготную знает, но и виду не подаёт. Я ему говорю:

– Отдай записку.

И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придёт в столовую.

– Вам письмо.

– Что такое?

– Вас Антон Семёнович зовёт.

– Почему?

– Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера обидел такую-то?

А в половине 11-го этот связист придёт.

– Ты готов?

– Готов.

– Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдёт ко мне не в 11 часов вечера, а в 3 часа дня.

– Антон Семёнович, вы меня звали?

– Нет, не сейчас, а в 11 часов вечера.

Он идёт в отряд. А там уже спрашивают:

– Что такое? Отдуваться?

– Отдуваться.

– А за что?

И до 11 часов его разделают в отряде под орех. В 11 он приходит ко мне бледный, взволнованный всем сегодняшним днём. Я его спрашиваю:

– Ты понял?

– Понял.

– Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступал иначе. Я говорил связисту:

– Немедленно явиться!

И когда вызванный приходит, я говорю всё, что думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на товарищей боится смотреть.

Я говорю:

– А дальше товарищи тебе расскажут.

И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, а он будет воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашечку чая, т.е. ставлю на стол чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чём дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чая, за шутками, коммунары думают, кто же виноват.

И иногда даже виду не покажешь, кто виноват. А если они сами в разговоре расскажут, кто в чём виноват, то тут же над ними и пошутят. После чая все с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

– Всё было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвёл.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

– Не беспокойтесь! Всё будет благополучно!

Иногда на такое чаепитие я приглашаю класс.

И так как обычно отряд не знает, когда будет чай и кто будет приглашён, то они готовятся все. Стараются быть хорошо одетыми и т.д. (Был у них и одеколон.) И обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, а у них какие-то неполадки в отряде.

И один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружился такой проступок, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслужено. И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

– Ну, были в гостях? Пили чай?

– Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Обычно мальчик или девочка приходят и говорят:

– Мне нужно поговорить с вами по секрету.

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить фронтальную атаку и заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остаётся без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице. Далась она нам очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 рублей из тумбочки у её подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной.

Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые

приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала.

Совет командиров вызвал её, и все ребята сказали:

– Ты украла!

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за неё, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

– Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить.

Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю:

– Я убеждён, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

– Почему вы убеждены?

– По глазам вижу.

А они знают, что я действительно часто узнаю по глазам.

Она приходит ко мне на другой день.

– Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю:

– Как это так? Ведь ты украла.

Тут я её взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет мы только знаем, она и я, что я на общем собрании «лгал», чтобы её защитить, зная, что она украла, отдал её в моё полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я видел гнев коллектива. Её могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но в данном случае девочка поняла, что я обманул общее собрание для неё, что у нас есть общий секрет, и это отдаёт её целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

Лекция четвёртая

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ, ОТНОШЕНИЯ, СТИЛЬ, ТОН В КОЛЛЕКТИВЕ

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу – к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колонии им. Горького, им. Ф. Э. Дзержинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к воспитывающей роли труда, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода.

В 1920 г. я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была в коммуне им. Дзержинского в 1935-1936 гг.

Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, её развития, который я прошёл, был путём правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносивших в неё свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился. В колонии им. Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В коммуне им. Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства.

Я считаю, что были некоторые периоды в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными. В коммуне им. Дзержинского это было приблизительно в 1930-1931 гг.

Почему я называю этот период идеальным? Это был период, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, т.е. была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в которой присутствовали все формы серьёзного завода – планово-производственный отдел,

нормировочный отдел, точнее – нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный перечень деталей, снабжённый не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска, и нормами качества.

Тогда производство было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, т.е. у нас было настоящее производство. И в то же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный вопрос, и он остаётся спорным до сих пор. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки или этого месяца, а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далёкие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей от педагога мобилизации психической, физической и идеологической... Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и потому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что работали без заработной платы и делали всё, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был окружён настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние годы я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такое положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т.е. трудовой процесс,

имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Вероятно, что такое воспитание также невозможно, т.е. воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил сравнительно недолго, в первые годы в колонии им. Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного оборудования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом. Правда, я никогда не имел хорошо оборудованного учебного производства. Когда я его стал иметь, оно не играло самостоятельной роли, а было подспорьем по отношению к коллективному производству. Во всяком случае, я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так что труд, так называемый учебный, и тот должен исходить из представления о ценностях, которые труд может создать.

В колонии им. Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома Н. Э. Фере, перейти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была свинарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сотен молодняка. Это хозяйство было оборудовано по последнему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха, свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабжённое кормовой базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее зажиточно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но и усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, всё то, что в 20-х гг. мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы помогали бывшим воспитанникам, которых становилось всё больше и больше, студентам, бывшим воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогали очень многим, вступающим в брак. Предпринимать путешествия, принимать гостей – тоже очень дорогая штука. Мы бывали очень часто в театрах, – в общем, имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения производительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег... Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета и должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда Украинский Наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги, только предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом.

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от производственного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне им. Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства была ещё больше. Колония им. Горького получала деньги по смете, а коммуна им. Дзержинского не получала ни копейки, и мне кажется, за всё время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжёлой обстановке в коммуне им. Дзержинского, в гораздо более тяжёлой, чем в колонии им. Горького, где всё-таки была смета. Коммуну им. Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле в первые

годы. Хотели увековечить память Ф. Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т.д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты, широкие и красивые. Коммунаров одели в богатые суконные костюмы и запас дали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка. Не было у нас и огорода, никакого участка земли, и сметы также не было. Предполагалось, что как-нибудь устроится.

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья в размере ½ процента. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было до 4000-5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000-3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые ещё от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды, – это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские – сапожная, швейная и ручная столярная, – как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причём сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, т.е. тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая всё вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пелёнки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение ещё в колонии им. Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд.

В первые три года коммуне им. Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб. Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна... Были моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали её тяжело и с обидой, – она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты – я им за это очень благодарен – никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Наркомпроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуну, а содержать детей не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим – самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столярных, мы делали всё то, что требуется для домашнего обихода, – стулья, шкафчики. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея – всё это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством Соломона Борисовича Когана, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внёс в моё дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня своими первыми словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый.

Придя в коммуну, он сказал:

– Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры.

Он отправился в Управление строительством строительного института и предложил:

– Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

– Пожалуйста, сделайте.

– Давайте напишем заказ.

Написали заказ – столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т.д. Когда я просмотрел этот список на 200000 тысяч рублей, я подумал, не позвонить ли врачу и не смерить ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

– Как это вы взяли?

Он говорит:

– Сделаем.

– А всё-таки, с чего мы начнём? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

– Всегда бывает так, что, когда у человека не бывает денег, он говорит – нет денег. А потом откуда-то достаёт, и мы достанем.

– Откуда достанем? Кто же даст?

– А разве нет на свете «дураков», которые дадут?..

И представьте себе, он нашёл. В том же институте оказался, простите за выражение, «дурак», который пошёл на его предложение. Соломон Борисович говорит:

– Мы мебель сделаем, а куда её складывать? У вас только фундамент роют. Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда её сложить?

Тот отвечает:

– Да, действительно некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

– Ну, мы можем её у себя сложить.

– А у вас есть куда сложить?

– Нет, но мы можем построить складское помещение. На это надо 50000 рублей.

– Получайте 50000 рублей.

Получили 50000 рублей, но и я, и коммунары, и Соломон

Борисович решили, что мы складского помещения строить не будем. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял ещё аванс и стал производить отнюдь не оборудование для строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причём сначала делал стулья корявые, никуда не годные, но Соломон Борисович говорил, что пока коммунар стул делать не умеет, он будет делать проножку. И он ввёл разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввёл такое разделение – один строгал, другой пилил, третий чистил, четвёртый шлифовал, пятый брал на контроль и т.д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничему не научимся. На общем собрании говорили, что нужно дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была, и учение было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил производство стула на десятки операций, и каждый коммунар выполнял одну-единственную операцию. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда очень плохого качества. Сначала Соломон Борисович больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрёл специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т.д. Во всяком случае, через полгода он 50 тыс. основного капитала превратил в 200 тыс. Тогда он купил ещё станки и лесу и перешёл на производство театральной мебели...

В дальнейшем Соломон Борисович отошёл на второй план и сделался начальником снабжения – должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришёл новый инженер, и всё-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам – полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб с расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного не представляет. Конечно, каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не даёт никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя наконец

к сложнейшим операциям – сборке и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так и остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производственниками для деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позвонил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия Соломона Борисовича поблагодарили чекистов и просили их прекратить отчисление своих процентов, а ещё через год мы уже имели накоплений 600 тыс. чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тыс. рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьёзного предприятия, которому можно верить.

И банк нам доверил ссуды на строительство. В 1931 г. мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, производящий сверлилки – очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то, что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестерёнок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литьё, и всё-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства, – она пригодилась и на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причём не станках стояли коммунары 13-14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Это очень сложный завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов коммуны является своим заводом. Там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причём там очень сложный процесс точности – до микрона, т.е. требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно оборудованной и придирчивой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убеждён, что мы не могли прийти к нему, если бы не начали с производства стульев, с разделения труда.

Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План заключается не только в том, сколько надо сделать столов и стульев. План – это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его заточку, его пополнение и, наконец, набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованном по последнему слову техники.

Конечно, после этого оборудования в коммуне им. Дзержинского я не могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке...

Трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13-14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужны и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и т.д. Рядом с мальчиком 14-15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16-17 – начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володька Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве потребует 1-2 года. Этот путь, к которому я перешёл, не так лёгок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своём производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских норм выработки, только не в металлообрабатывающем производстве,

а в процессе сборки, монтажа, в производстве с лёгкой физической работой, в особенности на производстве оптическом: в производстве линз, где больше требуется чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки – своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики не могли справиться с производством линз, и всё это производство было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но ещё очень строгое расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убеждёнными металлистами, девочки – нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, медь, никель сотрясение души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Девочки-коммунарки никогда не пробовали работать в литейном цехе.

Вот виды труда, к которым перешёл мой коллектив к последнему своему году.

Если рассматривать этот труд с точки зрения обычного понимания педагогического процесса, т.е. вот отдельный человек – воспитанник, а вот его воспитатель, то пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно окажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно даёт простор для удовлетворения вкусов и наклонностей.

В таком производстве, как производстве ФЭДов, у нас большой чертёжный цех, где работает несколько десятков чертёжников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклонностей. Конструкторское бюро (конструкторы, чертёжники) целиком обслуживались коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были наклонности и способности.

Наибольшую квалификацию даёт инструментальный цех, т.е. мальчик пройдёт все цехи и отделы и увенчает

своё производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, т.е. добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном его пункте для воспитания характера человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это всё люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т.д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т.д. Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

– Пожалуйста, сними на сотую миллиметра – на «сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

– Пожалуйста, вот «сотка».

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, т.е. тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представить и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики и

механического цеха, и оптического, и сборочного одного, и сборочного другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостаче какой-нибудь детали, и высказывается сборочный цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборочному цеху не имеют, и эти люди высказываются, т.е. они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Ещё большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует умения организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только лёгких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда, 16 лет нужды и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьёзное производство, тоже истратит не меньше 10 лет и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав ещё всех благ. Следующие испытают.

Не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы, – это уже стоит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всём этом процессе главным является эта коллективная борьба, это устремление вперёд, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шёл к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям, если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективной тон, и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в младшем возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьёй, детьми, – это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то,

чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата всё-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в моё распоряжение. Это – постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунар из своего заработка 10 процентов отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10 процентов заработной платы – это очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро. Этим фондом распоряжался уже совет командиров, фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам.

Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

– Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями – командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 рублей в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне ми. Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до 100 человек получали стипендии. Стипендия, получаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьёй, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50-100 рублей в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое и полезное человеческое дело.

Из этого же фонда даётся помощь также оказавшимся в нужде коммунарам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь.

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведённые мною с ним, ни разу не выразил неудовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10 процентов его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из

коммуны, даётся «приданое» – кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что даёт каждая семья своему сыну, когда он уходит от неё.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2000-2500 рублей, – это те накопления, которые производились за 5-6 лет жизни в коммуне; и наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги. Мы каждый год совершали походы. Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие мероприятия. И в коммуне мы совершили 6 походов. Эти походы мы совершали так. Под походом разумелось: поездка по железной дороге, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80-100 км, лагерь, обратный марш и снова железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, та же самая, которую вы имеете перед собой. думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведём эти летник каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия, и вёл культурную и всякую другую подготовку. Например, чтобы совершить поход по Кавказу – на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы знать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылался коммунар. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 человек, на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстоянии 400 км, он играет, когда это надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 км. И точно было известно, возле какого километрового столба

какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предусмотреть для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьёзные вещи – посадка в поезда, остановки на ночлег и т.д. – так, чтобы была крыша, рядом вода. люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг, – всё это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был Харьков, Нижний Новгород, Сталинград, Сочи, Одесса, Харьков. Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

– Плыть или стоять?

Ему отвечали:

– Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить.

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что в походе много других драгоценностей, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особенных драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты – всё то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе. И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50-60 тысяч.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжёлой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки и за это я подвергался немалым гонениям. Таким противником я остался и теперь и глубоко убеждён, что если у нас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке, – а эти требования

увеличиваются у нас каждый день – я считаю, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убеждён, что те проповеди увязки, которые высказываются, есть остатки веры в комплекс, а я к комплексу имел всегда отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций, и только такое свободное образование может дать широту, самобытность личности, и там, где мы стараемся активизировать личность по ассоциативным отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от своих убеждений – это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а в остальном наша школа руководилась педагогическим советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. В каждой области знания, учения и обучения у нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация фрезеровщика 7 разряда – это прекрасная комбинация, и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя пожаловаться, если человек умеет обращаться со станком.

Вообще я считаю, что перековка характера и перевоспитание правонарушителя возможны только при условии полного среднего образования. Я вам говорил, что неполное среднее образование не даёт такой уверенности, как полное.

Теперь перехожу к заключительной части моего доклада – это об основном виде и характере личности, которая должна выработаться в воспитательном коллективе. Я считаю, что в этом пункте мы, педагоги, ещё не всё додумали до конца. Я глубоко убеждён, что качества нашей советской личности принципиально отличаются от качеств личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным.

Воспитание в буржуазном обществе – это воспитание

отдельной личности, приспособление её к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании, в сущности, заключалось определённое указание на ту зависимость, какая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бедняк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости – вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определённой системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что освободившись от системы зависимостей буржуазного общества, т.е. от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, воспитанник вообще свободен от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей, это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определённой цели. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека, и его поведение.

И все мы по мере того, как живём в советском обществе, растём, мы растём как члены коллектива, т.е. как люди находящиеся в определённой системе зависимостей. Я не знаю, до конца ли я дошёл в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала

больше всего. Я уже говорил немного об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того, чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т.е. коллектив, имеющий перед собой очень сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления со стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива – ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю – это не советское воспитание.

В практике коллектива на каждом шагу возникают вопросы противоположения личных и коллективных целей и вопросы гармонизирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика – это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтён достойным иметь отдельные монографии, настолько важен этот вопрос.

Возьмём такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивида к индивиду, т.е. отношения двух свободных самостоятельных миров, и можно было говорить о

воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении одного члена коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидов, как учили педологи. Коллектив – это есть целеустремлённый комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу – это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые идут не рядом в одной шеренге, а в разных шеренгах, и в особенности интересные отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность – создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педологи. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказать товарищу, т.е. поручить ему и потребовать от него определённых функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу, причём это не подчинение богатству, и не подчинение силу, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива, – это чрезвычайно трудная задача не только для детского общества, но и для взрослых. Если ещё остались пережитки старого, то все они

умещаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остаётся только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шёл на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным примером такого воспитания.

Я уходил ещё дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались...

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и... строил систему первичных коллективов, причём на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить коллектив на отряды по 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришёл к такой форме – поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т.д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановляет переселиться из спальни в таком-то часу, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на

своих местах и Козырь стоял в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унёс лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную свободную бригаду в 5-6 человек. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5-6 человек из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом для них какое-то удовольствие, и они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших пацанов, т.е. боевых, на которых можно было бы положиться, а не слюнявых и сопливых, они и выбирали таких боевых пацанов. Землянский выполнял эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имел времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчёт и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось. Не было такого дня в коммуне, чтобы для определённого случая, возникшего сегодня, не нашёлся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьёзная ответственность являлась таким воспитательным средством для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что всё это было дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий.

Я наблюдал, как в некоторых детских домах заботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде. Даже в таком случае, как баня, – значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность

должна сливаться с единственном ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьёзное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приёмов и создаётся стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие.

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, весёлое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия – крик, визг, беготню – я решительно отрицаю. И в коммуне им. Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не услышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своём настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чём я говорил.

Следующий признак стиля – ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своём собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят, никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

– Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен.

– А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуну. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрели, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим, посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно;

если нельзя, он скажет:

– Пойдёмте, возьмём разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит всё и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

– Как живёте?

Он скажет:

– Прекрасно живём.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгрели, вот приехала экскурсия:

– Какой хороший мальчик! Как он у вас?

Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его не выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуну, в коллектив каких-то посторонних, праздно шатающихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммуне очень вежливо встретят и проводят, но первым делом спросят:

– Кто вы такой? Зачем пришли?

И если увидят, что, собственно, никакого дела нет, то очень вежливо скажут:

– Нет, мы не можем вас принять; если у вас будет дело какое-нибудь, – пожалуйста.

А охотников пошляться, поглазеть на коммуну было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность – ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружён, эта способность чувствовать также всё то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон жизни, тон дня – это способность

ориентироваться – она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе, – это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунар видит это, он не скажет того, что не должен услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходит мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я – центр коллектива – нахожусь близко. Или если это другой педагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит – ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большею частью воспитанники детских домов и колоний очень несимпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни вошёл, начинают жаловаться и на воспитателей. И на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой. Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика – это одно дело, а «слезливость», способность, как говорят коммунары, «канючить», «пищать» в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и «пищать» в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться – это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, это слезливость коллектива и слезливость отдельных лиц. Идея защищённости должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль.

Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т.е. где каждая личность чувствует себя защищённой от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищённость вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки лет 10-12 не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе – да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищёнными, так как они чувствовали, что никто не сможет их обидеть, так как каждый обиженный будет защищён не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того – первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищённости всё же сама не придёт, её тоже надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удаётся обычному воспитателю. Тормозить себя – это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано. И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получается. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза – это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психическом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу – это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся, – стоп, тормоз, и уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк, сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти признаки стиля, его особенности воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения – то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не

могли помириться, это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунар не должен держаться за перила лестницы, не должен прислоняться к стене, вот так со мной и другими разговаривать (показывает), то, что он всегда должен надеяться на свою талию, и для этого она крепко стянута у него ремнём; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить «Есть», и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказания.

Всё это имеет очень большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит:

– Николай, пойди принеси мне бумагу и карандаш.

И если тот побежал, он скажет:

– Ты как идёшь?

– Есть, принести бумагу!

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николай могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определённая внешняя форма их отношений.

И если я накладываю взыскание, я не считаю, что его приняли, если мне не скажут:

– Есть!

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчёркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это – дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность.

Потом в коммуне это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете, – а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Мальчик играет на площадке, увлечён, разгорячён.

И случайно, проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определённый стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни чёткости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищённости, – там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребёнку хотелось бы жить, которым он не гордился бы, не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет нисколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь ещё один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей – это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив неиграющий не будет настоящим детским коллективом.

Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный педагог получится, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что – не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден,

первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчётом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались (любовно заботились, нежились) в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причём каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто – завял цветок, он идёт в оранжерею и берёт себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви – это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование причёски. Пожалуйста, носи какую угодно причёску, но причёска должна быть действительно причёской. Поэтому раз в месяц ДЧСК брал машинку и шёл по спальням. Чуть не причёсан – провёл машинкой, иди в парикмахерскую. Поэтому всегда ходили причёсанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того, как я оставил коммуну им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т.д. Я пошёл по спальням. Вижу, что-то не то: пыль, там носовой платок валяется у самого лучшего моего командира Яновского, открыл шкаф – оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я ту ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: «Десять часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра удом буду принимать уборку сам». И вот они присылают за мной в половине пятого машину в Харьков, и когда я приехал, я не мог найти не пылинки. Я спрашиваю: «Когда же вы успели?» Говорят: «Спать не ложились». Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования – нет тона, нет стиля. Всё это надо помнить. В класс во время урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: Вы довольны чистотой в нашем классе?»

Вот положение учителя – скажет «Доволен», – а ДЧСК найдёт тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что

поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своём костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Всё это очень важно. Вот стол. Можно положить клеёнку – хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеёнка – развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьёзные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу – к учебнику, к ручке, к карандашу. Объеденный карандаш – что это такое? Карандаш должен быть очищен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое меха в чернильнице и т.д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой. Он стоит в парадном костюме. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Всё равно – сухо на дворе или грязно – ни один человек не может войти в комнату, не вытерев ноги. И этот коммунар, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить, – потому что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуне совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходиться. А посторонние часто удивляются:

– Зачем мне вытирать ноги, я прошёл по чистому тротуару.

И мальчик должен ему объяснить.

«Да, но вы приносите нам два грамма пыли».

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка или не менять его каждый день! Я видел детские дома, где носовые платки меняют раз в месяц, т.е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение

санитарии – в каждом углу поставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят:

– Ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблюжьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюётся.

– Я курю.

– Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюёт.

И если человек продолжает плевать, его тащили к врачу.

– Что такое? Плюёт и плюёт.

И врач обычно помогал, убеждал, что это лишь рефлекс.

А я видел детские дома, где стоят плевательницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевать. И вся стена около действительно заплёвана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюёт, который не вычищает нос при помощи двух пальцев, – это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

На этом и заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т.е. чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую также потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Только поэтому я и считаю себя обязанным как можно больше писать. Причём я очень часто, может быть, путаю, ошибаюсь. Но это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

Я считаю, что в особенности ваша обязанность, деятелей Наркомпроса, принять какие-то меры по подытоживанию этого опыта и пропаганде лучших педагогических советских учреждений.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

Обычно, если какой-нибудь школьник огорчит семью, учителей, а то и органы милиции каким-либо неблаговидным поступком, начинаются неизменные пререкания:

– Ну конечно, комсомол плохо помогает школе.

– А пионерская организация? Не умеет работать...

– Позвольте, а чем занимается директор? Он ведь только старший завхоз. Хозяйственные работы – финансы, отопление, ремонт – целиком поглощают его день. Кто же отвечает за дисциплину?

– Родители тоже хороши! Ничем не помогают.

– Помилуйте, а педагоги разве помогают? Уткнулись носом в тетрадки и совершенно не занимаются воспитанием.

Необходимо, однако, реабилитировать советскую школу, освободить её от совершенно незаслуженных обвинений в немощи.

Без всякого преувеличения можно сказать, что вопросы воспитания всплывают обычно на поверхность только при каких-нибудь досадных происшествиях, когда на «помощь» привлекается Уголовный кодекс. Если же происшествий нет – школьник не сорвался с подножки трамвая под колёса, стрелок из рогатки не вышиб глаз товарищу, – о проблемах воспитания не вспоминают. Ни один раздел школьной педагогики так слабо не разработан, как методика нормальной воспитательной работы. Теоретики видят в воспитательных мероприятиях лишь подсобное вспомогательное средство к повышению успеваемости – и только.

Практики-педагоги теряются среди множества эмпирических приёмов, не связанных в стройную воспитательную систему. Лучшие наши учителя знают чрезвычайно ценные приёмы воспитания воли, выработки внутреннего кодекса поведения советского ребёнка, предлагают в этой области своеобразные изобретения, интересные начинания. Но такое опытничество слабо поощряется органами народного образования и крайне слабо изучается.

Неопределённость воспитательного процесса в школе, распылённость педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей. Тем хуже дела у тех классных руководителей, – а их у нас сотни тысяч, – которые, не обладая выдающим педагогическим мастерством, работая в одиночку, не находят нужной линии, не овладевают своими воспитанниками.

А неповоротливые молчальники-теоретики, с постной миной «изживающие» педологические ошибки, покаянно выгребающие псевдонаучный мусор из педагогической литературы, до сих пор не оплодотворили школьную практику положительными мыслями, несмотря на то что общие педагогические идеи марксизма-ленинизма, высказывания Ленина дают в области воспитания совершенно ясную установку и открывают большой простор педагогическому творчеству. Учителям до сих пор не помогли понять, что нормальная работа школы немыслима без сплочённого педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом.

Наша школьная сеть, который вправе гордится страна, предоставляет собой в педагогическом секторе распылённую массу одиночек-учителей и в ученическом – массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед.

Если, например, ребёнок учится в московской школе № 575, то этот астрономический номер без индивидуального названия не рождает в нём никаких эмоций. Учащийся теряется в огромной толпе сверстников (ведь вместе с ним в школе часто учится до двух тысяч детей). Ученик знает только свой класс. Между классным коллективом и советским обществом нет связующего звена – боле широкого коллектива, нет самой школы как единого общественного организма.

Педагогическая теория, размениваясь на мелочи, не удосужилась заняться этим кардинальным вопросом. Между тем совершенно очевидно, что каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.

Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела своё лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив дружески общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепла дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива. Только создав единый школьный

коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения как регулирующую и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Индивидуальный подход к детям не означает возню с уединённой капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует

протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребёнка, имеющего определённые обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребёнку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом коллектива, гражданином Советского государства.

Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас боятся процесса дисциплинирования. По сути дела, мы недалеко ушли от веры в пресловутую самодисциплину. Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твёрдые, непререкаемые требования советского общества, вооружить ребёнка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо.

Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества. И тогда ребёнок ведёт себя не в зависимости от внешней обстановки, – в обществе хороших ребят он хорош, а среди драчунов и сам хулиган, – он знает, как себя вести: за что его одобрит уважаемый им коллектив и за что осудит. Так рождается в ребёнке твёрдость, несгибаемость закалённого характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям.

Сила общественного мнения в детском коллективе – совершенно материальный реально осязаемый фактор воспитания. Когда я руководил коммуной НКВД, то не побоялся, например, послать пятьдесят воспитанников – бывших воришек и беспризорников – на праздник открытия Краматорского завода. Я знал, что они не уронят достоинства коммуны, оказавшей им доверие и честь. Наши

коммунары приняли за правило в трамвае не садиться, потому что всегда найдётся в вагоне человек, которому следует уступить место. И каждый коммунар просто провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил пункт этической заповеди коммуны – вежливость к старшим, помощь слабым.

Только отсутствием в школе организованного общественного мнения можно объяснить беспомощность воспитателей, позорящих себя подобными, например, характеристиками непослушных питомцев:

«Мешает, сорит, бьёт стёкла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащих...»

Такие аттестации звучат клеветнически. Школьник, изображённый драматическим злодеем, разлагает даже учителей.

Воспитатели, по существу, пишут приговор себе, расписываясь в своей никчёмности. А теоретическая педагогика не осмеливается разработать проблему взаимодействия в школьном обиходе воспитательных мер и репрессий, имеющих при должном применении не менее воспитательное значение.

Странная вещь, педагоги боятся даже самого слова «наказание». У нас в школе не знают даже выговора. Маниловы от педагогики мечтают о таком идеальном положении: вот хорошо бы было, если бы дисциплину поднять и никаких мер воздействия для этого не требовалось!

Подобный ложный гуманизм считается до сих пор у теоретиков хорошим тоном. А школе это беспринципное сюсюканье наносит большой вред. Страх педагогов перед наказанием истекает из боязни возродить нравы старой школы. Но кто сказал, что разумно применяемое разумное наказание грозит нам ужасами царской школы? Ведь у нас нет социальной пропасти, антагонизма между учителями и учениками, между школьниками и школьным начальством. Если в старой школе наказание превращалось в насилие и не разрешало конфликта, а только усиливало его, загоняя язвы внутрь, то у нас система наказаний, по характеру своему отличная от жестокого и унизительного оскорбления человеческого достоинства школьника, несомненно, сыграет положительную воспитательную роль.

Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности,

тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их.

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют самостоятельного усиления воспитательного центра в школе. Таким центром может быть только директор, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен прежде всего быть единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в просто администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развёрнутой системе школьного самоуправления.

Имеющийся сейчас – и то лишь в старших классах – старостаты не могут обеспечить действенного участия школьников в организации школьного быта. Между тем самоуправление может сделаться самым эффективным воспитательным средством.

При наличии школьного общественного мнения, общешкольной дисциплины, поддерживаемой общешкольными органами самоуправления, воспитательная работа педагогов существенно облегчается.

Руководство органами школьного самоуправления должно составить главную заботу директора. Нужно отбросить старую педагогическую хмурость, излишнюю «взрослую» серьёзность. Это тем легче сделать, что наши пионерские организации давно уже придумали много хорошего, общественно целеустремлённого и отвечающего естественной потребности детей украшать жизнь элементами игры, внешними атрибутами парадности – значками знамёнами, музыкой. Для изобретательного воспитателя здесь большое и благодарное поприще.

Наша Родина вправе требовать от советской школы больших усилий к закреплению сознательной дисциплины среди миллионов учащихся.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА В ШКОЛЕ

Статья «Проблемы воспитания в советской школе», напечатанная «Правдой» 23 марта в порядке обсуждения, вызвала множество откликов. Письма и статьи продолжают ещё поступать. Пишут главным образом родители и учителя, партийные работники, директора школ. Только профессора педагогики, те люди, которые в первую очередь должны интересоваться вопросами воспитания, не прислали ни одного отзыва. Чем можно объяснить это весьма странное молчание, само по себе заслуживающее пристального внимания? Трудно представить себе, чтобы в какой угодно области принципиальные вопросы, поднятые в центральном органе, не вызвали бы отклика прежде всего со стороны самых высоких специалистов в данной области. Полбеды, если это молчание объясняется презрительным высокомерием учёных-олимпийцев, не желающих проблемы своей науки отдавать на растерзание толпе родителей и учителей. Не так страшно, если молчание есть результат трусости, непривычки к смелой мысли и к искренности. Но очень печально, если молчат просто потому, что ничего не понимают в вопросе, так далеко отошли от жизни, что она уже перестала быть областью, доступной их разумению. Последнее допущение, между прочим, очень вероятно. Не отозвалась на статью и «Учительская газета». О причинах тоже гадать не будем, но вот что пишет об «Учительской газете» преподаватель химии в средней школе № 40 в г. Иванове тов. Ильин...

«Для «Учительской газеты» характерно замалчивание недостатков в школе и описывание однообразных чудес по одному и тому же плану: ученик Х. хулиганил, срывал уроки, бил учеников, разрушал имущество, оскорблял учителей. Учительница познакомила его с лейтенантом, когда узнала, что он любит военное дело. Мгновенно ученик превратился в отличника и по успеваемости и по поведению. Бедная редакция. Она и не замечает, что такие сообщения с удовольствием и с раскрытыми ртами могут слушать только незадачливые газетные работники и работники Наркомпроса...»

Нужно порадоваться тому, что люди, для которых дороги судьбы нашей школы и наших детей, откликнулись на статью «Проблемы воспитания в советской школе». В этих откликах нужно прежде всего отметить глубокое понимание воспитательных вопросов, знание нашей школьной действительности и умение в ней разобраться.

В тех замечаниях, которые высказывают авторы многочисленных писем, больше здравого смысла и советской мудрости, чем во многих литературных упражнениях педагогических журналов.

Судя по этим письмам, можно прямо утверждать: в нашем обществе нет двух мнений по вопросам школьного воспитания. Все единодушно признают, что нашей школе предоставлены все возможности для отличной работы, что наши дети предоставляют благодарный материал для педагогов, но что, несмотря на эти счастливые условия, в нашей школе воспитательная работа часто поставлена очень плохо.

Будучи столь единодушны в оценке положения, все авторы согласны теми требованиями, которые они предъявляют к школьному воспитанию: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, разукрупнение школ-гигантов, усиление воспитательного центра, бескомпромиссное требование к ученику, воспитание воли и ответственности, твёрдый режим и дисциплина, система наказаний, активизирование общественного мнения в школе, большая связь школы с общественной жизнью страны.

В письмах находится очень много ценнейших мыслей по отдельным деталям школьной работы, привести которые полностью в настоящей статье мы не имеем возможности. В частности, некоторые авторы указывают на явные перегибы в деле борьбы за успеваемость. Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп.

Другие обращают внимание на то, что боязнь педологии иногда принимает нелепую форму: отрицают возможность лени у ребёнка, боятся говорить об изучении ребёнка, игнорируют действительно средние или небольшие способности у того или у другого ученика, не допуская даже мысли о том, что в некоторых случаях полезно и необходимо оставить ребёнка на второй год.

Эти замечания совершенно справедливы. Никакое дело не требует от работника такой оперативной гибкости, как работа учителя. Какие бы то ни было шаблоны по отношению к отдельному ученику совершенно недопустимы. Это, конечно, вовсе не обозначает, что школа должна обратиться в распылённое собрание «индивидуальных подходов», ничем не объединённых, как это часто наблюдается

в настоящее время. Борьба за образцовую советскую школу должна быть борьбой не за шаблонный «неукоснительный метод», а за настоящий советский стиль в нашей школе...

В согласии со всеми многочисленными лицами, отозвавшимися на статью в «Правде», мы утверждаем: полная, последовательная реализация в каждом нашем педагогическом движении, в каждом нашем организационном мероприятии этого программного положения позволит нам поставить нашу школу на высоту, совершенно недосягаемую, в сравнение с которой не может идти никакое буржуазное школьное новаторство. ...Русский революционный размах должен отличать нашу школу от всякой другой. Наша воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закалённых, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?

В воспитательной работе не хватает серьёзности, солидности, основательности, прямой, энергичной целеустремлённости, логики в деталях. Именно поэтому в своё время в порядке «фантастического сочинительства» была придумана пустая и вредная формула: «Наказание воспитывает раба». И никто не потрудился проверить её на деле. Рабов воспитывает как раз не наказание, а самодурство, не ограниченная никем беспардонность, позволяющая у нас некоторым педагогам воспитывать хулиганов.

Вопрос о наказании – самый трудный вопрос в представлении многих педагогов. Трудным он кажется потому, что вспоминается старая школа, а нового опыта в области педагогической репрессии мы не знаем...

Надо решительно отбросить, с одной стороны, всякую трусость в вопросе о наказаниях, с другой стороны, всякую попытку в той или иной форме протащить старый стиль царской школы... Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь.

В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговорят столько примечания, что, в сущности, всё останется по-прежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99% учеников нельзя наказывать, настолько они хороши, и, наконец, у нас и сейчас есть наказания, например, замечание, выговор, вызов родителей.

Последнее утверждение правильно, но иногда в

неожиданном смысле. Вот несколько отрывков из писем читателей.

«Вызываются в срочном порядке родители и начинается:

– Ваш сын хулиган, играет в пёрышки, дёргает девочек за косы, придётся исключить.

Несчастный родитель уходит домой с зловещим видом.

Через несколько дней:

– Ну, как мой сын?

– Ничего, знаете, притих.

Родитель наклоняется к уху учителя и сообщает о «внушении». Педагог виновато улыбается. Всё в порядке» (Л. Блащик, г. Омск).

«Откровенно говоря, система безнаказанности существует только для нарушителей порядка из среды учеников. Лучшую часть учеников руками отсталых мы без стеснения наказываем слишком грубо (плевки, толчки, оскорбления, создание невозможных условий для нормальных занятий, шум, крики, ругань за уроками), и притом без всякого повода, без всякой вины. Этого не хотят видеть педагогические Маниловы» (В. Ильин, г. Иваново).

«Моя дочь четвёртый год из четверти в четверть идёт отлично. А в текущем году её изводят ученики и периодами проявляют «дружеские рукоприкладства», чем я и заинтересовался. Разговаривал с педагогом и зав. учебной частью, которые... заявили мне, что я напрасно беспокоюсь, раз дочь у меня отличница» (Тимохин, станция Янаул Казанской железной дороги).

Другими словами, безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность части учеников. Неужели это положение составляет такую непосильную мудрость?

А между тем можно составить ряд мер воздействия, которые, впрочем, и представляют собой наказание: замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, выговор в приказе по школе, лишение школьного билета.

Наказание – настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу. Поэтому право наказания должно принадлежать только директору. Разумеется, это очень большая нагрузка, но самая авторитетность такого правила, несомненно, чрезвычайно полезна. Вообще, наказанию должно предшествовать нерепрессивное воздействие – беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании, причём

общее собрание может ограничиться постановлением – виноват или не виноват товарищ.

Основной принцип, который должен определять всю систему наказаний: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему.

Не приходится, конечно, доказывать, что никакая система наказаний не принесёт пользы, если не обеспечена правильная организация коллектива – точное взаимоотношение частей, воля директора, общественное мнение, активная работа органов самоуправления, внешкольная работа, – если ученики не гордятся своей школой и не дорожат её добрым именем. Не в наказании, а именно в этом заключается секрет успеха, но в наказании проявляется стиль самого требования.

Соблюдение всех этих условий только и может дать простор тому содержанию нашей работы, которое называется: деятельное, целеустремлённое воспитание характера.

Помочь педагогам по-большевистски заняться становлением характера миллионов советских школьников обязаны Наркомпросы, и в первую очередь Наркомат просвещения РСФСР, и ЦК ВЛКСМ, которые все ещё очень плохо занимаются вопросами воспитания детей и юношества.

СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Товарищи, я не совсем понимаю, как можно по этому важнейшему вопросу – воспитание детей, уложившись в какой-нибудь час, затронуть всё самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в четырёх томах; я один том написал, а второй всё пишу, пишу. Вы знаете – очень трудная задача – разработка педагогических проблем. А мне, вот, говорят – в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть, подвести итоги, и всё будет хорошо: «Вы, тов. Макаренко, прочтёте лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

Как видите, даже в самой организации лекций по этим вопросам много ещё всяких недоумений, потому что, если перечислить только названия тем, касающихся воспитания детей в семье, и то я в час едва ли уложусь. Поэтому мне хотелось в этой короткой беседе поговорить о главнейших

вопросах, какие нас всех беспокоят, и в этом смысле, с смысле постановки некоторых основных вопросов воспитания, наша беседа может принести пользу в определении отправных позиций для ваших размышлений в этой важнейшей области. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить.

Представьте себе, пришёл ко мне однажды молодой учёный-геолог и говорит: «Меня командируют для научной работы на Кавказ или в Сибирь, – что мне выбрать?» Я ему ответил: «Поезжайте туда, где наиболее трудная работа». Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет.

Но после «Книги для родителей» стали ходить родители-неудачники. Зачем ко мне пойдёт родитель, у которого хорошие дети? А приходят вот какие родители, приходят отец и мать:

– Мы оба члены партии, общественники, я – инженер, она – педагог, и у нас был хороший сын, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи пропадают. Что нам делать? И воспитываем его хорошо, внимание оказываем, и комната у него отдельная, игрушек всегда было сколько хочешь, и одевали, и обували, и всякие развлечения предоставляли. А теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, театр – иди, хочешь велосипед – вот велосипед. Посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственной быть не может. Почему такой плохой сын?

– Вы после ребёнка постель убираете? – спрашиваю у матери. – Всегда?

– Всегда.

– Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую отцу задать вопрос:

– А вы ботинки вашему сыну чистите?

– Чищу.

И я говорю:

– До свидания, и больше не ходите ни к кому. Сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, вспомните, что вы делали с сыном, и спросите, кто виноват, что сын вышел такой, и вы найдёте ответ и пути исправления вашего сына.

Действительно, ботинки сыну чистят, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Я много возился с ребятами, не то, что с беспризорными, а хуже – из семей избалованных и большей частью из семей интеллигентных и сплошь и рядом из семей ответственных работников. Дети таких родителей, самых лучших семей какие только могут быть, через три-четыре года будут такими, как я рассказывал. Здесь дело не в каких-то педагогических законах, не в каком-то таланте воспитания, а в здравом смысле. Здравый смысл – это такая обыкновенная штука, которая есть у каждого человека, а у родителей начинает почему-то исчезать.

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, которые могут хорошо работать, учиться, даже получившие высшее образование, – значит, с нормальным разумом и способностями, общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, фабрикой или какимнибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать нормальные отношения, и товарищеские, и дружеские, и какие угодно, – почему эти люди, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться в простых вещах? Потому, что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту самую мудрость, которую они накопили за всю свою жизнь. Перед своими детьми они останавливаются как люди «ненормальные», не способные разобраться даже в пустячных вопросах.

Почему? Оказывается, единственная причина – любовь к собственному ребёнку. Любовь – это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создаёт величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы только человеческим духом, – это самое чувство делается причиной брака, т.е. причиной создания негодных людей и, естественно, приносящих вред всему обществу, и прежде всего семье.

Если точно обозначить наш вывод, то придётся просто и прямо сказать: любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы не ухватились в деле воспитания, мы везде придём к этому вопросу – к вопросу меры, а если сказать точнее – к середине. Это слово для нас неприятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек?

Многие педагоги, которые всегда так «восхищённо» живут и мыслят, указывали мне на это как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека: ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного, ни то ни сё.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспитаю ли я таких средних людей, и если я говорю, что в моём педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательской руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои тридцать два года учительской и педагогической деятельности и последние восемь лет в трудовой коммуне им. Дзержинского я пришёл к выводу, что этот метод правилен и приложим к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но как принцип это необходимо иметь в виду при воспитании детей. Мы должны создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу» и не человека, который всё может раздать, без всего остаться и хвалиться – вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина» – это смесь белого и чёрного, тогда – правильно, смешайте чёрную краску с белой, и получится краска серая. Такая середина как будто бы и убийственна. Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным человеком, таким, какими должны быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной «философией», мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это был не раззява, который может всё раздать, потому что, видите ли, добрый очень, [может] остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и

растерять от такой доброты даже духовное богатство.

То человеческое счастье, которое завоевала наша Великая пролетарская революция и которое будет увеличиваться с каждым годом, – это счастье должно принадлежать всем, и я – отдельный человек – на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгалтерии действий, или счастья, или горя, а с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей... Причём счастливые родители – это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей водой, и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый человек, и моё счастье не зависело ни от каких материальных благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того, казалось, недостаёт, и другого ещё нет, а есть духовное единение, силы в душе и влечёт вперёд.

Полная возможность такого чистого счастья, необходимость его, обязательно завоёваны нашей революцией и обеспечены советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии... – счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что необходимый аксессуар счастья – это уверенность, что живёшь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека даёт большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, – будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья, и он хватает какие-то камни, из которых потом счастье будет

строиться. Я и сам одно время так ошибался. Мне казалось, что вот, если я возьму эту штуку, это ещё не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного. Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья, – эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться, – у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают.

В этом корень этой формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, **отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берём от общества**. Какой бы метод семейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и поэтому нужно воспитывать в себе чувство меры.

Возьмём самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) – это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка – это самый проклятый вопрос...

В большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди разбираются в этих вопросах, но думают: это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда, когда ребёнку шесть-семь лет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, – это 90% всего воспитательного процесса, а **затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается**, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки – самый важный вопрос. Даже в первый день жизни вашего ребёнка вопрос о норме строгости и ласки, т.е. вопрос и дисциплине и вашей нежности, должен быть поставлен в порядок дня. Мы часто можем наблюдать, что ребёнку то очень много позволяют плакать, и он кричит целый день, то совсем не позволяют плакать. Прямо хоть в Америку

посылай за нормой строгости и ласки; может быть, американцы нормировали это дело. У нас люди не нормировали этого.

По многим вашим глазам я вижу, что у вас прекрасные дети. Но в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должны быть всегда.

Мне на это возражали: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребёнка без всякой строгости. Если вы будете всё делать разумно и ласково, так и жизнь проживёте и никогда не будете строги с ребёнком.

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики.

И в своей практике я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенно вежливо, ласково и спокойно слова, от которых бледнели люди – мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твёрдое решение, если вы его ласково выразите, оно производит ещё большее впечатление. «Пошёл вон» – это производит впечатление, а сказать «будьте добры уйти» – тоже производит впечатление, может быть, даже большее.

Первое правило – это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребёнка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребёнку, в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда. не ходи сюда. В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребёнка, это пагубно. Но если ребёнок должен обо всём спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребёнка не останется никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребёнок в семь-восемь лет должен уже в своём поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допускать известную долю риска, чтобы ребёнок был

смелым, чтобы он не приучился всё под вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они всё знают, им книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком. Иногда из него вырастет безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это всё время, когда он подчинялся и слушался, но силы, заложенные в нём природой и развивающиеся по мере роста и учёбы, производили своё действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно. Дать точный рецепт в такой короткой лекции я не могу, да и никогда не смогу. Я пишу об этом второй том «Книги для родителей».

Если вы внимательно присмотритесь к таким явлениям, вы найдёте тот предел, дальше которого идти нельзя.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что ребёнок должен проявлять полную инициативу и поступать как хочет, и совсем не обращают внимания на то, как дети живут и что они делают, и они приучаются к бесконтрольной жизни, мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребёнка развивается большая воля. Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае потому, что настоящая большая воля – это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля – это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребёнок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. «Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?» – спрашивал я у них. И требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Тоже виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить,

задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Наряду с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: эта способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом в пустяках, в мельчайших деталях. В раннем детстве обращайте внимание вашего ребёнка, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришёл чужой или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашего общества, вашей семьи: посетитель, гость, тётя и бабушка. Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как это им неприятно. Сперва выслушать человека, а потом разговаривать самому и пр.). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально, – это умение чрезвычайно важно воспитывать и нетрудно воспитать. Достаточно остановить внимание на двух-трёх случаях и поговорить с сыном или дочерью, как ваш толчок произведёт полезное действие. Способность ориентировки очень полезна и приятна и для окружающих, и для того, кто ею обладает и владеет.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда на людях: приходили и свои, и посторонние, инженеры, рабочие, строители; коммуну постоянно посещали гости, экскурсии и т.д. И то я добивался в этом довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться ещё быстрее. Это – умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку – проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идёт или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и благополучные места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелостью и волю, а где нужно пустить тормоз. Всё это сегодня поясняю в грубой форме, а на самом деле ориентировка нюансируется, когда дело доходит до жизни.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут то же: выражение любви – это тот же закон о действии и тормозе. Как неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) – подруг: одна в восьмом классе одной школы и другая – в восьмом классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а при встрече они уже целуются, они уже

стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма, неискреннего выражения чувств.

У нас есть знакомые семьи, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувств, постоянное настолько, что возникает подозрение, есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь, или это привычная игра.

В других семьях какой-то холодный тон, как будто бы все живут отдельно. Мальчик пришёл, довольно холодно обратился к отцу или к матери, ушёл по своим делам, как будто нет никакой любви. И только в редких приятных случаях вы можете видеть, как при внешне сдержанных отношениях мелькнёт любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Умение воспитывать, с одной стороны, чувство любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны – сдержанность в проявлении любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями, – это чрезвычайно важная способность. На этой способности, на проявлении любви к отцу и матери можно воспитать прекрасную человеческую душу.

Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было. Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой и сдержанной форме. Они находили способ проявить любовь ко мне без всяких лобзаний и нежных слов. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, о чём я говорю. Это важно и не только потому, что воспитывает человека внешним образом. Это важно и потому, что сохраняет силу искреннего движения, закладывает тормозы, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это – норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в такой сложной, трудной области, как вопросы деловых, материальных отношений. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Мальчика Юру (он учился в седьмом классе) подозревали, что он взял что-то у себя

дома без спросу, какую-то вещь или деньги. Друзьям этот случай был известен.

И вот у этих друзей пропала дорогая готовальня. Юра был частым гостем и своим человеком в этой семье. Никого чужого, кто мог бы взять готовальню, в доме не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл Юра готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, не вызвали никакой посторонней помощи, но они проверяли, допрашивали, подсылали и находили каких-то свидетелей, вели тайные разговоры и довели Юру до болезни. Наконец они стали требовать:

– Скажи, мы тебя не будем наказывать.

Отец бил себя кулаком в грудь:

– Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец стал главным объектом, его нужно было спасать от страданий.

Пришли ко мне:

– Что дальше делать? Мы так не можем жить!..

Я с ворами имел много дела, и для меня воровство давно перестало быть самым страшным делом. В коммуне ежедневно общие собрания, на которых разбирались разные поступки. Опоздал на час из отпуска старый коммунар:

– Что это такое? Что за дисциплина? Как ты смел опаздывать? На пять часов под арест!

Все:

– Правильно!

– Виноват. Есть пять часов под арест!

И следующий выходит: украл. Украл три рубля у товарища.

– Ну что же, ещё два раза украдёт. Можешь идти.

Никакого гнева, знают, привык человек красть. Все прекрасно знают и уверены, что он перестанет красть.

Воровство – это не такая страшная вещь. Это предрассудок, который идёт от тех пор, когда собственность была священной и неприкосновенной.

Я попросил привести мальчика ко мне. Я не всегда по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

– Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне.

А с родителями я поговорил особо:

– Бросьте об этом разговаривать. Готовальни нет, исчезла, кто бы её ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы как будто читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто – вор. Отбросьте это любопытство. Дело идёт о жизни вашего ребёнка. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, может быть, он украл. Эта наклонность есть у него, воспитывайте его. Но этот случай забудьте и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите, что ребёнок что-то украл, а если вы можете доказать это и чувствуете, что нужно поговорить, – поговорите. Но если у вас ничего нет, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех посторонних подозрений. Но сами будьте бдительны и усильте внимание к вашему ребёнку.

Одна девочка в трудкоммуне, взятая мною из проституток, действительно украла. Я вижу, что украла. Я вижу, что и ребята все уверены в этом, и она смущается. Оставалось мне последнее слово сказать. Я знаю, что она так привыкла красть, что для неё это так обычно, что, если мы скажем ей – как тебе не стыдно, на неё это не произведёт впечатления. И я в совете командиров – а это серьёзные люди – сказал:

– Чего вы к ней пристали? Я убеждён, что она не крала и у вас нет доказательств.

Они кричали, кричали, но моё взяло верх. Отпустили её.

И что вы думаете? Эта девочка сначала страшно заволновалась, посматривала на меня серьёзно, с расстроенным видом. Она тоже человек неглупый. Ведь дело ясное – как я так поверил, и неужели ей поверил ей, как я мог так поверить? Я играл или я так глубоко убеждён? И когда я должен был давать ответственные поручения, я давал ей.

Так продолжалось месяц. Девочка переживала боль моего доверия. Через месяц зашла ко мне, заплакала:

– Какое вам спасибо, как меня все обвиняли, вы один защищали меня. Все думали, что я украла, а вы один думали, что я не украла.

Я ей тогда сказал:

– Это ты украла, именно – ты, я прекрасно знаю это и знал. Вот теперь ты больше не украдёшь. Я никому не скажу, и ты не украла, разговор между нами «замнём».

Конечно, она после этого вовсе не крала.

Такие ходы – это тоже ходы нелживые, они исходят из чувства меры, и они должны найти применение в семье. Не всегда в семье нужно злоупотреблять правдой. Всегда детям нужно говорить правду, в общем это правильный закон, но в некоторых случаях приходится детям говорить неправду. В тех случаях, когда вы знаете, что он вор, но уверенности нет, скройте. А в некоторых случаях, когда вы убеждены и доказательства есть, сыграйте на вашем доверии. Это только чувство меры. Там, где вы касаетесь личности ребёнка, там вы не можете выражать ваши чувства, ваше негодование, вашу мысль без меры.

Я уверен, что среди ваших детей нет воров. (*Смех в зале.*). Не видно, чтобы у вас это было. Но в других семьях это очень часто происходит.

И очень часто родители думают: отчего наши дети крадут?

Я убеждён, что это самый лёгкий вопрос.

Так воспитать детей, чтобы они не крали, – это наиболее лёгкое дело. Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) – это легче всего. Если у вас в семье постоянный порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или положили кошелёк под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребёнок этот беспорядок видит. Он видит, что вся система вещей не находится в центре вашего внимания, и он уверен, что, если он какой-нибудь пустяк из этой беспорядочной системы возьмёт, вы не заметите.

Первый случай детского воровства – это не воровство, это «взял без спросу». А потом это делается привычкой – воровством. Если ваш ребёнок точно знает, что он может взять без спросу, а о чём должен предварительно спросить, то это значит, что ребёнок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или после приёма гостей, которое стоит в буфете, и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если ребёнок взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если постановлено в доме так, что дети этого пирожного без спросу не возьмут, это хорошо. Хорошо, если они не будут выпрашивать у вас, а просто поставят вас в известность. В таком случае не разовьётся и воровство.

Если же вы всё запрещаете и пирожное ребёнок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого иногда развивается воровство. Если вы позволяете всё брать и выносить или если он ничего не может взять в доме, когда у него никакой воли нет, на всё должно быть дано разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это всё чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и ковёр, который только потому лежит, что куда вы его денете, то в таких случаях воспитывается беспорядочность, отсутствие ответственности за вещи. Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые чем-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрёпанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность, выражающаяся в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна, – эта ответственность за вещь воспитывается и у ребёнка, и принимает форму уважения к вещи, и служит иммунитетом воровства.

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, в вашем отношении к вещам и хозяйству. Это один из главных принципов, на которых я настаиваю.

Я подчёркиваю, что именно при таком воспитании можно вырастить людей, способных и к большому терпению, без жалоб и слёз, и к большому подвигу, потому что таким воспитанием вы будете вырабатывать волю.

Ответы на вопросы

Вопрос. У всех у нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с А. С. Макаренко.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут

дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелёк с 30-40 рублями, возьмёт последнее.

Парень хороший. У чужих не возьмёт, своё отдаст. Не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику шестнадцать лет, а физически развит, как в восемнадцать. Старший – комсомолец, а этого комсомол не интересует. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и учится плохо с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Труд ему ненавистен, но он за всё хватается.

– Что, ты хочешь учиться?

– Да.

– Почему же ты не учишься?

Молчит.

– Не хочешь учиться – иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни?

– Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

– Где ты был?

– Где был – там нет.

Чужим не грубит – в семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит – он не брал, а я говорю – брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешёл в девятый класс.

Ответ. Почему вас постигли неудачи в воспитании младшего сына? На ваш вопрос невозможно дать ответ заглазно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но, не зная вашей обстановки, не зная ваших ошибок, ошибок в тоне и других, не зная ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственности дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать – неутешительные факты. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на одну тему: как нужно правильно воспитывать, а как нужно перевоспитывать, я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь. Чтобы перевоспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором он живёт; ваш сын в коммуне был бы самым лёгким мальчиком, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье действительно растерялись, что можно с ним сделать. Вы бросаетесь из стороны в сторону,

вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если вы позовёте меня к себе в гости и если мы с вами побеседуем, то мы придём к какому-нибудь результату. У меня много таких домов, где я бываю в качестве педагога-консультанта. Это и для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Причём прошу не стесняться: вы обращаетесь ко мне, а я оказываю вам какое-то содействие, вы мне поможете, а я вам помогу.

Вопрос. У меня девочка, ей шесть лет. Я хотела бы воспитать из неё смелую хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребёнка, всё-таки у меня ребёнок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится снов. Она просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребёнке? Я много старалась, но результатов нет.

Ответ. Вы спрашиваете, как бороться с несмелостью девочки?

Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает повышенная восприимчивость, нервность. Девочка в шесть-семь лет несмелая, а в одиннадцать станет таким буяном, что не удержите.

Нет ли у вас в семье или по соседству людей, которые рассказывают всякие страхи. Чего она боится?

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это очень сильно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения девочки не даёте. Не познакомившись с девочкой, было бы несерьёзно с моей стороны говорить о ней. Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом по нервным болезням.

Вопрос. Как быть в таком случае? Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему хорошие навыки. И отпускаешь его к ребятам, т.е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Хотя знаешь, с какими разными детьми он общается, знаешь, что он может научиться ругаться, знаешь, что ребята разговаривают и о воровских делах. Не отпускать ребёнка тоже нельзя, тогда его нужно засадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его опасно потому, что от детей в нашем дворе можно ожидать много всяких неприятностей.

Ответ. Вопрос трудный, как оградить ребёнка от посторонних вредных влияний. Как-то к нам в Союз приезжал один видный французский политический деятель, побывал он и в нашей коммуне. Коммуна ему очень понравилась. Он плакал, пока оркестр коммунаров играл Бетховена. Он не мог себе представить, что бывшие «уличные мальчики» играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

– Всё бы хорошо, – сказал он, – но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются вместе с бывшими воришками и маленькими бродягами?

Ему я коротко ответил:

– А в жизни как – хорошие люди живут рядом с плохими? Особенно в капиталистическом обществе тёмные дельцы, мошенники среди честных людей?..

Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаете – он скиснет, как только попадёт в общество. Ваш мальчик должен приучаться к обществу самых различных людей. Он должен уметь и ладить с людьми, и сопротивляться, и чем он больше окружён всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать его, не пускать – это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести. Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть прекрасный способ: это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая весёлая и в то же время самая серьёзная, то не нужно его убеждать, потому что вы для него то высшее существо, авторитет которого – самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит, не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. Говорите совершенно просто: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». Если он всё-таки поступил дурно, потребуйте от него: «Объясни». *Пусть он вам объясняет своё поведение, а не вы ему*. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя», – уже будет первым шагом вашего сына к умению сопротивляться.

Если мальчик, с которым ваш сын играет, плохой, вы не запрещайте сыну с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, в чём, когда проявляется это дурное. Сделайте так, чтобы не убеждать этого мальчика,

а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын видел, что вы не трепещете, что и он таким же дурным сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза, умения помочь своему сыну и чужим детям, если это нужно. И сын уверенно пойдёт за вашей силой, тогда вредные влияния не страшны, он будет легко преодолевать их.

Вопрос. У меня мальчик учится в четвёртом классе. К родителям относится идеально. Если он заболевает, то не разрешит себе ночью позвать мать:

– Ты устала, я сам встану.

Ребёнок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребёнка развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

– Знаешь, а сегодня мой «*питомец*» получил уже отлично. Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или вредно и как ему объяснить, что всё-таки он не педагог ещё, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать – домашняя хозяйка. Отец умирает, мальчику двенадцать лет. Он остаётся некоторое время таким же хорошим. Сестра – очень хорошая девочка; когда она была маленькой, брат её очень жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру. Почему так получилось, что после смерти отца из хорошего мальчика вдруг получился грубый, дерзкий шестнадцатилетний парень? А ведь мать очень любила детей и последнее им отдавала, она и сейчас сама не съест, а сына накормит.

Ответ. Если мать отказывает себе во всём, отдаёт сыну даже свою пищу, – это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. А в этой семье, о которой вы рассказали, пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Я сторонник того, чтобы в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно, но по этому поводу приходится часто спорить с родителями. А я убеждённый сторонник того, чтобы в семье всё лучшее было прежде всего родителям. Если у вас есть шёлк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться

по каналу «Волга – Москва» – родителям или детям, то самое лучшее решение – в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них заботиться, но так, чтобы они были убеждены, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Мне приходилось слышать такие рассуждения. Комсомолка, да ещё отличница, говорит матери, когда решается вопрос, кому шить новое платье:

– Да что тебе нужно? Тебе тридцать восемь лет, сколько тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась. Если у жены четыре платья, а у племянницы два, я настаиваю, чтобы жена сшила себе пятое платье, а девочка пусть подождёт третьего. Я предложил бы девочкам до шестнадцати лет делать только ситцевые платья. А окончит десятилетку – получай простенькое шёлковое. Имей два-три ситцевых платья, а ещё их сама зашивай, и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если подруге сшили шикарное платье, так и мне нужно – это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила.

Что же касается вашего сына, мальчика – «педагога», то раз здесь вмешались школа и учитель, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди учёные.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментовка должна быть. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

– Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку: повозись с этим отсталым человеком. И непременно добейся хороших результатов, а если не добьёшься, будешь отвечать.

При такой постановке вопроса, оказывая помощь товарищу, он не чувствует себя педагогом, он исполняет данное ему поручение.

В вашем случае плохо то, что и другим мальчикам в классе не поручают того же, что и вашему сыну. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать себя педагогом. Всё это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если ваш сын зазнаётся, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно ещё подтягивать».

Если учитель делает ошибку – что я могу поделать? Это очень грубый, дешёвый метод.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Тов. Л. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла послушать т. Макаренко о воспитании детей, и всё то, что сказал тов. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это, очевидно, потому, что у меня не один ребёнок, а трое.

Как понимать родительское счастье? Конечно, оно заключается не только в любви к детям и какой-то особой комфортабельности быта, а в том, чтобы родители работали и дети видели и ценили эту работу.

Мой муж работает, я тоже работаю – общественной работой занимаюсь. Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе. Я счастлива, что мне ясна цель воспитания моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал т. Макаренко? Действительно, с пелёнок, все трое ребят у меня с рождения никогда не были на руках. Ребёнок лежит в коляске, его нужно кормить – беру, кормлю. Спать с собой никогда не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребёнка не беру, в гости с собой никогда не брала. Проснулся ребёнок, играет в кроватке. Если заплачет, я выясню причину и устраняю её. И дети до года совершенно на руках не были. И этот режим строго соблюдался.

Сейчас старшему одиннадцать, второму восемь и третьему четыре года, три мальчика. Своих детей я очень люблю, всё для них делаю: хорошо одеваю, кормлю, стараюсь доставить им приятное, хожу с ними в театр, в кино, в лес. А наказание заключается в том, что я лишаю ребёнка какого-нибудь удовольствия, если он провинился.

Режим дня у меня точный.

Мы, родители, должны прежде всего воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня режим нарушили, а завтра уже новый распорядок. Это очень отражается на детях. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня.

Если я куда-нибудь ухожу, я даю детям указания, что они будут делать без меня, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вёл. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

Родители должны иметь авторитет. А для этого мы должны

своё слово всегда честно, правдиво приводить в исполнение.

Один маленький пример. Я вела общественную работу в школе. Был такой случай. Своих ребят, ребят школы, где учится мальчик, я водила неоднократно в театр. Я шефствовала над одним классом. Мне говорят, что там пять хулиганов. Я спрашиваю:

– Ребята, кто пойдёт из вас в театр? Кто будет хорошо вести себя, всех в следующий раз возьму в театр.

Раз я говорю, я должна привести в исполнение.

На следующий раз, когда я прихожу в класс, обращаюсь к одному из тех мальчиков, которые считались хулиганами?

– Ну как, Сироткин, вёл себя хорошо?

Он вёл себя хорошо.

– Деньги есть?

Вынимает деньги.

Когда вела ребят в театр, мне говорят:

– Он убежит от вас. Каждый педагог говорит, что хулиган, хулиган – никто не сказал ему ласкового слова.

Когда приехали в детский театр, мне говорят – вы его одного не отпускайте. А я ему говорю:

– Иди и гуляй, но только знай своё место.

Когда в антракте я стала подходить к своему месту, я увидела позади себя мальчика: он ходил за мной и смотрел, куда я пойду.

Я на него не обращала внимания, но здраво говорила с ним, и он великолепно встал в пару и хорошо себя вёл, а когда мы доехали на трамвае и стали расходиться по домам, он сказал мне:

– До свидания, тётя!

Индивидуальный подход к ребёнку и ласка, прежде всего, должны быть.

В отношении своих ребят. Я довольна, что частица того, что сказал т. Макаренко, отражается в моей жизни. Но мне кажется, я бываю строга.

Нужно ли эту строгость продолжать в таком духе?

Макаренко. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим, вероятно, ласковы.

Тов. Л. Иногда ребёнку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: «Без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить» и т.д. Может быть, я не предоставляю такого широкого права. Ему одиннадцать лет.

В отношении воровства. Недавно был такой случай.

Я взяла новую прислугу. Когда бабушка высыпала сахар и ребята его не таскали, она удивилась и говорит:

– У той хозяйки дети всегда таскали сахар.

У меня ничего не запирается и нет того, чтобы ограничивать ребят, но если ребёнок что-то берёт, он ставит меня в известность: я взял то-то.

С места. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

Тов. Л. Мой муж большой авторитет для детей. В длинные беседы он с ними не пускается, когда они провинятся. Недавно был такой случай. В выходной день утром он говорит:

– Ребята, одевайтесь, поедем на лыжах.

А старшему (он провинился):

– Ты на лыжах не поедешь с нами.

Больше ничего не было сказано. Мы собираемся выходить. Сын подходит ко мне:

– Мама, я с вами пойду.

– Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Отец сказал: «Нет». Сын просил и плакал, но мы его так и не взяли кататься на лыжах, несмотря на то что ему это полезно. Мы считаем, что своё слово нужно всегда приводить в исполнение.

Макаренко. Это чрезвычайно интересно.

С места. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т.е. к своим строже. И сын делает мне замечание:

– Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

– У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, всё-таки я твоя мама.

Макаренко. Потому что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С места. А у меня девочка четырнадцати лет. Она растёт замкнутой. У неё нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну что девочка с собаками возится. Когда начинаешь говорить девочке, когда ты кончишь гонять собак, она отвечает: или я собак буду дрессировать, или по задворкам буду гулять. Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это очень переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в седьмой класс, «посредственно» имеет

только по русскому письменному. Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Макаренко. Я удивляюсь вашему беспокойству. Такой замечательный случай. До чего неприятна та молодёжь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это действительно самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками и заинтересовалась биологией, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки – это прекрасные существа, их общество никогда не вредно.

С места. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Макаренко. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

Мои коммунары жили богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание: паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови». Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто – подкупить ребёнка: сделаешь это – получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии. Самая большая премия: «Правильно поступил». Ещё бóльшая премия – благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его наказывал. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд, но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь – этого я себе не позволял. Шоколад всем полагается, и ты получи, как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей не допустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчёту. До одиннадцати лет эти «бухгалтеры» себя не проявляют, а когда им будет 18-20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть, что надо пересмотреть.

Тов. Л. Я не премию их каждый день. Мне нужно идти на собрание, они остаются одни. Я им говорю:

– Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Макаренко. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша. Вы такая сильная мать, вы можете без этого обойтись. У вас это, может, вреда не приносит, потому что у вас и без этого хорошо, а у кого слабовато, это может быть и вредно.

Тов. Л. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и дети знают, что и папу премируют. Вот папа получил премию, а почему мне нельзя?

Макаренко. Если вы дадите длительное задание детям на год вперёд, – за перевыполнение плана – премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это – «будешь хорошо вести – дам конфетку» – я никогда не применял бы.

И часто вы хвалите. А если редко хвалишь, то похвала действует очень сильно. Иногда я приглашаю того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Когда он приходил, я вставал и говорил в таких случаях: «Ты поступил правильно», – и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь вот ещё на каком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух одинаковых компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато всё в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить – в семье должны быть две инстанции – низшая и высшая. Кто больше в этой семье уделяет внимания детям? Если жена, то муж должен быть в запасе. Он должен посматривать и по поводу незначительных конфликтов с детьми говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребёнок немного провинился, лучше отцу не вмешиваться: мать одна разберётся. А когда мальчик «перебрал» в своём поведении, тогда можно позвать на помощь «тяжёлую артиллерию» – папу. Это необходимо.

А когда одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто постоянно действующей.

С места. Что высчитаете излишним в семейной обстановке и что не считаете лишним? Если я буду воспитывать

ребёнка в «голой» обстановке, правильно ли это? Допустим, много вещей не нужно, и все они должны лежать в строго определённом месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме – значит непорядочно воспитывать ребят.

Не скажу, чтобы у меня была скудная обстановка. Я сама художница, и у меня висят картины. Завесить всю комнату картинами – это, может быть, негигиенично, и не лучше ли будет, если бы я сняла картины?

Но мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. В классе этот преподаватель детям кажется сухим педантом, придирчивым, бездушным человеком. И какое же впечатление произвела на сына (мальчику восемнадцать лет) домашняя обстановка этого преподавателя!

– Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашёл, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят хорошие картины, стоят старинные диваны, старинный стол, всё это ласкает глаз – не хотелось уходить, а в классе ждёшь не дождёшься, когда он уйдёт.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена комната. Я старалась, что в их комнате не было картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один художник подарил нам портрет Пушкина. Я вставила его в раму и повесила у мальчиков в комнате.

– Как приятно – Пушкин! – сказали они. – Нельзя ли ещё что-нибудь повесить?

Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали – лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Макаренко. На этот вопрос вы сами как художник можете ответить. Лишние вещи – это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление – это не лишняя вещь. Лишняя вещь – это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Иным это кажется – роскошь, а на самом деле мебельный склад. Если вы просто завесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только загромождают

комнату. Лишнего, пыльного, истрёпанного быть не должно, а вообще красивая богатая обстановка – почему же, это не так плохо. То, что вы повесили мальчикам портрет Пушкина, это прекрасно.

С места. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребёнок несистематически готовит уроки. Родитель рвёт и мечет. Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребёнка, усаживали регулярно за уроки, не удаётся. Один из важнейших принципов – не действовать наскоками на ребят, а проводить определённый метод воспитания, предъявлять к ребёнку требования и постоянно соблюдать их.

У т. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда была ещё студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, дающий возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребёнка, то бьёт его, то позволяет ему делать, что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно вредно влияет.

Макаренко. Я заключительного слова говорить не буду. Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчёт материальной обеспеченности и необеспеченности семьи. Насчёт карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы не сами покупаете, а даёте детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, чтобы в семьях со скромным материальным достатком было худшее воспитание, чем в богатых. Процент брака в воспитании детей в тех и других семьях примерно одинаковый. Всё это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявил, что нужно систематически воспитывать детей, а не то, что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то я никогда не вызывал родителей. Я педагог. Шестнадцать лет учительствовал и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель, так я детей заставлю вносить положительное влияние в семью.

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы научите детей чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы и несли эти идеи в жизнь.

Вопрос, конечно, ещё дискуссионный. До следующего раза. Спасибо за внимание.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

Воспитание детей в семье и школе – это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и неспециалист. Вы спросите, почему? Да вот сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в железнодорожной школе. Я сын рабочего и учительствовал на том заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было ещё при старом режиме, в старой школе.

Первые 16 лет моей педагогической работы я в таких решающих, труднейших вопросах, как связь семьи со школой, плавал, хотя находился в более благоприятных условиях, чем многие из вас.

Почему? Да потому, что я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая и объединяла детей рабочих одного завода, одного рабочего посёлка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше. так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения.

Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как Советская власть. У меня тогда этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. Шестнадцать лет я работал с ребятами, не имеющими

родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы я опять приблизился к семье, но моя основная работа при Советской власти – это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, «принципиально» не признающие семьи.

И если у нас появлялся ребёнок, у которого где-то далеко на горизонте были папа и мама, то к такому ребёнку относились несколько свысока: ты, дескать, плебейского происхождения, а мы настоящие аристократы улицы.

Если же папа и мама располагались настолько близко, что иногда заезжали в коммуну, то их встречали очень нелюбезно и говорили: что вы сюда ездите? Что вам здесь нужно? Мы без вас управляемся хорошо, и ваш сын без вас тоже прекрасно управится, и нечего вам здесь делать.

Были случаи и более трагические.

У меня был один замечательный случай. Произошёл он в интересной обстановке.

По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые всё умеют видеть, всё умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришёл в восторг от коммуны. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чём-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запылённый, и говорит:

– Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живёт мой сын Вася Столяров.

– Да, есть такой.

– Так вот, я его отец. Он убежал из дому, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

– Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет четырнадцать. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, смотреть, всё как полагается.

Пришёл, встал, спрашивает:

– Вы меня звали?

– Да, приехал твой отец.

– Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т.д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привёл себя в порядок. Отец говорит:

– Так вы его отпустите со мной?

– Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

– Не поеду.

– Почему, ведь это же твой отец?

– Всё равно не поеду.

Отец побледнел.

– Как не поедешь?

– Не поеду.

– Почему?

– Не поеду – и всё.

– Почему ты не хочешь ехать? Это же твой отец?

– Не хочу, не поеду.

Отец начал горячиться:

– Хочешь не хочешь, а я тебя возьму.

Здесь мои командиры вступились:

– Здесь вы никого не можете взять, он коммунар-дзержинец; можете ему поклониться, захочет – поедет, не захочет – не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

– Позовите Васю.

– Нет, теперь не позову.

– Да, ведь только попрощаться.

Посылаю своего связиста:

– Спросите, хочет Вася попрощаться с отцом?

Пришёл Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда всё кончилось, Вася спрашивает:

– Мне можно идти?

– Пожалуйста, иди.

Он ушёл, а я с отцом ещё часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без Васи.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришёл от этой сцены в дикий восторг и, совершенно неспособный к переживаниям, он, пока

здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился всё заснять и был очень доволен:

– Нашему брату, оператору, на такой случай раз в жизни удаётся нарваться.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях, когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошёл к семье, главным образом к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я и решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырёх томах, поэтому в первый том вошло не всё. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли в него войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребёнка семья должна быть прежде всего советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив даёт трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как отсутствие режима, отсутствие родительского авторитета, и даже по такой причине, которой до сих пор не придавалось должного значения, как единственный ребёнок в семье, – условия воспитания становятся более тяжёлыми, так как коллектив теряет признаки коллектива.

Семья в некоторой своей части перестаёт как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Вообще, товарищи, с родителями мне редко приходилось встречаться. Но за последние годы – 1932, 1933-35-й, когда коммуна наша выросла, когда коммуна начала выпускать фотоаппараты «Лейки», стала богатой, перешла на полный хозрасчёт и могла давать государству свою продукцию, многие родители начали обращаться с просьбой принять их детей.

Мы не были специальными сторонниками родителей, но, как ни вертелись, пришлось всё-таки уступить. Начали принимать детей, имеющих семьи, по просьбе родителей.

Обращались к нам очень многие, со всего Союза, но принимали мы только в крайнем случае, когда ребёнок был настолько великолепным экземпляром с нашей точки зрения, что мы нуждались в его обществе.

Детей хороших, послушных мы, конечно, принципиально не принимали. Нам нужны были такие, которые обокрали родителей, избивали мать, называли её всякими чёрными словами, вообще дети с «сильным» характером.

Я считал себя, хвастливо считал, великим специалистом по перековке всякого рода правонарушителей. Я и думал: «Что такое ребёнок, имеющий семью, разве трудно его перевоспитать, это же мелочь». А как посмотрел я на этих ребятишек, имеющих родителей, так и увидел: куда наши правонарушители годятся.

Убийца, развратник, вор, самый отчаянный «путешественник» по сравнению с ребёнком, имеющим папу и маму, просто агнец кроткий.

Дети, имеющие семью, большей частью были из хороших семей и очень балованные. Были такие, которые говорили:

– У моего папы «вьюик», у моего папы «Линкольн».

Были такие, которые привыкли ездить только в международных вагонах. И вот эти были самыми трудными.

Беспризорный только на меня рассчитывал, на меня одного смотрел: человек даёт мне путёвку в жизнь. И хоть я иногда давал эту путёвку в жизнь грубо, но он знал, что всё-таки это путёвка в жизнь.

Ну, а этот ребёнок как смотрел на меня?

– Что вы со мной так разговариваете, вы знаете, кто мой папа, вы знаете, кто моя мама?

А в случае чего «смывался» и шёл домой.

Так что дети, имеющие семью, нисколько не легче и не проще беспризорных.

Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребёнка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя.

Третий том будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И наконец, четвёртый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был ещё счастливым человеком.

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить

человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребёнок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный, и вопрос очень трудный, потому что никогда ещё не было решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития, убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекали в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане ещё три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу: об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает – семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастными» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причём оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» Я не слышал, чтобы педагог сказал: «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?»

Обычно говорили так: «Мы – школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители ж говорят обратное: «Мы отдали детей в школу,

пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

– Ваш сын плохо учится, примите меры.

– Есть, принять меры.

Это значит, что педагог думает: в моём распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья – это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они. Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Потому что это ставка на талант, на способности.

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей – юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определённая норма брака, на некоторых производствах норма брака 0,5%, на некоторых 1%, на некоторых – 2%. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50% брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думал мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей сколько можно забраковать, т.е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнём с простой арифметической задачи. Если найдётся человек, который скажет, что допустим брак в 10%,

то такого человека мы назовём врагом народа, потому что 10% от 30 миллионов – это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракованных? Это 3 миллиона людей с какими-то отклонениями от нашей советской моральной нормы. Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Кто может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя – это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10%, – словом энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет – в зависимости от того, на сколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, неталантливых учителей. Следовательно, мы все эти дела отдаём случаю – как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же, мы можем, значит, спокойно сказать, что это сто плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимости от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы не одиночки-учителя, а представители единой учительской армии, единого советского педагогического общества, ни в коем случае не имеем права сваливать всё на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель – это всё и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребёнок, ребёнок, ребёнок – и всё это в единственном числе. Так и представлял себе: я – учитель, ты – ребёнок, мы – один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной

организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы примем такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос – о педагогическом коллективе.

Второй вопрос – о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос – педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трёх не возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чём поговорить.

Возьмём вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений и в конце концов пришёл к определённой форме педагогического коллектива. Этот вопрос решил так: там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это ещё более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя – быть воспитателем, педагогом.

Это очень лёгкое дело. Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно лёгкое дело, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я не обладаю педагогическим талантом и пришёл в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идёт, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только

в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как и во всякой иной специальности. Ведь никакой институт не выпускает инженера, он даёт только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3-4 года работы на заводе, когда как следует проработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они ещё молодые. И я говорил каждому из них: пришёл ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня в коммуне им. Дзержинского был заместителем Татаринов.

Я – человек более или менее строгий, могу крикнуть. А он, наоборот, мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог. Очень способный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

– Ну, как дела?

– Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

– Чего смеётесь?

– Довольно смешно было.

– А что?

– А он всё так же, как вы, делает. Вы говорите: чёрт вас побери. Он тоже говорит «чёрт вас побери», только тихоньким голосом.

– Ну, а вы слушались?

– А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «чёрт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он стал настоящим мастером-воспитателем.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть коллектив таких педагогов, для которых успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива. У нас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый...

В некоторых школах все эти силы, исключая, конечно, и учителей, подчиняются руководству, доверяют ему и слушаются его, т.е. в тех случаях, когда есть расхождения, поступают всё-таки так, как говорит старший.

В некоторых же школах не разберёшь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит, и не разберёшь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу, и работу завуча. Кроме того, у меня был ещё завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было ещё общежитие.

Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т.д. И всё-таки я не имел помощника, а работал один. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда есть единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это увело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив. Школьный коллектив как-то не создаётся. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик 10 класса, я выделен пионервожатым в 5 класс, и я знаю, что делается в моём 5 классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа всё-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живёт отдельно. Девятый класс

знает только себя. Может быть, знает другие девятые классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть, в лучших условиях, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе же. Вы всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а всё-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далеко не во всех колониях созданы единые коллективы. Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это, мол, колония. И в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единая школьная форма работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение (членов) этого коллектива.

Вопрос о первичном коллективе и общешкольным у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос важнейшим.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главнейшей заботой. Я заботился о том, чтобы этот отряд всегда был цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органическим членом целого коллектива коммуны.

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания. Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный – класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмём такой чисто

технический вопрос, как общее собрание. Общее собрание нужно прежде всего хорошо организовать.

Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность. Общее собрание назначается на 8 часов 30 минут. В 8 часов 29 минут (не 28 и не 30 минут, а точно в 29) даётся сигнал, и ровно в 8 часов 30 минут общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц – уже легче, а когда это делается годами – это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар смотрит на часы: 25 минут девятого. Он складывает книжки, инструменты и идёт в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придётся бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь совета командиров смотрит на часы и ровно в 8 часов 30 минут говорит: «Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент определяется просто: одна минута по песочным часам.

– Дай слово.

– Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался. Минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всём. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

При таком жёстком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

– Я не могу уложиться в одну минуту.

– Сколько тебе надо?

– Три минуты.

– Много.

– Ну, две минуты.

– Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос – расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность.

Точность – это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А общие собрания – это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и ученика среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнёт на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят.

«А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался тем, а теперь опять летишь, как сумасшедший!»

И малыш поймёт, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой «военизации». Это не муштровка, а та же экономия сил...

Форм много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят, и другие формы. При такой «военизации» очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив – это единое коллективное мнение, это мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то и все думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов.

Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутьё, какое-то именное общее мнение.

Такое коллективное воздействие даёт в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

– Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

– Антон Семёнович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, стать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом.

Организация и воспитание чувства ответственности перед коллективом – это даётся трудно, но зато, когда даётся, – это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах, – не выдавать товарища. Это солидарность, обращённая обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская.

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» – не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как в правильно организованном, воспитанном коллективе без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шёпотом: «Антон Семёнович, я вам что-то скажу». Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу.

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-то поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то – мой лучший друг, и тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

Никому из товарищей и в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело – на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый

важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то учёные-педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своём товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т.д.

Но если этот командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смирно и когда я тоже стою смирно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой у нас был закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

И мы отнеслись к этому делу так: лучше рискнём и не проверим рапорт, чем допустим, что у нас есть такой негодяй. Если он есть, он потом сам проявит себя.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, только пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД – Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие – это первое право.

Правда, в некоторых случаях доверия не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верят, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество.

Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единой традиции в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством.

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу

представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8-9-10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика десятого класса, как на своё заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблён, именно влюблён, чтобы он видел в нём что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими – совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применять специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведёт нас. Скажу только, что я на протяжении последних восьми лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый корешок. Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший братья, причём старший брат крепко держит в руках младшего.

Если младший набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздаётся голос:

– А чей он корешок?

– Володи Козыря.

– Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь – комсомолец, ученик 10 класса, семнадцатилетний парень, – вставал и говорил:

– Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

– Ну, иди, шеф за тебя поручился.

Такая дружба старших с младшими создаёт удивительные отношения в коллективе, придаёт им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших братьев.

Корешки ходили всегда компаниями. Человек десять малышей, и около них столько же старших.

Причём товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах,

старшего пионервожатого к младшим, отношения часто официальные, они неестественны.

Я добивался очень много. Например, идём мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 летних походов. Во время походов все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир.

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семёнович, первый взвод займёт палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т.е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки. Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними.

Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьёй? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на своё место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встаёт вопрос о чести коллектива.

Вопрос о чести коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально – на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений – и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный

балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например, на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все надевали новые костюмы. Все 600 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!» И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город, или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идёшь как-то иначе.

А ведь знамя – это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного, и как можно всё это торжественно обставить.

Например, выборы знамёнщика. Знамёнщик считался у нас самым почётным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходили у нас выборы знамёнщиков? Казалось бы, пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знамёнщик – это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Всё это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено, – это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причём для них это было обязательным, необходимым условием».

Кроме учёбы они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами, да ещё со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определённым процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т.д. Выпускали аппараты ФЭД типа «Лейка». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание полов, мытьё стёкол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 600 человек принимаются за уборку. У каждого свой определённый участок. На уборку полагается 20 минут. А потом ещё самоуправление, вечерние общие собрания, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа, работа кружковая.

Спортивной работе мы придавали большое значение. Она была поставлена у нас очень серьёзно. Если ты в первом взводе, ты должен быть Ворошиловским стрелком. Если ты не имеешь Ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО. Если ты не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод. Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Они должны были расти сильными девушками и мужчинами.

Всё это требовало времени, и всё-таки ребята везде успевали, всё делали и ещё находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены трудовые процессы. Спортивная работа должна быть поставлена обязательно.

Труд для ребят полезен и необходим. Маркс говорил, что с девятилетнего возраста дети могут принимать участие в производительном труде.

Я не понимаю, что такое ребёнок десяти лет. Тебе десять лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявлять соответствующие требования.

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать.

Я помню, как мы организовали дело в коммуне им. Дзержинского.

Пришёл ко мне как-то человек:

– Хотите делать нитки?

– Какие нитки?

– Обыкновенные.

– Давай. А станки какие?

– Да поставим деревянные.

– А где возьмёшь?

– Достанем.

– А с деньгами как?

– В кредит.

– А с сырьём как?

– Не беспокойтесь, достанем.

– Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошёлся бы:

– Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан? И т.д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам:

– Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки.

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы встали на ноги.

Не было денег – устроили оранжереи. И устроить оранжереи очень просто. Выгода ж большая.

Когда всё это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производственник, потому что у него появляется план, появляется отдел технического контроля, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда коллектив завоёвывает себе право гражданства. Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявить к нему последнее трудное требование: уметь предъявлять друг к другу определённые требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека. Если с человека не потребовать многого, от него и не получишь много.

Убеждение в том, что многое вырастает само из ничего при помощи каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, неправильно.

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый, не организованный педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И наконец, последний момент – когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете,

потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас в Советской стране колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре[8]. Мне сказали: «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик десятого класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, то все перевешаются».

Вы знаете, что я им ответил?

Поставить плохой балл – это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий? Ученик не ответил мне. Я ему поставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я ещё извинился перед ним.

Всё это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое – и создаётся общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захотеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчики не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему, как к человеку.

Такая требовательность ещё более сколачивает коллектив, ещё больше объединяет и учителей и учеников. А как разрешается, товарищи, вопрос об учительском авторитете? очень часто тот или иной учитель заявляет:

– Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается, на чём же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

– С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

– Видели.

– С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

– Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич. Это было ещё в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я разозлился. Спрашиваю:

– Кто дежурный? 5 часов ареста!

– Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришёл ко мне в кабинет:

– Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему «брось». А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет – Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают:

– За что?

– За то, что сел под арест и не спорил.

А другой на его месте начал бы: «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадёт».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его. Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают

плохие. Поручиться за то, что семья воспитает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьёй.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» – это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается» – это тоже не поможет.

Что же касается помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т.е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют разговаривать с ребёнком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педагогических техникумах и вузах не ставят голоса. Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, который умеет ставить голоса.

Я попробовал бы провести такое упражнение: вы, товарищи, студенты, и вы будете допрашивать меня тоже, как студента. Допустим, я украл у кого-то 10 рублей. Как вы будете меня допрашивать? Учтите, что вы будете допрашивать меня, а другие будут слушать и потом скажут, правильно вы меня допрашиваете или нет.

И вы, товарищи, увидели бы, что без постановки голоса нельзя правильно спросить. Я сам сначала думал: к чему это? Оказывается, это необходимо. Это очень важно.

У меня вначале и у самого не очень хорошо выходило. В чём, думаю, дело?

Обратился к опытному актёру.

– Надо голос поставить.

– Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

– Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится. Простая фраза: «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами. Причём в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду, если это нужно для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам, конечно, будет трудно. Родителям не мешало бы поставить

свои голоса. Родители часто говорят: «Ванечка, убери за собой постель». (*Смех*).

Ну, скажите, пожалуйста, разве после такого приказания может живой человек убрать постель за собой, даже если бы он и хотел это сделать? (*Смех*). Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твёрдым.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение? Может быть, я в горе. А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребёнком, должен себя немножко так подкрутить, чтобы все настроения исчезли. И это не так трудно.

После того как мы три года прожили в лесу и вокруг нас были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать своим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. На душе у вас, может быть, кошки скребут и всякие другие гады, а с внешней стороны всё должно быть в полном порядке, в полном параде. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. Так что же, из-за неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа, которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что написано такое письмо.

Постановка голоса, мимика, умение встать, умение сесть – всё это очень и очень важно для педагога. Каждый пустяк имеет большое значение и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришёл один родитель и говорит:

– Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему говорю – не слушается. Второй раз говорю – не слушается. Третий раз говорю – не слушается. Что же мне с ним делать?

Усадил я этого родителя, который пришёл ко мне, и начал с ним разговаривать.

– Ну-ка покажите, как вы говорите со своим сыном.

– Да вот так.

– А попробуйте вот так.

– Не выходит.

– Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе.

Помощь родителям со стороны школы возможна только тогда, когда школа представляет собой единый целый коллектив, знающий, чего она требует от учеников, и твёрдо предъявляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

В моей коммуне были дежурные командиры. Это очень трудная обязанность. Дежурный командир целый день правит коммуной. Он распределяет день – и заводской день, и школьный день, и коммунарский день. Он всем руководит, он за всё отвечает.

И у нас было такое правило: дежурному командиру обязаны подчиняться все. Никто не имел права идти против дежурного командира. Вообще ребята звали друг друга по имени, но к дежурному командиру обращались всегда: товарищ командир.

И все коммунары строго следили за выполнением этого правила. Если дежурный командир два раза повторял один и тот же приказ, вечером на общем собрании этот вопрос обсуждался.

– Володя Павленко дежурил сегодня, пусть он даст объяснение, почему он два раза отдавал приказание. Почему ты позволяешь себе повторять приказание? Ведь ты подорвёшь авторитет дежурного командира.

Было чёткое правило: дежурный командир отдаёт приказание один раз. Дежурный командир, 14-летний пацан, говорит 18-летнему комсомольцу:

– Позвать заведующего хозяйством.

Повернулся и пошёл сейчас же. Тот отвечает ему уже в спину:

– Есть позвать заведующего хозяйством.

И каждый знал, что, если приказание отдано один раз, его нужно выполнить.

Я несколько отклонился в сторону...

...У меня была такая встреча с одной матерью. Она жаловалась на то, что её мальчугана выгоняют из всех школ.

Мальчик был в такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

– Я говорит, – его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном бельё, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод. Ему четырнадцать лет.

Начал я расспрашивать:

– А в квартире у вас чисто?

– Да нет, особенно... порядка нет.

– А сын что-нибудь делает?

– Нет, ничего не делает.

– А постель за собой убирает?

– Нет, не убирает.

– А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?

– Нет.

– А в цирке были?

– Ни разу.

– А в кино были?

– Ни разу.

– А подарили ему что-нибудь?

– Да он не заслуживает.

– Так что же вы от него хотите?

– Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру?

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребёнок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены десяти коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом – в третьем, четвёртом, человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос – беспорядок дома. Пришёл я к ребёнку домой. Беспорядок ужасный. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 г. Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете порядок, у вас ребёнок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребёнка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребёнка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевлённых предметов в вашей квартире?

Вам за воспитание живого человека и браться тогда нечего. Пригласите наёмного воспитателя или отдайте ребёнка навсегда из дома. Нужно научиться самим организовать вещи, нужно научить этому ребёнка, и тогда ребёнок скорее станет членом коллектива. Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать.

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребёнок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т.д.

Ребёнка надо привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребёнок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, а удобствами своей жизни и жизни семьи. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его тоже худо. Этим вопросом следует заняться.

И наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный, – это вопрос о счастье.

Обычно говорят: я – мать и я – отец всё отдаём ребёнку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребёнку. Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребёнка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребёнок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девочек говорить матерям:

– Ты своё отжила, а я ещё ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего тридцать лет.

– Ты своё отжила, а я ещё не жила, потому всё мне, а тебе ничего.

Девочка должна подумать:

– У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, меньше осталось.

Поэтому в своём четвёртом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: новые платья в первую очередь – матерям.

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаете их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь, а что думают родители – это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чём мы думаем.

Если у вас есть лишние деньги и вы думаете, кому купить платье – матери или дочери, так я говорю – только матери.

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни тем более для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь – воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратили 200 тыс. рублей на походы и 40 тыс. на билеты в театр. Не скупились на это. Денег не жалели. Но когда шили костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие поносили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17-18 лет, если вы в 14 лет нарядили её в крепдешин?

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у неё начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т.е. у матери – три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворён отец или мать.

У меня взрослый сын. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый

человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И он выдержал тон.

– Может быть, ты сошьёшь себе пальто?

– Нет, не сошью, пока ты не сошьёшь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрёл себе пальто. Бегал в стареньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил себе пальто, а он пусть подождёт, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в простом пиджачке любить будут.

Ну вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

– Может быть, будут вопросы?

Вопрос с места. Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?

Ответ. Коммуна им. Дзержинского жила после меня ещё два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому, что старшие ушли в вузы, завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству. Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

...Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их всё-таки много. Их самих я ещё помню, но я не могу помнить, кто на ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом.

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семёнович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне всё-таки жаль жену. Не может же быть она содержательницей постоянной гостиницы. Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

– Ну ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

– Кто?

– Да Витька Богданович.

– Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

– Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

– Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

– Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

– Да зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

– Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну и жил бы у меня.

Ведь в большинстве своём хорошие люди получались из них. Связь хоть и тяжёлая, но для меня это источник большой, настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом я получил радиограмму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий». Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано:

«Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)»...

Карабанов – начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, но Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова.

– Бери новую колонию, будешь работать там.

– Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный, дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал. Собрал настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14-15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приёмнике. Окружил высоким забором, часовых поставил.

Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками и с наганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Извёлся я, пока Карабанов подготавливал всё к приёму ребят.

Наконец получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить». Погрузил я их в арестантские вагоны с решётками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к

станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Всё равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись – кругом степи, пусто. И бараки.

Карабанов ушёл на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, всё уговаривают, продолжают.

Прибежал Карабанов:

– Где хлопцы?

Схватив первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит – идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Те к нему: что такое:

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его, а он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит:

– Почему ты такой красивый. Ребята в ещё больший восторг пришли.

Карабанов говорит:

– Ну что же, идите в Винницу.

– Ну пойдём.

– А может быть, позавтракаете, а потом пойдёте.

– Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семёна, как он это сделал. А у ребят спросил:

– Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

– Наше главное достижение – Семён Афанасьевич (*Смех*).

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант,

которому подчиняются самые тяжёлые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса.

Сейчас он прислал мне письмо, где пишет: дайте мне какую-нибудь колонию, здесь мне уже надоело, здесь уж слишком благополучно, дайте мне что-нибудь такое, что у всех в печёнках сидит. (*Смех*).

Вопрос с места. А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?

Ответ. К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова. Вы помните, вероятно, этот случай в «Педагогической поэме».

И многие говорят: вот вы треснули Задорова – и всё пошло хорошо. Значит, нужно трескать.

Вопрос спорный. Ударить человека иногда, может быть, полезно, даже взрослого. Есть такие люди, которым следует набить морду. Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет.

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришёл к тому, что это хороший метод. И не потому так благополучно всё кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задорова избил, а он протянул мне руку и сказал – всё будет хорошо. Редкий человек способен на это.

Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на постройке Куйбышевского узла. Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество.

Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвётся на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмёт. Всё может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье.

В колонии ещё можно сорваться. Там есть какое-то оправдание. Там я один стоял перед сотней людей. А как можно сорваться в семье, где всего отец, мать и несчастных два-три ребёнка, причём это не бандиты и не беспризорники. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлёпает рукой двух-трёхлетнего ребёнка. Ребёнок ничего не поймёт даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12-13 лет – это значит признать своё полное бессилие перед ним. Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне им. Дзержинского ребята никогда не дрались. Помню, был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились. И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной коробкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлён. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

– Почему?

– Дежурный командир приказал.

– Зачем?

– Всё равно вы прикажете созвать.

Хорошо. Собрались. Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

– Да что вы, шутите или серьёзно? Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны.

– Чего там разговаривать, голосуй.

– Подождите, – говорю.

Тогда председатель говорит:

– Есть предложение лишить слова Антона Семёновича.

И что же вы думаете – лишили. Я говорю им:

– Мы в походе, я командир, я могу всё общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете меня лишить слова?

– Ну ладно, говорите.

– А говорить-то и нечего. Голосуют. Кто за предложение? Все единогласно. И здесь же выносится другое предложение: кто пойдёт провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

– Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошёл с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошёл. Дежурный командир сухо сказал ему:

– Иди.

И пошёл.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

– Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь.

Ушёл. Через три дня пришёл ко мне в коммуну. У дверей часовой.

– Не пропущу.

– Ты же всех пропускаешь.

– Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

– Ну, вызови тогда Антона Семёновича.

– Не буду вызывать.

Всё-таки вызвали меня.

– Что тебе нужно?

– Попросите общее собрание.

– Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю, кто хочет высказаться? Никто. Да скажите же что-нибудь. Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семёновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» – Все.

На другой день опять пришёл.

– Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Созовите общее собрание, я хочу, чтобы мне объяснили.

Созывается вечером общее собрание.

– Вот он требует объяснения.

– Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить.

– Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебе не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушёл он. Из старых ребят многие уже вышли из коммуны, много новеньких. И новенькие всегда говорили:

«Нужно поступать так, как поступили со Звягинцем». Они Звягинца не видели в глаза, но знали о нём.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой – не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

Вопрос с места. У вас в коммуне были юноши и девушки 17-18 лет. Какие у них были взаимоотношения?

Ответ. Вопрос очень трудный. Рассказывать бы пришлось очень долго. Об этом есть в моей книге. Коротко всё-таки скажу. Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в восемнадцать лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. У нас большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о поведении девушки. А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то.

Меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом всё благополучно: никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но ничего плохого не было в этом. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили – мы женимся. Командиры поаплодировали им: вовремя женитесь, пять лет любви выдерживали.

Вопрос с места. Откуда у вас такое знание психики дошкольников?

Ответ. Своих детей у меня нет, но есть приёмные дети. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но всё-таки есть.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Надежду Константиновну Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении. Я прошу вас почтить память Надежды Константиновны Крупской вставанием. (Все встают).

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании... Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нём в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения всегда уместно.

Моё маленькое право говорить перед вами вытекает из моего жизненного опыта. Я сообщу, в чём заключается это право. Революция, советская жизнь поручили мне дело, дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Я работал с ними 16 лет, работая без перерывов, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней. Это, конечно, удача – такая длительная работа в одном коллективе. И когда я начал её, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вместимыми в жизни, т.е. подлечить, наложить заплаты на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь – я на большие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того как он становился комсомольским коллективом, _ВИЛ постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет, есть люди, попавшие в тяжёлое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребёнок, оказавшийся на улице

без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрёпанными нервами, без перспективы, – каждый нормальный ребёнок будет себя вести так, как они...

Я пришёл к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача – воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения.

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашей советской жизни – тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом часе нашей жизни.

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришёл к некоторым интересным для меня самого выводам. Первый вывод такой: воспитание – очень лёгкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей лёгкости, по исключительно ценному, ощутимому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности, коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Недавно пригласили меня на юбилей одной школы...Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?» – «Да, – говорят, – директор 20 лет в школе, а этот – 15, а этот – 12». И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе – значит отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию – очень лёгкая работа. Лёгкая не в том смысле, что можно поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть и т.д. Нет, времени она берёт много, но она лёгкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров... и мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г. работал без обычной в интернатах должности воспитателя. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но детский коллектив в 600 человек жил, в известном смысле, самостоятельно. И утром, когда я услышал сигнал «вставать» и знал, что в моём коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, дисциплинированны и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые – инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый лёгкий поступок.

Вот и я приношу к вам вывод, который могу вам предложить, – это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание – это счастливый процесс, который сам в себе несёт успех, и поэтому дело воспитания – лёгкое и счастливое дело...

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов товарища Ленина. Коммунистическое воспитание – это не то, что стоит перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности – вообще советский человек приобрёл новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит,

интересуется всем тем, что происходит на земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае, переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22-23-24 года назад он был ещё провинциальным человеком Российской империи... Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов – это уже большой шаг вперёд в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80 процентов был неграмотен и далеко стоял от техники, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7-9-12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а многие из нас, стариков, серьёзно думают, что на револьверных станках делают револьверы. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10-14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребёнку нужно давать лёгкую работу, т.е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, и им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «Лейки», советские ФЭД. Что такое «Лейка»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 миллиметра. Это производство с заменяемостью частей, точнее, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

Я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся тому, что четыре часа в день коммунар стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка и рядом с ним стоит взрослый наёмный рабочий, у которого больше сил и больше как будто здравого смысла. Это человек моего возраста. И казалось мне и всем инженерам, что это всё-таки рабочий, а это ребёнок, детский труд.

И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда. И оказалось, что этот ребёнок в течение четырёх часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня. И что самое главное – делает быстро, делает со страстью и делает хорошо. Знаете, что такое станок. Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке – это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, ещё молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодёжь стоит выше какой угодно другой молодёжи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техникумами, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Ещё какие качества уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? И некоторые вступают со мной в переписку и доказывают, что коммунистическое поведение здесь не при чём, напротив, именно человек, коммунист, т.е. член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены. И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, для чего кровь проливали. Так вот и такой вопрос тоже имеет важное значение. Кое-кто клеветал на нас, говорил, что русский человек по природе раб. Трудно себе представить, чтобы советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом. Нет, он нашёл в себе большой гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ и революции, в этом заключалась явная мера ретроградов и тайная вера либералов, что, только оставаясь рабом, человек может работать.

Где же эта пресловутая привычка к рабству? Что осталось от татарщины, крепостного права, самодержавия? Ничего не осталось! Советский гражданин нашёл в себе

большой гений, большой талант. Когда-то было рабство, теперь сознательная[4] дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы, – это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который до Октября смотрел на печатную бумагу как на сырьё для цигарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса, – он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и, по правде вам сказать, когда я первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это – читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберёт. Ничего подобного, пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что неинтересно, что ценно, что неценно. Советский читатель – это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и ещё самое главное, что отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции, – это подход к книге, как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель – это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в какой хотите аудитории. Я бываю в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить, – это человек огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. Нельзя даже сказать, что это сделала только школа. Это сделала вся наша жизнь, всё наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться, – это наше единство. До революции казалось, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, как можно примирить всю эту массу, которую царь держал

железным обручем? А у нас обруч – это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, это единство, несмотря на то что мы умеем критикнуть, имеем своё мнение, умеем поговорить, что вот это, мол, не нравится, позудить и т.д., несмотря на что, несмотря на то что у нас так много людей – 190 миллионов, эта единая советская душа советского народа – это благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только ещё начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдёшь в глубину термина, и кажется всё очень просто, думаешь, что коммунистическое воспитание – это хорошее воспитание, коммунистическое поведение – это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто не пьянствует, жену не бьёт, заботится о своих детях до какого-то нормального предела, не врёт, не крадёт, – значит, это хорошее поведение, коммунистическое. Так это или не так? Мне приходится часто беседовать по этим вопросам с молодёжью и с пожилыми людьми. Приходиться встречать такое мнение: это хороший человек, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

Всем нам очень хорошо известны слова Ленина: «...нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов».

Всё то, что служит этой задаче трудящихся, задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. А вот коснёмся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал того-то?» – «Забыл, выскочило из головы». Третий человек

говорит: «Безобразие, что ты забываешь». А четвёртый возражает: «Ну чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, а потом забыл. Ведь естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет. В нашем обществе точное выполнение обязанностей – нравственная категория.

У человека семья, жена, дети, а потом он встретил красивую женщину и влюбился. Бросил жену, бросил детей...

Могут найтись люди, которые скажут: «Какие могут быть разговоры, что такое поведение идёт против революции, когда именно революция освободила меня от семейных цепей и я хожу без цепей, в кого хочу, в того влюбляюсь». Я отвечаю: «Нет, не цепей я хочу, я хочу коммунистического поведения». Но некоторые вступают со мной в спор, доказывают, что человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, свободно, не должен быть рабом ни своих действий, ни своей жены.

А я спрашиваю: но имел ли он право быть рабом своих чувств?

Формула товарища Ленина нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить своё поведение и узнать – коммунистически я поступаю или некоммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблемы. Но и этого мало. Ещё нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками...

Мы идём к коммунизму, к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Но что значит «каждому по потребностям?»..

Для того чтобы выяснить, что такое потребности и как они будут действительно удовлетворяться, для этого сознательно, умно относиться к своему поведению недостаточно. Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но ещё и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что

мы так привыкли. И воспитание этих привычек – гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Всё же человек понимает, человек сознаёт, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведёт себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно, в моём присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает, – это очень трудно...

Я несколько раз наблюдал, как коммунары вели себя в трамвае. Вот сидит коммунар. Он меня не видит. Смотрю, в трамвай входит человек, коммунар осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушёл в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа – это уже трудно, и научиться так поступать – трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идёте по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3-4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар? Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвёртом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. В каждом случае мне приходилось работать над этой проблемой. Мы натирали полы каждый день. Натёрли пол, зал блестит, и кто-то прошёл в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунар, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идёт впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел – он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту потому, что никто не видел. Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и

привычным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка[5] и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие пять лет пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперёд, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Вот что интересно. В книге «Флаги на башнях» я описал коммуну им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, образцовый коллектив. Могу без ложного стыда это утверждать. Первыми не поверили критики. Один сказал: Макаренко рассказывает сказки. Другой критик добавил: это мечта Макаренко. А я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут...

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу «Флаги на башнях», она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать».

Это – распространённое мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают даже молодые люди, школьники. Как «удобно» становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже есть. А дальше идёт самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть. И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, а почему вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется – долой 2, пусть 3 останется. Вообще, от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришёл к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этой области работать. Зачем у человека должны быть недостатки! Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью. А разве это человек, если он хороший

работник, если он замечательный инженер, но любит солгать, не всегда правду сказать? Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков?

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите – а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять – нельзя, схулиганить – нельзя, украсть – нельзя, нечестно поступить – нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? С какой стати? Среди нас будет жить человек со вспыльчивым характером, и он может обругать, а потом скажет: извините, у меня вспыльчивый характер. Вот именно в советской этике должна быть серьёзная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь – требование к себе. Моя же «специальность» – правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, а от себя – на какую-то резину наталкиваешься, всё хочешь себя чем-то извинить. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования ко мне.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под арест у меня в кабинете. Бывало, посидит полчаса, а я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал и через полчаса отпустил. Вот меня теперь будут любить. Вообще благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение, Антон Семёнович имеет право наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое – Антон Семёнович накажет, а потом у него доброе сердце, попросили – и он простил. Какое же он имел право прощать? Иногда Антон Семёнович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете на 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится».

Постановили на общем собрании: «Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как

судья: вынес приговор и через несколько минут сам ничего поделать не может, Приговор вынесен – и всё. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете». Стремление закрыть глаза – простить или не простить – это распущенность собственного поведения, разболтанность собственного решения.

Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это трудная вещь.

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя – это трудная работа, но не сделать её может только расслабленный человек, который ищет всего лёгкого.

Теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма.

Ну, скажем, ревность – это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента первого курса и спрашивают: «Спорим, спорим и никак выспорить не можем. Ревность – это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я люблю её, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать. Это не настоящая любовь. Какова это любовь, когда тебе всё равно, как она на тебя посмотрит, как она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность такое чувство, которое, пожалуй, так легко к капитализму не отнесёшь. Во всяком случае, такой вопрос поставить можно. Дальше, допустим, выпить лишнего, пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал выпивать вообще при Советской власти? Почему это пережиток? Это как раз тоже наше явление.

Ну, даже возьмём такую очень распространённую штуку, как эгоизм. Опять-таки, если люди, которые говорят: эгоизм – это пережиток капитализма несомненный. А другие возражают: эгоизм – здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит, что с ним хочешь, то и делай. И много других таких явлений есть, о которых мы так и не знаем, куда их отнести ...и обычно сваливаем в одну кучу и говорим – это пережиток капитализма. А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удальство, оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек

прёт вперёд, стремится к цели и часто разрушает на своём пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самых настоящих пережитков (экономических методов) капитализма как раз мы не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин мечтал открыть бакалейную лавочку. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А между тем мы наблюдаем в жизни, как один человек бессознательно «эксплуатирует» другого. В позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал».

Заказать постель – он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить – не мог. Пошёл купить раз огурцов – купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти – ничего не мог. И я на него работал всё это время. Он «эксплуатировал» меня и спокойно жил моим трудом...

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности если спросим женщин – как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну кого это касается, по-семейному согласились. Я служу, и жена служит, а кроме того, и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не приходило, что я сам должен штопать носки. А в коммуне я понял, что такое атависты со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда. А девочки говорят, разве они не могут чинить. Ах, так – говорю. Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчики – комсомольцы, каждый день урок, как штопать носки. «Не мужское это дело», – говорят. И тут я им всласть наговорил. И учились, и научились, и чинили носки, и заплаты делали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщины это трудно, это большая работа, и иногда приходится наблюдать наших замечательных советских женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами всё наше напряжение и наши радости и печали, где-то там по ночам, когда глава

семьи спит, чинят носки. Куда это годится? Никуда не годится. А что такое штопать носки? Приятная эта работа. Вы не думайте, что я достиг в этом вопросе совершенства, но я, честно, не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки, но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошёл ещё до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, всё-таки я ещё носков чинить не буду. Я ещё не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я не вижу, что этого ещё нет. В особенности я задумался над этим вопросом недавно, когда ко мне пришла одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. «Чего вы не плачете?» – «Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин». «Кого, вас?» – «Нет, я одинокая». Затем я понял, что у неё есть основания страдать. Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит у нас. Мы его всегда видим, всё знаем и всё благодушно допускаем, пользуясь чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу-женщину, но и любящего нас человека. Вот какая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не только буржуазные в самом своём содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, из нашего роста – это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и который составляет настоящую систему пережитков стороны. Это старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лет, а человечество 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системы морали не замечаем, что её нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика. Нам кажется, что мы покончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот этическая система представления о поведении, традиции, представления о нравах, об

идеалах, поведении у нас ещё очень крепко живёт и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этические представления христианства. Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю всё то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю эту европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или католике, а и в еврее и магометанине. Вся накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков.

Среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и самым трудным объектом своей заботы воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки, – это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихоня, который всем нравится, который всё сделает, лишний раз на глаза не попадётся, никакой дурной мысли не выразит, – у себя в спальне среди 15 товарищей имеет сундук и запирает его на замок.

И это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот тихоня так и проскользнёт мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, а я всегда буду ждать: а что он сделает. По отношению к таким тихоням я особенно всегда настороже. Я тряс его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой – и прикидываться хорошим человеком!

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей приглядности. И эта корзинка, которую человек запирает на замок, – это страшная вещь. Представьте себе, живут 15 мальчиков. На нашей территории нельзя было ничего запирать, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираться. 90 спален, когда ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человек получится, и таких людей ни наказанием, ничем не проберёшь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с таким возился. Все знали,

что он «иисусик», что у него добрые глаза, что он по виду как будто очень хороший человек, но ни одному поступку его мы не верили.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, нет – говорю. Почему? Потому что ты «иисусик».

И наконец, он понял, что нельзя быть «иисусиком». Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец ушёл он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришёл ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: «Сволочью ты был, сволочь есть, и сволочью ты и останешься».

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: «Сколько вы со мной возились и ничего со мной поделать не могли, но вот то, что вы мне сказали: сволочью был, сволочью и будешь, – этого я забыть не могу. И сволочью я не буду». И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может.

Он не может допустить, чтобы я был прав: и он приехал и говорит: вы ошиблись, не буду сволочью, вы увидите. Я сказал: посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим. А ребята пишут: «Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим». Из другого города писали: «Что с Сергеем? Что-нибудь он уже выкинет». Но его всё-таки удалось удержать. А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали! Вот эти «иисусики» – самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всём её объёме.

Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему такая сентиментальность – это самый большой цинизм в практической жизни. И эти пережитки остались. Тот добр, тот всё прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики «добра» противоречат нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к

практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики.

И не нужно говорить об идеалах, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеальнее совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмём такой простой вопрос: пить воду можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка – зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей христианской инструментовке, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьёзному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимум висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимума. Ничего не может быть свято, если это святое не идёт навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко, когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придёт в коммуну и не похвастается, что он пьёт водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16-17 лет и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий, вопрос – курение. Курят ученики 5, 7, 10 классов. Что мы – педагоги делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение, эта же христианская душа запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат – курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т.е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что всё у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем, всё благополучно. Но это ещё курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моём плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый

выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знаю, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить 5 лет, 5 лет будет пить и будет пьяницей.

И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьёт после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал. Я пришёл к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, всё очень культурно, я собирал 8-10 человек «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: «Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто». – «Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило – закусывай. Повторите. И третье правило – знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека». Это, говорят, хорошие правила.

«Ну, давай проделаем первое упражнение».

Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. «Ну, теперь идите спать!» И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?» – «Спасибо, сердечное вам спасибо, – говорят. – Будем всегда ваши правилам помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдёшь в город и

купишь бутылку, нужно ведь её всю выпить, куда же девать остаток. Закусывать? Где будешь закусывать? И поэтому всё так и делается неправильно. Пьёшь – и всё». И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианин и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я ещё не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапоть, замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился, а он сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств – и запил. И теперь пьёт. Я уже его взял в руки, я его отправил в колонию к Калабалину.

И некоторые из горьковской колонии хорошие ребята пьют только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как его привести в культурный вид. Мы всё кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошёл на путь максимума, я покупал табак и папиросы, и они курили в моём присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством, и наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даёте. И уж при этом условии младшим не покурить. Конечно, я мог вызвать врача, своего воспитанника и сказать себе: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: «Что у тебя с лёгкими делается, ты год проживёшь». – «А что такое?» – «Да там один никотин». Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15-20. И очень многие взрослые мальчики-комсомольцы бросали курить именно потому, что я не делал максималистской проблемы.

Что всё это доказывает? Прозаичность нашего

этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение может только калечить. Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Одному из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: «А для чего жить, а какая цель?» У вас это тоже, наверное, бывает. Встаёт вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живём, а потом умрём и сгниём.

Я с ним возился, возился – не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» – «Да». – «Ну что же, с такой же материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу». И убедил человека. И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т.д. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, завтрашней, у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по-старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве.

Какое дело христианской этике до вопросов труда? А у нас труд – это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все, – значит, это норма морали.

Но возьмём более сомнительные нормы, например, такие нормы, которыми не могут значиться в христианстве, например, точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки, и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, т.е. не хотел, чтобы были ранние браки, считая, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты всякими и педагогическими и непедагогическими способами, т.е. говорил: «Брось свою любовь». Так что это было объектом моего преследования.

И всё-таки был случай, когда одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье, я подсел и говорю: «Ждёшь кого-то». – «Нет, так сижу». – «Неправда, – говорю, – ждёшь такого-то и такого-то. Давай ждать вместе».

Ждём, ждём. 5 часов – нет, половина шестого – нет, и наконец в половине седьмого пришёл. Я на него накинулся: «Что за безобразие. Обещал в 5 часов – и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же до половины седьмого».

И вы, товарищи девушки, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни – это моральная норма. Вот, например, у нас, в Союзе писателей, существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: «Просят прибыть в шесть часов без опоздания». Это значит приходи в семь. Написано в шесть потому, что хотят, чтобы все собрались в семь. И если это все знают, то ещё опоздают и придут в восемь.

Какое циничное отношение к точности!

Мы требовать должны, но предъявлять исключительно посильные требования... Всякое превышение может только калечить...

Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения...

Те, кто считает, что у людей могут быть недостатки, иногда думают: если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток.

И вот как-то спокойно опаздывают на 1-2 часа, пренебрегая тем, что его сидят и ждут 20 человек. Это точность в простом вопросе, а проверьте вашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблён, всё отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел – влюблён или не влюблён. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы «я вас люблю», а говорил бы «вы мне понравились». Всё-таки это другое, тут надо подумать ещё, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством; точность в нашей жизни – это моральная норма, это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмём последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения от человека, что это жестоко. А я восхищаюсь, я вижу, как создаётся традиция точного отношения к времени. (*Аплодисменты*). Эта традиция станет привычкой, через 10 лет мы научимся уважать её,

сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своём движении.

Я могу гордиться – в моей коммуне всегда был такой порядок: какое бы заседание ни происходило, полагалось ждать три минуты после сигнала. После этого собрание считалось открытом. Если на заседание кто-нибудь из коммунаров опаздывал на пять минут, председатель говорил: ты опоздал на пять минут – получи пять нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и к товарищам. Мы в коммуне не могли жить без точности. Десятиклассники в школах говорят: не хватает времени. А в коммуне была полная десятилетка и завод, который отнимал 4 часа в день. Но у нас хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса – за опоздание самое большое наказание. Скажем, коммунар говорил мне: ухожу в отпуск до восьми часов. Он сам назначал себе время. Но если он приходил в пять минут девятого, я его сажал под арест. Кто тянул тебя за язык? Ты мог сказать в девять часов, а сказал в восемь, – значит, и приходи так.

Точность – это большое дело. И когда я вижу, коммунар дожил до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без него не может быть коммунистической этики.

В точности проявляется основной принцип нашей этики, это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит: «...как эгоизм, так и самоотверженность есть при определённых обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов».

...Я наблюдал в одной колонии, которую ревизировал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра? Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет – и выйдите в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти – уступи дорогу другому. И действительно – помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворён.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в шестьсот человек проходит к театру, даётся сигнал – справа по одному бегом, и шестьсот

коммунаров вбегали в течение одной минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика. Если бы все граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто никогда не давил и все вошли бы. Личность выигрывает именно потому, что есть расчёт на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только моё. Логика старая: я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая: я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому противно смотреть на жадного эгоиста, который хочет сейчас ухватить, ухватил, пожирает и забывает, что именно при таком способе действия вместо радости обязательно в каком-то случае схватишь горе...

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, он вреден для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, он решается тем, чем определяется всё наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчёт в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм. Любовь так же нужно организовать, как и все дела. Любовь так же любит организацию, как и всякая работа, а мы до сих пор думали, что любовь – это дело таланта. Ничего подобного.

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, кто влюблялся, был убеждён сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них и думал: вот на этого чернобровая произвела определённое влияние, которое в ближайшее время может сказаться в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, испорченных нервах.

Я должен был воспитывать чувства этих людей.

Этическая проблема «полюбил – разлюбил», «обманул – бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учёта, проверки и обязательно умения планировать своё будущее. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь – это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно – поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастных людей быть не должно. И я убеждён, что при развёрнутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю – выиграть, как в рулетку, – счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы ещё мало об этом думаем. Но вот я в своём маленьком опыте подошёл к этому и говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека? Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность – никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить.

Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий. Счастье сделается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т.е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим Вот, товарищи, я заканчиваю. Для того, чтобы разрешить все вопросы коммунистической этики, нужно много думать, мыслить, писать об этом, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном поступке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

Разрешите закончить.

Вопрос. Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?

Ответ. Я не говорил, что точность – единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос. Недостатки изменяются. Достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?

Ответ. Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос. Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучаем и мучаемся сами.

Правильно ли это?

Ответ. Маркс считал, что дети с 9 лет должны принимать участие в производительном труде. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием

в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос. Прошу ответить: вы встречали ваших героев во «Флагах на башнях», работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?

Ответ. Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убеждён, что каждый детский коллектив может быть таким, и требую этого. Только, в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил: это возможно, если от детей требовать правильного поведения. Кроме требования нужны и другие меры. Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12-14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более весёлый, бодрый.

В книге «Флаги на башнях» нет ничего выдуманного, там описана только правда. И я это сделал, прекрасно понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интересно. Но я служу интересам коммунистического воспитания и не считал себя вправе описать не так, как было.

Вопрос. Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные.

Ответ. Совершенно правильно, не только студенты. Я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но и изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо...

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно».

Вопрос. Нет ли в книжке «Флаги на башнях» замысла более широкого, чем показать детский коллектив?

Ответ. Я хотел показать, что настоящая педагогика – это та, которая повторяет педагогику всего нашего

общества. Требования нашей партии – большие требования к человеку и коллективу.

И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю: наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько же требовали...

Вопрос. Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?

Ответ. Это насчёт курения. Я не имею права отвечать сейчас на такой вопрос. Я думаю, что, если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не более 7 папирос в день, и сказал бы им: вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14-15-16 лет, а в 18 – ничего. Я сам курю с 14 лет.

Вопрос. Один ученик избил другого. Последствия – увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?

Ответ. Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим её в летний санаторий, она отдохнёт и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я считаю, что дети даже толкать не должны друг друга. Они должны двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать – вон площадка, можно там бегать. Извольте здесь вести себя прилично.

Вообще воспитание сдержанности, торможение движений – прежде всего. А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос. Как воспитываете своих детей?

Ответ. Я не воспитываю своих детей потому, что у меня их нет. Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, и детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю как умею.

Вопрос. Необходимо издание журнала «Школа и семья».

Ответ. Это правильно. Я вижу, в каком беспомощном

положении находятся родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен.

Вопрос. Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание – самое лёгкое дело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они ещё не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?

Ответ. Такой вопрос задал мне Эррио – французский министр, когда приезжал ко мне в коммуну: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе с правонарушителями и нормальные дети?»

Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе.

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание – лёгкое дело и, конечно, в школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» – «Мы вызываем родителей».

Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведёт. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани – не бейте». – «Хорошо, до свидания».

Каждый понимает, в чём дело. В глубине души педагог думает: хорошо, если он его побьёт.

Иной родитель после такого разговора прямо берётся за ремень, а другой просто ничего не делает, и всё идёт по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт школьника. Чтобы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады.

Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье.

Вопрос. Могут ли быть у детей отрицательные черты характера, или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?

Ответ. Могут быть дурные привычки у ребёнка с плохой нервной системой, и часто прежде всякого педагогического вмешательства нужно просто пригласить врача. Иногда советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Из-за этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем менять коллектив.

МОИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Товарищи, я не докладчик, потому что я не учёный, у меня нет научных трудов по педагогике. Я чувствую себя просто как человек, которому доводится перед вами отчитываться, сделать маленький авторский отчёт: и педагогический и литературный. Поэтому прошу вас иметь в виду, что никаких твёрдых выводов я сам ещё не имею. То, что сделано в жизни мною и моими коллегами-коммунарами,– это ещё только опыт. И очевидно, для того чтобы из этого опыта можно было сделать какие-либо определённые выводы, надо ещё проверить его не раз и не два. Поэтому единственная форма внимания, которую я у вас прошу,– это такая.

У меня свой опыт, своя жизнь; у вас свой опыт, свои мысли. И сегодня произойдёт некоторое столкновение наших мыслей. Может быть, они пойдут параллельно, может быть, пересекутся, может быть, при встрече рассекут друг друга, но от этого столкновения всегда будет польза.

Наше дело, дело коммунистического воспитания,– это новое дело в мировом масштабе. Если мы возьмём такие области, как техника, литература и другие, то там всегда вы что-то получаете от прошлого поколения. В области

коммунистического воспитания дело обстоит сложнее, потому что 20 лет назад эти два слова почти не сочетались: коммунистическое воспитание. И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы ещё плаваем, и будем ещё плавать, и не можем не плавать. И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное – не бояться ошибок, дерзать.

Вот коротко о значении нашей сегодняшней встречи.

Мне очень трудно перед вами отчитываться, потому что у вас есть литературный факультет, там преобладают интересы литературные. Я немножко литератор,– значит, я должен отчитываться и в литературных моих делах. Но я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа – только форма педагогической работы. Поэтому говорить 6 литературе я буду очень немного.

Коротко я вам расскажу о своей биографии, педагогической и литературной, чтобы не было недоразумений. Потому что и сейчас многие думают, будто я бывший полковник. Я не только не был полковником, а и военным никогда не был. Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал более сорока лет. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя, с 1905 г., получив самое низкое педагогическое образование: я закончил одногодичные педагогические курсы при начальном училище. Теперь такого низкого образования, кажется, даже и в помине нет. Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц. (Голос. Церковноприходской?) Нет, извините, не церковноприходской. Нет, в заводской школе. Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество. Я сам был членом этого общества как сын рабочего этого завода. И в этой школе я работал девять лет, и этот опыт имел для меня большое значение. Потом, уже в 1914 г., я поступил в учительский институт, даже не педагогический вуз, который закончил с золотой медалью. И после того я получил колонию для правонарушителей им. Горького.

Шестнадцать лет, с 1920 по 1935 г., я вёл один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского.

Это один коллектив. Если вы читали «Педагогическую поэму», вы помните, что когда меня Наркомпрос Украины «ушёл» из колонии им. Горького, то я перешёл в коммуну, здесь, у вас, в Харькове. И там уже было пятьдесят моих горьковцев. А вслед за мной ещё сотня горьковцев перешла в коммуну им. Дзержинского. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького.

Вот тогда, в коммуне им. Дзержинского, я и написал первую свою книгу «Марш тридцатого года». Она вышла, но я не видел и не читал – не было ни одного учительского письма по поводу этой книги, ни одной критической заметки. Она так и провалилась, куда-то исчезла. И только один учитель на эту книгу отозвался и похвалил её. Этот учитель, самый неутомимый учитель – Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить её (я ему не посылал этой книги), прочитать и написать мне письмо[1].

А после того я написал «Педагогическую поэму», которая вышла частями в 1933, 1934 и 1935 гг. Потом ещё написан был роман «Честь», «Флаги на башнях» – последняя книга, имевшая для меня и для истории моих взглядов очень большое значение. Многие утверждают, что она лучше «Педагогической поэмы», другие – что никуда не годится. (С м е х.) Я склоняюсь, конечно, к серединке: это и не лучше «Педагогической поэмы», но и не такая уж плохая книга. Во всяком случае, есть в ней что-то и хорошее.

Я ещё написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Последние два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовые колонии. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в колонии им. Горького были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей «семейных»...

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьёй, и мне показалось нужным написать такую книгу для родителей. Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье главным образом, но приходится касаться и школы.

Третий том будет посвящён вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвёртый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь – не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно?

За «Книгу для родителей» меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, а педагоги – за то, что она слишком литературна и никого не поучает. Но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе.

Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи. Я пришёл в Наркомпрос РСФСР и сказал: «Вот мною написана книжка для родителей; может быть, я ошибаюсь или выступаю как еретик. Посмотрите». А они говорят: «Не хотим, потому что у нас нет такого отдела семейного воспитания». Я спрашиваю: «А какие отделы у вас есть?» Мне отвечают: «Есть школьный отдел, есть отдел дошкольного воспитания и т. д.» Я говорю: «До свидания!» Я решил, что мы поделили функции: у них отдел школьного воспитания, у меня будет отдел родительского воспитания. Чувствуя за собой такой авторитет, как школьный отдел Наркомпроса, который обладает глубокой эрудицией, я думал, что мне не надо касаться тех вопросов, которые обслуживает Наркомпрос, а я коснусь тех вопросов, которые никакого отдела не имеют и которыми никто не заведует.

Вот почему получилось, что я больше писал о семейном воспитании и нарочно назвал этот том «Книгой для родителей». И всё-таки не помогло. В одном московском журнале была напечатана статья «Вредные советы родителям»[2].

Вообще я не люблю читать критических статей о моих произведениях, но эту я прочёл. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредная.

Я решил, что этот упрёк не так большой руки, и продолжаю писать «Книгу для родителей». А о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать.

А о школе должны писать вы – педагоги... У вас много мыслей, много чувств. Пишите!

Вот мой краткий отчёт. Ну, что же ещё сказать о литературных достоинствах и недостатках моих книг? Есть

один вопрос, который вас как литературоведов, возможно, интересует. Говорят, в книге «Педагогическая поэма» нет выдумки – это фактография. Один критик даже так написал: «Была у человека интересная жизнь, он её описал. Всякий, у кого есть интересная жизнь, может написать такую книгу, и поэтому Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф».

Я обиделся, конечно. Как это так: я не литератор, а написал книгу? Спрашиваю на одном диспуте: «Почему вы говорите, что это фактография?» А критик мне отвечает: «Потому что у вас, написано всё то, что было. Нет выдумки, нет синтетических образов».

Я тогда сделал серьёзное лицо и говорю: «Позвольте, откуда вы знаете, что там нет выдумки? Какие у вас доказательства, что это всё правда?» А мне отвечают: «Так это же видно. Вот по Задорову вашему видно, что он был и вы его ударили».– «Ничего подобного! – говорю.– Задорова не было, и я его не бил; это всё выдумка».

Он мог мне поверить, мог не поверить – это его дело. Но доказать мне, что я не прав, он не мог. Я имею право выдумывать? Имею. И потому никто не может ко мне придраться: это выдумка или не выдумка. Никто не имеет права требовать от меня отчёта об этом. А вам так, по дружбе, говорю, что ни в «Педагогической поэме», ни в «Флагах на башнях» нет выдумки, за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций...

Вот единственный литературный вопрос, который я считал нужным осветить вам.

Теперь, товарищи, перейдём к педагогике. Я хочу говорить очень коротко, потому что мне задали много вопросов, и в ответах на эти вопросы, думаю, всё и придётся сказать.

Какое право я имею говорить с вами сегодня? Единственное право: я работал 32 года педагогом – раз, и старался размышлять над своей педагогической работой – два, и у меня была некоторая своя, как бы это сказать, манера педагогической работы. Эта манера пришла ко мне не от моих талантов. Она пришла от необходимости, от характера того дела, которое мне поручили.

Мне повезло в том отношении, что я был шестнадцать лет в одном коллективе, в том отношении, что там были прекрасные товарищи, сотрудники, коллеги. Благодаря этому самые трудные и большие задачи у нас постепенно выкристаллизовались в некоторое подобие системы. И у меня самого по мере размышления над опытом

выработалась некоторая система взглядов, может быть, отличных от общеизвестной, общеупотребительной системы взглядов. И вот об этих моих отличиях я и хочу говорить. Отличия эти оправдываются тем, что я работал не в обычной школе, а в особом учреждении, и повезло мне больше, чем кому-нибудь другому.

Если охарактеризовать мою удачу, то она была очень большой. Достаточно вам сказать о такой удаче. Последние годы коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчёте. Это совсем не пустяк. Вы представляете себе детский коллектив, который живёт на хозрасчёте? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству. Эта удача огромная, потому что хозрасчёт – замечательный педагог. Как будто он закончил три педагогических вуза. Он очень хорошо воспитывает.

И кроме того, хозрасчёт гораздо добрее бюджета, богаче бюджета. Я мог тратить в год 200 тыс. рублей на летние походы, 40 тыс. рублей заплатить за билеты в харьковские театры. Я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину. Разве школа может это купить?

Хозрасчёт – это результат хозяйственной деятельности. Но он даёт ещё и другие результаты. Я совсем недавно встретился с одной коммунаркой, которая заканчивает исторический факультет, но она, кроме того, имеет квалификацию пятого разряда фрезеровщика и пятого разряда по оптической специальности и, кроме того, будет иметь квалификацию историка[3]. Вот прекрасный букет квалификаций, а марш к нему ещё приятнее и организует сильные пучки влияния.

Мне повезло, и вот в результате этого я не стесняюсь высказать некоторые мысли, которые сейчас могут показаться вам странными, но через несколько лет, я уверен, вы будете со мной согласны.

Главнейшие особенности моих воззрений заключаются в следующем. В нашей школьной практике (я хорошо знаком сейчас со школами; нет того дня, когда бы я не был в школе) можно наблюдать то, что я называю гипертрофией индивидуального подхода. В медицине вы слышали термин «гипертрофия сердца», т. е. увеличение сердца. Ну, так вот, вследствие такой гипертрофии мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и

до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики. Я не против индивидуального подхода, но я считаю, что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, я не касаюсь вопросов образования) является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса.

Вот, к примеру, сегодня мне пришлось слушать реферат одного студента педагогического института на тему «Как нужно воспитывать советский патриотизм». Реферат интересный; видно, что студент хорошо поработал. В нём описывается опыт одной хорошей школы и доказывается, что советский патриотизм воспитывается, во-первых, на уроке, во-вторых, во внешкольной работе. Приводятся примеры хороших уроков, воспитывающих советский патриотизм, хорошей внешкольной работы. А вторая часть рассказывает о результатах этой работы с учениками школы, о разговорах с ними. Референт только по этим разговорам судит о советском патриотизме как о результате воспитания, доказывающем правильность метода.

Я прослушал реферат и задал такой вопрос референту: «Ну хорошо, методы прекрасные и результаты налицо. Но пытались ли вы проверить те детские слова, которые у вас приведены? Вот такой-то школьник говорит, что пограничники должны быть смелыми и что он тоже хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым. Проверили вы, смел он или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, то я имею право сомневаться в том, что в нём достаточно воспитан советский патриотизм». Я допускаю, что может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка.

Это особенно важно, когда речь идёт о воспитании таких качеств, как терпение, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. Сколько бы вы ни создавали правильных представлений о том, что нужно делать, но если вы не воспитаете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали. Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определённую группу привычек...

Я настаиваю на том, что в наших школах вопросу организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания.

Я потом этого референта смутил ещё одним вопросом. Я спросил его: «Те дети, которых вы считаете правильно воспитанными, как они ведут себя в известном вопросе, который называется не выдавать товарища педагогу?» (Есть такая проблема, такой трудный вопрос.)

Бывает так, что дети считаются прекрасно, коммунистически воспитанными, но если один товарищ сделал что-нибудь нехорошее, то класс его педагогу не выдаст. Если уж такое противоречие может иметь место, то я имею право усомниться в правильной линии воспитателя.

Я настаиваю на усилении внимания к формам организации детского коллектива. Я не буду долго говорить об этом: вероятно, придётся отвечать на вопросы на эту тему.

Перечислю только детали проблемы, на которые надо обратить внимание. Это, во-первых, вопрос о центре коллектива. У нас четыре центра плюс N центров неучтённых: директор, завуч, комсорг, старший вожатый. Это проблема очень важная. Я в своей работе организации центра уделил очень много сил и не так скоро решил этот вопрос. Для меня это чрезвычайно важно. Центр – это капитанский мостик, откуда идёт всё управление учениками, а не центр административный.

Вопрос центра, его влияния не разрешён совершенно ни теоретически, ни практически. Сколько я видел школ, и всё по-разному. В одной школе директор ведает всем, даже покраской полов, потолка. В другой школе завуч всем ведает. В третьей школе, говорят, комсорг решает вопросы, а в четвёртой школе – старший вожатый. Эта одна деталь проблемы.

.Второй важнейший вопрос – устройство коллектива, то, что я называю сечением коллектива[4]. Я различаю первичный коллектив классов и общий коллектив школы. Какие принципы руководят нами в организации коллектива? Пока, можно сказать, у нас в этом деле почти нет никаких принципов. Просто есть классы, они существуют – и всё. Каждый класс живёт отдельно: X класс не знает, что делается в IX, а что делается во II и III классах и знать не хочет! Как относятся II и III классы к старшим? С уважением, с почтением, с влюблённостью? Совсем нет: вторые классы не замечают, что есть старшие, и знать их не хотят. Полное разобщение первичных коллективов.

Следующий чрезвычайно важный вопрос – дисциплина. Этот вопрос всех беспокоит, всех волнует. И,

несмотря на это, до сих пор в нашей школьной практике говорят о дисциплине как о дисциплине торможения.

Разве в этом суть советской дисциплины? Дисциплина торможения говорит: этого не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не бросай чернильниц в стены, не оскорбляй учителя; можно прибавить ещё несколько подобных правил с частицей «не». Это не советская дисциплина. Советская дисциплина – это дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперёд, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то – вот такая борьба нам нужна действительно.

А решён ли вопрос о целях и задачах воспитания? Этот вопрос тоже требует уточнения. Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и ещё много хороших слов. А в английской школе разве не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят. Нет, такая формулировка ещё не определяет наших целей. Наши цели особые: мы– должны воспитать коммунистическое поведение. Иначе говоря, наши цели могут быть выражены только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены очень подробно, точно. И вот давайте подумаем, что мы знаем о качестве характера коллективиста, человека коммунистического поведения. Какие наши представления об этом человеке? Ведь если скажем, что он честен, что у него должна быть воля, что он энергичен, то это ещё ничего не говорит. Это качества не только наши.

Честность коммуниста должна отличаться от честности так называемого хорошего англичанина. Ведь и в Библии есть указание на честность.

Наша честность требует положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран. Вот только на этом фоне мы говорим о честности. Любое нравственное качество у нас приобретает другое содержание, чем у буржуазии. У нас требуется особая инструментовка нравственных качеств, вовсе не такая, как, скажем, в Англии. И вот эти особые качества нравственной личности мы должны воспитать. К примеру, возьмём такую важную способность, как деловитость.

Ведь и в буржуазном представлении деловитость – это хорошее качество. Но как понимается деловитость в

буржуазном мире? «Ты должен быть деловитым, потому что много есть шляп неделовитых, и ты должен быть сильнее их». Буржуазная деловитость – это качество для того, чтобы победить неделовитых, взять над ними верх, обратить их в рабов, в эксплуатируемых. Такая деловитость – орудие эксплуатации. А у нас каждый советский человек должен быть деловитым, деловитость одного человека не может мешать деловитости другого человека. Значит, у нас деловитость – нравственное качество, и требование деловитости – моральное требование. И воспитывать деловитость мы должны в каждом человеке.

Возьмите такое понятие, как точность... В нашей воспитательной работе точность как качество настоящего коммунистического характера должна быть такой точностью, когда точность начальника и точность подчинённого являются одинаковым моральным качеством.

Возьмите такое качество характера, как способность ориентировки, умение в самой сложной обстановке ориентироваться очень быстро, очень точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга, такое умение мы обязаны воспитывать.

Наконец, возьмём такое важное качество характера, чисто коммунистическое качество, как умение подчиняться товарищу – не богатому человеку, не хозяину, а товарищу,– умение приказывать товарищу. Мы с тобой товарищи, друзья, но наступает какой-то момент, и я получаю право приказывать. Тогда я должен уметь приказать, а ты должен уметь подчиниться, забыть о том, что минуту назад мы были товарищами. Это качество характера может быть развито только в нашей стране, где нет эксплуататорских классов, где нет власти, вытекающей из экономической силы, из собственности, из хозяйничанья... Вот эти качества мы должны воспитывать в нашем молодом человеке.

Я назвал очень немногие из очень многих качеств.

Теперь спросят: какими средствами мы обладаем для развития этих качеств? Ведь для того, чтобы научиться приказывать товарищу, нет других путей, как упражнения в этом приказании, и упражнения не в порядке баловства, шутки, а так, что невыполнение приказания влечёт за собой прорыв, когда товарищ несёт ответственность перед коллективом.

Вот, товарищи, то основное, о чём я хотел сказать. Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные

качества личности. Вот что мы обязаны сделать, и тогда, при этих условиях, индивидуальный подход будет действовать значительно сильнее, красивее и целесообразнее. Потому что если коллектива и коллективного воспитания не будет, то при индивидуальном подходе возникает риск воспитать индивидов, и только.

Я не буду вас утруждать другими деталями этого вопроса. Уверен, что в ответах на вопросы придётся об этом говорить.

Теперь только в заключение моего вступительного слова скажу, что все это вопросы чрезвычайно трудные. Трудные потому, что хорошие качества создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь особым, быстродействующим приёмом или методом.

Создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного, гордого коллектива. Но организовать такого рода опыт – это значит обязательно рисковать.

Вопрос о риске – самый трудный вопрос. Первый риск, первая опасность заключаются в том, что, если вы решили так вести работу с коллективом, вы обязательно через четыре месяца встретитесь с контролёром, который вас спросит: «А что вы сделали? А покажите готовые коммунистические характеры, которые вы создали». А вы не можете показать: они у вас будут созданы через пять лет. Как через пять лет?! Сейчас в отчёте показать нужно, что вы создали. (*Смех.*)

Это очень большая опасность, так как часто погоня за отчётными данными приводит буквально к анекдотам. Вот я сегодня был в одной школе и застал там учителей в панике. Говорят: облоно принял обязательство добиться стопроцентной успеваемости, гороно принял такое же обязательство, и наша школа, и наш класс обязались добиться стопроцентной успеваемости. А у нас сидит в IX классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо». Это его специальность: он получает только «плохо». Ничего с ним не можем поделать, и не может быть стопроцентной успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства и окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы обязались, дети обязались. Дали обязательства, заранее зная, что есть Балмесов. Придёт такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уже ему тройку». И все об этом сбудут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других

классов. Но все будут думать: «Не обманешь – не продашь». Это и называется стопроцентная успеваемость! Говорят: для отчёта нужно. Я им и говорю: «Неправильно поступаете».– «А как же поступить?» – «Так должны поступить: не можем взять на себя таких обязательств, не можем выполнить».

Вам скажут, что это ссылка на объективные причины? Да нет, не объективные причины, а этот самый субъект Балмесов. Нужно пожалеть человека, пожалеть Балмесова. Больше «плохо» он получить не может.

Его насилуют, ему измочалили нервы, его ненавидят, потому что он мешает целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Зачем вы держите его в IX классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, не обманывайте ни учеников, ни себя.

Вот такая опасность ждёт и нас.

Вторая опасность – очень серьёзная. У нас часто любят говорить: «Создадим людей закалённых!»

Ну, давайте создавать. Что такое закалка?

Можно ли закалить человека, если его обмотать ватой, чтобы он не простудился? Сознательно надо рисковать (я говорю, конечно, в переносном смысле). Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться. Если вы будете бояться, что он сорвётся, не поставите трудных задач,– значит, он сорвётся обязательно.

Директору одной школы, которому я помогаю по-товарищески и которого люблю как человека, я говорю: «Заведи ты сторожевой отряд, чтобы охранять школу; конечно, с пустыми винтовками. Составь его из старших учеников X класса, VIII, VI, IV и потом из вторых классов. И пусть этот отряд с 8–9 часов вечера занимает свои посты, пусть дежурят по два часа поочерёдно. Одни дежурят, другие ожидают в караульном помещении».

А директор возражает: «Но таких маленьких ведь мать не пустит». А я беседовал с маленьким, и он говорит: «Пусть только мать не пустит, я убегу!» Правильно, он убежит! Он будет воодушевлён мыслью о том, что он охраняет свою школу, да ещё под командой десятиклассника, с которым он волей-неволей должен будет подружиться. Конечно, мальчик будет стоять на посту. Тут ночь, жутко,

собаки бегают, помещение далеко. Пусть подрожит, испугается, в крайнем случае переполох будет.

Во всяком случае, я не знаю, до сих пор я не встречал ещё иного способа закалки, как закалка. Это единственный способ, и на такую закалку надо идти. И знайте, что у ребят аппетит к этой закалке страшно большой, и никакого сопротивления со стороны ребят вы не встретите. Наоборот, встретите полную поддержку. Тот мальчик, который будет стоять на посту и побаиваться, никогда не скажет, что он трусил. Придёт, ты его спрашиваешь:

«Что, боялся?»

А он отвечает: «Нет! Чего там бояться!» Храбрый – это не тот мальчик, который не боится, а храбрый тот, который умеет свою трусость подавить. Другой храбрости и быть не может. Вы думаете, идти на смерть под пули, под снаряды – это значит ничего не испытывать, ничего не бояться? Нет, это именно значит и бояться, и испытывать и подавить боязнь. А вы мне говорите: «А если он будет бояться?» Так он и должен бояться, и пускай боится, чтобы было, что преодолевать.

Но директор, конечно, не согласился поставить сторожевой отряд.

Другой пример из той же школы. Прекрасная школа, новостройка, односменная, паркет в коридорах, широкие коридоры. Паркет грязный, т. е. цвета грязи.

«Почему,– спрашиваю,– такой грязный паркет? Ведь паркет здесь не для того укладывали паркетчики, чтобы его сверху покрыть грязью. Ведь паркет для того укладывали, чтобы он блестел». Говорят: «Ну что же мы можем сделать? Натираем два раза в месяц, но его же нельзя натереть, его нужно мыть, а потом натереть. Что же делать?» Я говорю: «Пускай ученики натирают».– «Как ученики?» – «Обыкновенно. Вот по утрам, перед занятиями, приходит какая-то очередная группа во главе со старшим, становится на щётки и натирает паркет».

Вы думаете, это детям не понравится? Мало того, что надо натирать, надо, чтобы за десять минут до звонка приходил другой какой-нибудь товарищ из какого-нибудь V класса, с каким-нибудь краснокрестовским знаком, знаком санитарии, и говорил старшему десятикласснику: «Сдавай паркет. Как ты натёр? Что это? А вот это – что? Не принимаю работы!» И с рапортом к директору: «Такая-то группа под руководством такого-то десятиклассники паркет не натёрла». Вы вызываете десятиклассника и говорите

ему: «Как же так?» И начинается уже последующая педагогическая работа.

Это что – закалка или нет? Закалка. Для этого нужно на час раньше встать и проделать другую работу. И это полезно знать. Очень полезно уметь натирать паркет. Вот та самая девушка, о которой я говорил, что она заканчивает исторический факультет, рассказывает мне: «Я живу с четырьмя девушками в студенческом общежитии. Только одна беда – они не умеют натирать паркет, а я умею. Коммунары всё умеют. Так они меня заставляют натирать паркет, чтобы было чисто».– «Что же ты сделала?» – спрашиваю.– «Я их уговорила, что нужно натирать паркет».

У коммунаров натирали паркет каждый день и принимали его очень строго, и блестел он как зеркало. Но такая натирка паркета есть закалка. И трудно на такой паркет плюнуть, как и в московском метро, где никто не стоит и не смотрит. Нельзя плюнуть на пол, нельзя бросить окурок. Физически нельзя: мускулы не действуют для этого! Так же точно, если все школьники знают по опыту своей школы, что они каждый день натирают свой паркет, то никто уж не сможет на него ни плюнуть, ни бросить бумажку. И я знаю, что без такой закалки не может быть настоящего коммунистического воспитания. Тот ученик V класса, который придёт принимать от ученика X класса проделанную работу, будет учиться приказывать товарищу, а десятиклассник будет уметь подчиняться. Я на этом заканчиваю, товарищи. Теперь приступлю к ответам на вопросы.

Товарищи, здесь есть такие вопросы, которые устанавливают взгляды на меня как на оракула... На такие вопросы я отвечать не буду, отвечу на вопросы посильные.

Есть такой вопрос: «В ваших произведениях показывается процесс перевоспитания детей. Почему же не показана ведущая роль учителя в этом процессе?»

В «Педагогической поэме» я показал свою ведущую роль – я учитель или нет? Я педагог или не так надо понимать? Или вы хотите, чтобы я показал ведущую роль в классе?

Видите, я не описал школы, я описал колонию, жизнь коллектива, жизнь товарищей, в том числе и учителя.

Нам не нужно обязательно чваниться. Ведь когда молодой человек оканчивает инженерный вуз, он идёт в конструкторское бюро самым рядовым работником и выполняет простые задачи – разрабатывает конструкцию

какого-нибудь маленького узла. А когда мы оканчиваем педагогический вуз и идём работать в школу, то мы говорим – я играю ведущую роль. Кого мы можем вести? Нас вести ещё нужно, и ещё довольно долгое время.

Надо быть скромным по отношению к себе, и я настаиваю на том, что учитель – это рядовой работник. Если он не сумеет быть хорошим рядовым работником, он никогда не сможет быть хорошим руководителем. Ведущая же роль в коллективе должна принадлежать руководителю коллектива, опытному педагогу, которому весь коллектив должен быть предан.

Вот, например, если бы мне поручили сейчас взять школу, что я прежде всего сделал бы? Я собрал бы всех учителей и сказал: «Вот план, согласны или не согласны? Вы талантливый педагог, опытный человек, не согласны с планом, очень вас прошу, уйдите от нас. Вы молодой педагог, только что окончили вуз, ещё мало знаете, оставайтесь с нами, если вы согласны с нашим планом».

Единство педагогического коллектива – совершенно определяющая вещь, и самый молодой, самый неопытный педагог в едином спаянном коллективе, возглавляемом хорошим мастером-руководителем, больше сделает, чем какой угодно опытный и талантливый педагог, который идёт вразрез с педагогическим коллективом. Нет ничего опаснее индивидуализма и склоки в педагогическом коллективе, нет ничего отвратительнее, нет ничего вреднее.

В едином педагогическом коллективе не нужно гнаться за тем, чтобы блеснуть своими собственными достижениями, нужно гоняться за тем, чтобы блеснуть достижениями целого коллектива, и тогда и вас будут любить, получится советский стиль, самый важный и самый нужный. Такую роль я именно и пытался изобразить и не хотел выпячивать отдельного педагога, потому что я хотел писать о коллективе и о влиянии коллектива.

Вопрос: «Ваше мнение, как необходимо построить курс педагогики, чтобы вооружить студентов – будущих учителей – необходимыми знаниями?»

Дорогие товарищи, не думал над этим и сейчас быстро не сумею сообразить. Но над некоторыми отдельными вопросами думал. Я, например, считаю, что у нас в педагогических институтах нужно кое-что добавить для того, чтобы воспитательная работа учителя была всё-таки подготовлена в вузе. Так, например, я бы ввёл у вас как обязательный предмет постановку голоса. Пригласил бы хорошего артиста, и он поставил бы всем голос. Без постановки голоса

очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить...

Вы прекрасно знаете, чем поддерживается дисциплина в классе. Можно послать самого боевого, самого «свирепого» человека в класс; он войдёт и скажет: «Тише, не кричите!» Но над ним будут хохотать. А можно послать в класс нежнейшее существо, почти не обладающее никакой властью, которое так скажет: «Иванов, сядь на место»,– что и он сядет, и все остальные сядут, довольные тем, что заметили Иванова, а не его.

Кроме того, я ввёл бы ещё такие практические занятия в педагогическом институте. Вот группа. Вас 25 человек. Вы собираетесь, усаживаетесь где-нибудь у стенки. Один из вас занимает директорское кресло, а другой изображает провинившегося ученика, который обвиняется в том, что он сказал неправду. Пожалуйста, разговаривайте с ним, а мы будем смотреть, как вы будете с ним разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал. Только таким путём можно научиться разговаривать, а с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, знающих советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют. Это надо поставить в программу педагогики. Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

Вопрос: «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину как результат воспитания, так что основной путь воспитания дисциплины – это весь воспитательный процесс. Дисциплина – это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством. Я считаю, что главные средства воспитания – это хороший коллектив педагогов и хорошо организованный, единый коллектив учеников. Требований – вот чего мы не умеем предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали «Флаги на башнях». Нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки». И критики говорят: «Что это за беспризорные: никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут,

ничего не разбивают». Я ответил десятиклассникам, что то, что они проповедуют, я называю моральным оппортунизмом. Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив – пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть – всё в порядке... Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики. Ну, ничего не поделаешь, но коммуне не верят!.. За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев. И так только и должно быть. Иначе быть не может в советском детском коллективе. Мы не имеем права допускать иных порядков. Но ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, осмотрев коммуну: «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книжку, и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это не только советская действительность, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детские коллективы должны быть счастливыми коллективами, и поэтому к ним должны быть предъявлены большие требования. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать. Это наш, советский принцип. Мы от членов партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары, мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк часто сидели под домашним арестом. Вот есть в Москве мой друг Вася Клюшник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить двухпудовый чемодан в походе... Не могу носить его – я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно, одному человеку всё время носить такой чемодан невозможно. Пусть носит первый комсомольский взвод». Этот незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни

одна трёшка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Клюшник, прекрасный человек, он у меня под арестом сидел чаще других. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не просил отпуска, а докладывал мне: «Антон Семёнович, я ухожу до семи часов в отпуск».

Есть, записал. Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечал за себя. Раз уходит в отпуск,– значит, знает, что делает. Но пришёл в десять минут восьмого. Дал обещание, назначил срок и опоздал. Садись под арест! Тебя никто не тянул говорить, что вернёшься в семь, а пришёл в восьмом часу. Дал обещание, назначил срок – исполни. А опоздал – садись под арест!

От таких, как Вася Клюшник, я особенно требовал, ничего не прощал. И Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощён.

Я прощался с коммунарами... Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов моей жизни. Я получил телеграмму – немедленно прибыть к месту назначения в Киев[a]. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься.

Я работал шестнадцать лет в коллективе. И кто по-нежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит – плачет.

Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же спрашиваю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. «На пять часов под арест этого коммунара!»

А он говорит: «Антон Семёнович, ведь вы прощаетесь». Но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его лучшие получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придёт, украдёт, ну, «попарят» его, но не наказывают. Если украдёт во второй, в третий раз, его опять-таки не наказывают... И новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать, так как в этом заключается доверие к его человеческой личности.

Вот условия дисциплины.

Следующий вопрос – о значении поощрений.

Я противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считалась благодарность в приказе, объявленная по коммуне. А приказ слушали все стоя. Приказ – это выражение воли коллектива, это коллективное поощрение. Так у нас велось непрекращающееся, постоянное соревнование отрядов по всем показателям. Кстати, для дисциплины огромное значение имеет учёт, а я ни у одного директора в кабинете не нашёл картотеки. Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки! Это некультурно... У нас должны быть карточки, учёт.

Я достиг больших результатов благодаря придирчивости, благодаря учёту. Скажем, мальчик ходил по классу. В его карточке будет отмечено, что такого-то числа он ходил по классу. Разговоров по этому поводу не ведётся: это не кондуит, тут другие традиции, поддерживающие порядок. Мальчик совершил проступок – записали: ты в апреле, в марте сделал то-то. Человек «отдувается» за то, что он сделал, и после этого он опять прекрасный товарищ. Никаких разговоров не ведётся; тем не менее учёт продолжается. Каждый знает, что, если он сказал учителю грубость, он за это получит. Но упрекать его за это потом всю жизнь никто не будет. Однако в карточке это будет отмечено.

Тут много всяких способов, чисто даже механических, которые укрепляют дисциплину. Вот одним из таких способов является ежедневный рапорт. Мне вечером иногда рапортовали человек шестьдесят. Это командиры отрядов, взводов, классов, производственных бригад. Но это делалось торжественно. Они выстраивались в две-три линии. Давалась команда: «Смирно!» И я должен был приходить подтянутый, как нужно. И рапорту бригадира или командира отдавался салют.

Все присутствующие, и учителя в том числе, стоят с салютом. И в таком рапорте указания о проступке ученика звучат на весь коллектив очень серьёзно. И рапортам этим мы придавали такое большое значение, что у нас даже было правило: рапорт не проверяется. Если мальчик пришёл ко мне в кабинет и рассказал о плохом поведении товарища, то я могу его проверить; если мальчик заявит на общем собрании о плохом поведении товарища, то его тоже можно проверить, можно расспросить свидетелей, можно установить, правду или неправду он сказал. Но если это сказано во время рапорта – проверять нельзя. Почему? Во время рапорта человек соврать не может, потому что ему же салютует вся коммуна, его рапорту, его работе, его отчёту

отдают салют 70–80 человек. Как он может соврать?! И знаете, не было случая, чтобы в рапорте была ложь. Такой рапорт должен был устанавливать дисциплину. Командир должен отметить в рапорте то, что произошло, он не имеет права скрывать. Если он что-то скрыл,– значит, он соврал; получается, что рапорт нужно проверять. И тут вопрос, выдавать или не выдавать товарища, отпадает. Это один из путей воспитания принципиальности и честности.

Одним из важнейших путей воспитания я считаю игру. В жизни детского коллектива серьёзная, ответственная и деловая игра должна занимать большое место. И вы, педагоги, обязаны уметь играть. Я вот немолодой человек, а я играл. Вот, например, пришёл ко мне командир, даёт рапорт. Я должен встать перед ним. Я не имел права принять рапорт сидя.

И другие подобные правила поведения были у нас широко распространены...

Такой вопрос ещё: «Пути полового воспитания в школе».

Очень трудный вопрос! Разрешите мне не отвечать, честное слово, голоса не хватит.

Дело в том, что я был в более трудных условиях, чем вы, или, может быть, в более лёгких. С одной стороны, дети жили день и ночь со мной, они не знали родителей, я был для них всё, но, с другой стороны, это были люди, повидавшие свет и многое испытавшие... Так что в половом отношении они были очень развиты, и воспитывать .их было трудно.

У меня были тяжёлые случаи, я не сразу нашёл способы правильного полового воспитания (правда, я считаю, что в общем-то мы выбрались благополучно). Особенных скандалов не было, но влюблялись.

Я решил сейчас обязательно написать книжку о любви, потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе (*в зале смех*), хотя я пришёл к этому убеждению в самое недавнее время, что любовь – это вовсе не наитие, и не случайность, и не несчастная случайность, а это обыкновенное дело, которое нужно организовать. (*В зале смех.*) Поэтому, воспитывая хороших организаторов, вы тем самым (простите меня за тривиальность) воспитываете хороших влюблённых; способность к организации поведения проявится и в этом. Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив – эта привычка к ответственности скажется и в

любовном отношении. Главные драмы проистекают от ощущения безответственности. При этом в области морального воспитания, как вы знаете, самая трудная цель вот какая.

Надо, чтобы человек поступил правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить... Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой. Если такую цель, не имеющую отношения к половому воспитанию, поставить перед воспитателем,– тогда и половое воспитание облегчается.

Само собою разумеется, что любовь в семнадцать лет – это, конечно, чепуха, в особенности у мужчины, который развивается позднее женщины. С влюблённым семнадцатилетним мальчишкой женщина даже не должна разговаривать. Но и у девушки в семнадцать лет тоже знаете, какая любовь... Если дать ей ход, она может окончиться несчастьем. Я, по крайней мере, не знаю случая, чтобы ранняя любовь, приведшая к браку, не кончилась какой-то «драмой»...

Я так говорю тем девушкам, которые влюбились в семнадцать лет: хотите замуж, а потом приходите и плачете – убитые глаза, похудевшее лицо, горе. Человек уехал, даже адреса нет. (*Смех.*)

А я таким девушкам говорю: выбралась ты хорошо из этого дела. Радуйся, что всё благополучно кончилось и что тебе не нужно подавать заявление об алиментах куда-нибудь. (*Смех.*) Но ещё лучше обойтись даже и без такого конца.

Поэтому я сейчас, когда встречаю своих бывших коммунаров, а встречаю я их очень часто во всех городах, я просто беру за плечи – дорогой, милый, хороший друг, не женись, подожди немножко, тебе двадцать лет, ну подожди, для меня подожди.

Девушки в таких случаях меня обычно успокаивают: «Да нет, вы не беспокойтесь, ничего такого нет. Там есть один, но кто его знает, он так только, смотрит, а ничего не говорит».

Значит, если скажет,– всё равно дело пропащее!

Тем не менее я в своей практике добивался торможением того, что задерживал эти любовные истории. Иногда приходилось стучать кулаком – брось, всё равно знаю... И пугливые натуры бросали (*смех*), а более экспансивные,

конечно, не могли бросить. И приходилось женить, даже приданое покупать, всякие цветы, швейную машину, квартиру, гардеробные шкафы и т. д. Ранние браки противоречат моим педагогическим убеждениям, и тем не менее я должен был это делать.

Факты женитьбы в 1932–1933 гг. показали коммунарам всё «счастье» преждевременной брачной жизни. Во-первых, нужно жить на маленький бюджет. Какой заработок в девятнадцать лет? Во-вторых, появляются дети, начинаются тайные исчезновения на вечерние заседания... А потом – сакраментальная формула: не сошлись характерами.

Так одна, другая неудачи сделались одним из наших важнейших козырей.

Обычно, если вижу где-нибудь парочку возле батареи, когда все спят, спрашиваю, нежно даже спрашиваю: говорят, что вы влюблены? Женитесь! Они говорят: честное слово, нет!

Полгода назад ответили бы: да, влюблены, хотим жениться... А теперь? Скажи: женись, вот приданое, квартира и т. д., пожалуйста. Нет, не хотят. Все прекрасно поняли, что квартира и приданое – небольшое такое счастье.

В общем удалось задержать некоторые любви в большинстве случаев, удалось создать такой институт, знаете, верховный. Запретительным актом, естественно, никто не запрещает, нельзя запретить, но затягивать, оттягивать нужно.

Кроме того, я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви с юношей отдельно, с девушкой отдельно. Прямые разговоры, без всяких прикрас с молодёжью 17 и 18 лет – это не только можно, а нужно, нужно учить любви. Как это ни странно звучит, а есть такая наука... Девушек нужно учить большему уважению к себе, к своей женской гордости. Девушку, надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым перцем. (В зале смех, аплодисменты.)

И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за всё приходится платить жизнью, причём надо рассказывать не два-три раза, а воспитывать каждый день.

Буржуазные педагоги считают, что никаких «любвей» не может быть в юношеском возрасте, что в школах человек до 18 лет любить не может, потому что он в школе, а после школы любите с алиментами или без алиментов,

с драмами или без драм. Иногда и мы с разгона тоже берём такую ошибочную позицию – это «шкрабья» позиция.

Мы, советские педагоги, не можем снять с себя ответственности, мы обязаны воспитывать будущих отцов, будущих матерей... У педагогов есть всё, чтобы преподать юношеству хорошие советы...

Мне задан ещё такой вопрос: «Как вы понимаете отношение между педагогической теорией и педагогической практикой?»

Я чрезвычайно уважаю педагогическую теорию, не могу жить без неё, люблю педагогическую теорию. Не знаю, удовлетворил ли мой ответ того, кто спросил, но я сказал правду.

Маленькое замечание. Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а иногда всякую болтовню называют педагогической теорией. Я хочу, чтобы педагогическая теория была настоящая.

Нужна маленькая монография на такую тему, как влияние костюма учителя на характер учащихся, влияние мимики учителя на воспитание характера ученика. Все это мельчайшие детали, которые требуют внимания. Ведь даже Гоголь в своём «Ревизоре» обратил внимание на то, что иной учитель такую рожу скорчит, что хоть святых выноси.

Очень многое зависит от того, как учитель умеет оживить свой урок, как он умеет смотреть на класс. Нужно изучить вопрос о воспитании способности ориентировки. Об этом можно написать целый том. Такую теорию я очень люблю и уважаю...

Вопрос: «Как вы советуете поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными,– Куприна, Мопассана, Цвейга? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом?»

Что из того, что я отвечу – следует запрещать? А кто будет запрещать, вы? А вы сумеете запретить? Нет. Попробуйте запретить мальчикам читать эти книги. Всё равно будут читать. Попробуйте запретить курить в школе. Будут курить. Я вообще особенно не верю в запрещение. Тут что-то другое нужно. Вот вы боитесь, что школьник взял Куприна, Мопассана. Я знаю, чего боитесь: там есть такие сценки, которые не всегда вслух при женщине прочтёшь, и ребёнок уже интересуется подобными сценками и читает эти книги. Так что совершенно ясно, что его привлекает. И как вы думаете: вашим запрещением вы сможете повлиять

на характер его чтения? Нет, не сможете. Вы запретили читать Мопассана – он будет слушать всякие анекдоты какого-нибудь старшего товарища. Это хуже Мопассана или лучше? Хуже! Едва ли можно при помощи одного наблюдения и запрещения руководить всем этим процессом, когда у подростка в пятнадцать лет возникают такие интересы. И вы знаете, что я думаю? Я не знаю детей, мальчиков пятнадцати лет (ни во время своего детства, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал. Этот интерес имеет форму вовсе не развратного стремления к женщине. Стремления к женщине ещё нет, оно не сознаётся, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и, может быть, платонически влюблён в кого-нибудь, и даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не видел...

И знаете, что я думаю? Пусть он переживёт эту болезнь без вашей помощи и без вашего вмешательства. Это, конечно, какое-то заболевание, и, вероятно, его нужно так же перенести в пятнадцать лет, как иногда нужно перенести корь, скарлатину в детстве. Он не может пройти мимо этого вопроса, и, конечно, он не будет о нём разговаривать с вами, с учителем. Вот в чём я убедился: это проходит по каким-то верхним коркам души и вовсе не развращает и не превращает в дальнейшем человека в развратника. Смотришь, из этого самого мальчика вырастает чистейшая, хорошая мужская душа.

Мы не имеем точных данных, но если обратиться просто к нашим жизненным впечатлениям, то я знаю очень многих мальчиков, моих товарищей, которые только тем и занимались, что, бывало, на перемене собирали нас в кружок и рассказывали нам (эти пятнадцатилетние ребята) такие невероятные вещи, что у меня теперь волосы дыбом встают, когда о них вспоминаю. А потом из них вышли прекрасные работники, чистейшие люди, нравственно чистые люди. К женщинам они относились прекрасно.

В то же время я наблюдал мальчиков, которые не хотели слушать таких разговоров, удалялись, которые вели себя, как тихони, а из них вышли развратники, насильники, беспринципные животные. Могут быть и такие случаи.

Это закономерный мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму. Поэтому пусть лучше он прочитает Мопассана. Тогда у него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но всё-таки в

искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей. Поэтому я никогда никому не запрещал читать книг, кроме книг контрреволюционных, вредных своей проповедью, идеями. И думаю, что дети от этого ничего не теряют.

Я не знаю ни одной системы чтения, предложенной кем-нибудь, которая бы меня удовлетворила.

Вопрос: «Меня интересует вопрос о самолюбии человека и как можно воспитать у человека самолюбие?»

Если у ребёнка нет самолюбия – надо воспитать его, конечно. Но я не знаю, как его воспитать, если ребёнок не находится в коллективе. Видите ли, в хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать. Я бы предложил в школе делать то, что я делал в коммуне. В коммуну мальчики приходили как воспитанники, а через четыре месяца они получали звание коммунара и нарукавный значок ФД. Это удовлетворяло, но это и обязывало.

Во всяком случае, надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться. Человек всегда должен выступать от имени коллектива.

Я в Москве был в одной школе, которая называется школой им. Ворошилова, я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова, я не слышал гордости за то, что школа носит имя Ворошилова.

Я спросил: «Вы называете себя ворошиловцами?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А как же?» Они ответили: «Мы называем себя учащимися». Я спросил: «А вы видели Ворошилова?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А что бы вы сделали, если бы он приехал?» Они ответили: «Ничего».

Школа не находит в этом ничего для воспитания гордости своего коллектива потому, что самое главное – это коллектив, а не название школы.

Я думаю, каждая школа наша, кроме того, что должна быть единым типом советской школы, должна иметь своё лицо и гордиться этим лицом. Тогда каждый школьник будет гордиться своей принадлежностью к данному коллективу.

Вопрос: «Чем вы объясняете такое быстрое перерождение Короткова из произведения «Педагогическая поэма»?»

Я, товарищи, вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека протекают медленно, а так ^называемая перековка всегда совершается взрывно...

Вопрос: «Каким способом можно сломить упрямство, если ребёнку уже семь лет?»

На такие вопросы трудно отвечать в общей форме. Смотря какой ребёнок, какой папа и какая мама, кого там ломать в первую очередь нужно и кто ломает. Вопрос слишком абстрактный, совершенно невозможно дать на него ответ.

Вопрос: «Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?»

Если вы говорите о преодолении лени в детском коллективе, там много способов, специальная методика может быть предложена, и прежде всего ответственность перед коллективом. Если же вы пишете: даже в нашей студенческой среде есть ленивые люди, значит, тут не лень. Преодолеть можно самовнушением, самовоспитанием. Для этого есть единственный, вернейший способ – это заставить себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет.

Вопрос: «Не считаете ли вы, что ликвидация мастерских по школам, отсутствие трудовых процессов ведут к воспитанию барчуков, людей, пренебрежительно относящихся к труду взрослых?»

Я вообще сторонник не только трудового воспитания, но и производственного воспитания. Маркс прямо говорит, что все дети с десяти лет должны принимать участие в производстве...

Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешёвых, самых скучных. Потому что только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан.

Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет. Сейчас у нас просто средств не хватает для такой школы.

Вопрос: «Если можно, скажите, пожалуйста, кого вы считаете лучшим писателем современности?»

Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель мирового масштаба.

Следующий вопрос: «Связаны ли вы с педагогической практикой и в какой форме?»

Связан, очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка «приём от такого-то до такого-то».

Недавно пришла ко мне женщина лет 45 (думаю, что моей книги не читала) и говорит: «Сын продал мои ботинки, юбку, облигации, не работает, требует денег, по ночам гуляет, ударил меня кулаком в лицо. Мне посоветовали прийти к вам за советом».

Я решил, что же мне обижать женщину, которая нуждается в совете? Я спрашиваю: «А сколько сыну лет?» Она говорит: «Восемнадцать». Я говорю: «Могу вам дать единственно возможный совет: если можете, удирайте тайно от этого сына в другой город». Она говорит: «Хорошо, спасибо за совет, а сколько вам за совет?» (В руках у неё пятёрка.) Я считаю, что я честно заработал пятёрку, но всё-таки не приходится брать. (В зале смех.) Вы знаете, что ещё? Иногда приходят ко мне влюблённые и просят совета – чи покинути, чи любити? И вы знаете, нельзя прогнать, пошёл разговор, и хотя не специалист в этом вопросе, а поневоле начинаешь расспрашивать, говорить, потом влюблённый начинает плакать, начинаешь утешать – и смотришь, даёшь какой-то совет и даже сам не знаешь, к чему это может привести.

Так что, видите, приходится и нехорошими педагогическими делами заниматься.

А раз пришла ко мне мать в очень трагическом положении, приехала из Ленинграда: у неё сын пропал, прекрасный мальчик, ученик IX класса. Вытопил печь и исчез. Мать пришла в тёплую комнату с работы, а сына нет. Дело в том, что мальчика обвинили в краже каких-то физических приборов в школе, и вот он исчез. Единственный сын. Мать приехала ко мне, привезла карточку и спрашивает: «Скажите, может ли он покончить с собой?»

Разве я могу сказать, что я не знаю, не понимаю? Я взял карточку, посмотрел и сказал: «Ни в коем случае не может покончить с собой». (*В зале смех, аплодисменты*.)

Следующий *вопрос*: «Нам очень хочется быть счастливыми. Скажите, пожалуйста, что вы собираетесь написать по этому вопросу в вашей последней книге, а то придётся долго ждать другой книги, а человек создан для счастья, как птица для полёта,– поэтому нельзя терять ни одной минуты».

Я отвечу товарищам.

Буду писать такую книгу, и первым правилом такой мудрости – как быть счастливым – я рассчитываю поставить: не спеши быть счастливым, а то вы торопитесь...

Нужно очень осмотрительно к этому подходить...

Один товарищ пишет, что наши школы забросили физическое воспитание.

Конечно, забросили, так не надо забрасывать. Что я могу сказать по этому поводу? Его очень легко восстановить.

Какое физическое воспитание? Спартанское воспитание, например, тоже неплохое воспитание, но я всегда настаиваю на том, что наше воспитание должно направляться интересами коллектива, сопровождаться воспитанием сознательности. У спартанцев воспитание закалённых людей не сопровождалось таким сознательным оформлением, как у нас, такой философией жизни.

Вопрос: «Вы предлагаете ученикам натирать паркет. Но ведь, утомляясь натиранием, ученики не смогут продуктивно учиться».

Вот видите, вот уже испугались! А как же мои коммунары учились? Ведь они заканчивали полную десятилетку и четыре часа выполняли на заводе серьёзную работу, с нормой, и с самообслуживанием, и с самоуправлением, и с физкультурой, и иностранные делегации принимали, и в походы ездили. Нет, товарищи, мы слишком балуем наших ребят. Натирать полы в течение часа – это им нисколько не повредит.

Вопрос: «Расскажите коротко о вашей встрече с Горьким, его влиянии на вашу деятельность как писателя».

Я с ним встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию им. Горького. Жил у меня три дня. Ну, тогда меня интересовали больше вопросы педагогические, а не литературные. Я с ним о литературе совершенно не разговаривал. Потом, когда я написал «Педагогическую поэму», встречался с ним по этому вопросу раза четыре. Два раза был у него. Один раз в поезде ехал вместе с ним и ещё раз в Одессе видел, когда он возвращался из Италии через Турцию. Самое важное, что я нашёл в нём,– это большая вера в человека и большая требовательность к человеку.

Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, в этом проявляется максимальное уважение.

Кроме того, меня увлёк оптимизм в горьковских произведениях. Горький – большой оптимист; он умеет проектировать лучшее в человеке.

Когда вы видите перед собой воспитанника – мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза. И это всегда правильно. Как

хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берёт далеко вперёд, так и педагог в своём воспитательном деле должен брать далеко вперёд, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения.

Вопрос: «Встречали ли вы в своей практике неисправимых нарушителей?»

Встречал, но я глубоко убеждён, что через десять – пятнадцать лет наша педагогика и вы со своими свежими силами и мыслями признаете, что неисправимых быть не может...

Мне могут задать вопрос: вы говорите, что коммуна может всех исправить, а были случаи, когда с одним человеком не могли справиться – исключали из коммуны...

Я отвечу словами комсомольца Сопина, сказанными, когда мы во время похода исключили за драку одного коммунара: «...Он совершил большое преступление: в походе у нас военная дисциплина, на пароходе в присутствии представителей всего Советского Союза он оскорбил коммуну: ударил более слабого товарища. Мы его ссадили, а сейчас он нам неинтересен, пусть его кто угодно исправляет, да он и так на всю жизнь не забудет этого урока. Он уже исправился, но мы желаем, чтобы в коммуне, когда мы уйдём, все помнили этот случай». И действительно, знаете, ушло одно поколение, жили уже новые ребята, а мои, чуть вопрос о драке зайдёт, говорили: «А помните, ссадили с парохода в Ялте?»...

Откажитесь, товарищи, от индивидуальной логики... Здесь воспитывается не один человек, исключённый, а весь коллектив. Весь коллектив закалялся в борьбе за своё качество. Как вы думаете, разве поднять руку за исключение товарища – это не значит взять на себя очень большие обязательства, большую ответственность?

Исключение было высшей мерой наказания в коммуне. Когда мы применяем высшую меру наказания, нас прежде всего интересует коллективный гнев, коллективное требование, коллективный опыт... Применяя высшую меру наказания, мы усиливаем наши требования к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды на совершенство человека, и нашу ненависть к врагам.

Вопрос: «Если вызван ученик к доске, а он слабоват в математике, и преподаватель начинает его конфузить, хорошо ли это или нет?»

Иногда хорошо, честное слово, хорошо. Иногда самый лёгкий способ иронии хорош и на общем собрании.

Мне пишут, что в вопросе о «балмесовых» я ошибаюсь, потому что у нас нет навечно плохих, обречённых. Вам кажется так, мне кажется так. Я говорил на основании рассказов учителей. Я в своей жизни наблюдал людей, которые в известном классе учатся плохо. Нельзя насильно заставить хорошо учиться; это может привести к трагическим последствиям. Иногда лучше дать человеку отдых, передышку. Но это не значит, что он обречённый.

Мне пишут: «Приведите пример, где бы закалка наша отличалась от закалки в Англии».

Я говорил, что наша закалка должна направляться интересами коллектива, не быть персональной, личной тренировкой и каждый ребёнок должен это понимать, а в Англии закалка делается для собственной личной силы.

Меня спрашивают: «Дайте короткую характеристику вашу, какими должны быть здоровые отношения между юношей и девушкой».

Искренние отношения, т. е. такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают. Когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и другому, тогда отношения будут здоровые, независимо от того, какие это отношения: дружеские, любовные и т. д.

Во всяком случае, если есть забота о жизни и счастье другого,– такие отношения всегда будут прекрасны.

Следующий вопрос: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в «Книге для родителей»?»

В своё время он был типичным как лицо, у которого собственная педагогическая эрудиция противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным.

КОММЕНТАРИИ

О некоторых проблемах теории и практики воспитания (с. 3)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 3-24. Авторская машинопись, без заголовка и даты, с правкой автора. По содержанию материал датируется: не ранее ноября 1927 г.– не позднее июля 1928 г. Впервые опубликовано по частям: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т.– 1. (М, 1952), под редакционными заголовками «Наши скромные желания» и «Воспитатель»; Учительская газ. 1957. 14 марта, под редакционным заголовком «О путях общественного воспитания». Анализ архивного источника показывает, что публикуемый материал был задуман как статья в объёме 1 печатного листа. Заголовок был дан составителями «Педагогических сочинений» в 8 томах, где печатается с некоторыми сокращениями.

Статья характеризует размышления А. С. Макаренко о путях развития системы соцвоса в условиях, когда наметилась тенденция сокращения числа детских домов. В изданной в 1927–1929 гг. «Педагогической энциклопедии» под ред. А. Г. Калашникова, в частности, отмечалось, что с 1921/22 г., когда детдома обслуживали 540 тыс. детей, их контингенты сократились в 4 раза. В связи с этим несколько позднее, в 1930 г., Н. К. Крупская в статье «О социальном воспитании» писала: «Нам надо сейчас приступить к стройке целой системы учреждений социального воспитания, учреждений массового характера, имеющих в виду обслуживание всех детей и доступных для всех» (Пед. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 254). Нетрудно заметить, что с этим соображением Крупской совпадает и общая направленность публикуемого материала Макаренко.

В начале 20-х гг. на Украине детские дома рассматривались как ведущая форма организации учебно-воспитательных учреждений, что было связано с последствиями гражданской войны, необычайно широкими масштабами детской беспризорности. Несмотря на наметившуюся тенденцию значительного сокращения числа детдомов, А. С. Макаренко и в этот период считал, что им принадлежит будущее. Целостность педагогического процесса, его направленность в соответствии с целями коммунистического воспитания могли быть обеспечены, по его мнению, лишь путём сосредоточения всех воспитательных функций в государственных учреждениях.

Макаренко верно угадывал, что начавшееся строительство социализма, индустриализация страны повлекут за собой разрушение старого семейного уклада и необходимость усиления общественного воспитания детей. Однако в тот период он ещё не мог предугадать перспектив в развитии воспитательных функций общеобразовательной школы и новой, социалистической семьи, чем и объясняется несколько односторонний характер его рассуждений о детском доме как якобы единственно отвечающем потребностям общества типе учебно-воспитательного учреждения. Впоследствии, в 30-е гг., он приходит к более верным представлениям о взаимодействии школы, семьи, других социальных институтов в процессе коммунистического воспитания детей и молодёжи.

[1] Школа, получение молодёжью полноценного образования занимали в воззрениях и практическом опыте А. С. Макаренко очень важное место: колония им. М. Горького и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского в учебной работе были передовыми учреждениями. Однако Макаренко выступал против тенденции сводить всю воспитательную работу лишь к учебному процессу.

[2] Подобные суждения в педагогической теории А. С. Макаренко позднее характеризовал как ошибки типа дедуктивного предсказания (см.: Соч.: В 7 т. Т. 5. С. 104-105, 115).

[3] В данном месте статьи, как и в других подобных высказываниях А. С. Макаренко, отразилась острота его полемики с теми педагогами 20-х гг., которые абсолютизировали определение В. И. Лениным социалистической общественной дисциплины как сознательной применительно к задачам воспитания детей и подростков, сводя эту проблему лишь к осознанию детьми норм дисциплины, добровольному подчинению этим нормам. При этом явно недооценивалось воспитательное значение практической деятельности детей, приучение их к выполнению норм дисциплинированного поведения.

[4] *Гринько Г. Ф.* (1890–1938) – советский государственный и партийный деятель, нарком просвещения УССР в 1919–1922 гг.

[5] Книга Н. Н. Иорданского «Основы и практика социального воспитания» вышла в свет в Москве вторым изданием в 1923, третьим – в 1924, четвёртым – в 1925 г. Выписки А. С. Макаренко из этой книги, изданной на украинском языке, см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, л. 1–2. Там же (л. 2) – его выписки из книги В. Н. Шульгина «Основные вопросы социального воспитания» (вторым изданием вышла в свет в Москве в 1924 г.). На л. 3 см.: выписки из книги Л. Джемсона «Очерки марксистской психологии» (издана в Москве в 1924 г.).

Резкость критических высказываний А. С. Макаренко по поводу страниц книги Иорданского, посвящённых работе воспитателя, связана с тем, что подготовка воспитателей для учреждений соцвоса в то время была поставлена неудовлетворительно. Педагогические учебные заведения готовили будущих учителей в основном лишь к учебной работе. В общеобразовательных школах ещё не было классных руководителей. Не разработана была в педагогической теории и методика организации воспитательного процесса в условиях детского дома, колонии; в частности, не был освещён вопрос о педагогическом коллективе, которому Макаренко придавал особенно важное значение. Публикуемый материал показывает, что к концу 20-х гг. многие исходные позиции А. С. Макаренко по этим вопросам уже сформировались.

[6] *Иновец* – так называли тогда учителей-воспитателей, окончивших Институт народного образования.

Длительность педагогического коллектива
(с. 17)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 100, л. 1–22. Авторская машинопись, без заголовка и даты, без конца. В начале материала обозначено: «§ 1». По содержанию

датируется: после 1 января 1929 г. Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 1 (М., 1951). Есть основания считать, что это часть самостоятельной теоретико-методической работы. Об этом, в частности, свидетельствует обозначение параграфа в начале рукописи. Публикуется с небольшим сокращением, под названием, которое дано подготовителями указанного семитомного издания сочинений А. С. Макаренко.

[1] Это произошло после прекращения работы А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького в июле 1928 г.

[2] А. С. Макаренко иронически напоминает о критических замечаниях по поводу его доклада в Украинском НИИ педагогики 14 марта 1928 г.

[3] Это выражение носит полемическую окраску и не характеризует взглядов А. С. Макаренко на проблему авторитета воспитателя, которой он придавал важное значение (см., напр.: *Макаренко А. С.* Соч. В 7 т. Т. 4. С. 149–151, 357–360 и др.).

Педагоги пожимают плечами (с. 29)

Статья впервые опубликована в сборнике «Второе рождение» (Харьков, 1932), который был подготовлен выездной бригадой газеты «Комсомольская правда» и выпущен небольшим тиражом на правах ведомственного издания. Выпуск приурочен к 5-летию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, которое торжественно отмечалось с участием партийных, советских и общественных организаций, органов ГПУ и Наркомпроса Украины. С небольшими сокращениями статья вошла в издание: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 2 (М., 1952). Публикуется по тексту сборника «Второе рождение».

В статье Макаренко подводит итоги 12 годам своей работы в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Принятое в начале 1931/32 учебного года постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» помогло А. С. Макаренко глубже оценить сильные и слабые стороны своего опыта, наметить программу дальнейшей работы. Публицистическая направленность статьи, выраженная уже в её названии, отражает разногласия Макаренко с некоторыми деятелями Наркомпроса УССР, сотрудниками НИИ педагогики Украины по ряду вопросов организации учебно-воспитательного процесса.

Центральное место в статье занимает проблема разностороннего воспитания культурного советского рабочего, обладающего качествами хозяина и организатора, проникнутого сознанием единства общественных и личных интересов. Воспитательный коллектив А. С. Макаренко рассматривал как орудие формирования активной творческой личности с высокоразвитым чувством долга, чести и достоинства, как средство защиты интересов каждой личности, превращения внешних требований к личности во внутренние побудители её развития.

Организация процесса воспитания как процесса разносторонней жизнедеятельности воспитательного коллектива, в первую очередь его трудовой деятельности в условиях социалистического строительства,– один из важнейших принципов советской педагогики, получивший отражение в первых документах о единой трудовой школе, в работах видных педагогов-марксистов 20-х гг. Утверждение, конкретизация и развитие этого принципа занимают в наследии Макаренко одно из ведущих мест. Публикуемая статья – одна из обобщающих работ, в которых отражён не только опыт А. С. Макаренко, но и система его педагогических воззрений.

[1] *Олимпийцами* А. С. Макаренко образно называл некоторых авторитетных тогда педагогов, в основном теоретиков педологии, оторвавшихся от педагогической практики и искажающих идеи коммунистического воспитания.

[2] А. С. Макаренко имеет в виду постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

[3] Здесь приводится в качестве примера высказывание А. С. Залужного (см. сб.: Педология и воспитание. М., 1928. С. 76), которое содержит типичное для педологов рефлексологическое определение коллектива. А. С. Макаренко резко критиковал попытки рефлексологической интерпретации педагогических проблем, механистического понимания поведения детей как реакций организма на внешние раздражения. Он указывал на необходимость раскрытия социально-классовой сущности процесса воспитания.

[4] 25 декабря 1927 г. 60 воспитанников из колонии им. М. Горького были переведены в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, где составили ядро коллектива дзержинцев.

[5] Имеется в виду педагогический опыт колонии им. М. Горького, которая вначале располагалась в нескольких километрах от г. Полтавы, в лесу.

[6] Говоря о таком «удержании личности в коллективе», при котором личность считает, что она находится в коллективе по своему желанию, а коллектив «добровольно вмещает эту личность», Макаренко отмечает характерную особенность и один из важнейших признаков коллектива, квалифицируя его как добровольное объединение людей.

[7] *Авгур* – предсказатель.

[8] Утверждение о том, что законы советского воспитания «вытекают из общей жизни Советского Союза», имеет принципиальный характер. Оно обусловлено последовательным осуществлением А. С. Макаренко марксистско-ленинского подхода к воспитанию как объективно-закономерному общественному явлению.

[9] 7 января 1932 г. был пущен первый в СССР завод электросвёрл коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Затем в коммуне был построен также первый в СССР завод плёночных фотоаппаратов ФЭД. 28 декабря 1932 г. выпущена первая серия таких фотоаппаратов.

[10] После постановления ЦК партии от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в средней школе» применение мер наказания по отношению к учащимся, нарушавшим дисциплину, стало общепризнанным.

[11] «...Коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живёт»; личность – «не объект воспитательного влияния, а его носитель – субъект». Позднее А. С. Макаренко более полно и точно раскрывает эту важную идею. Он, например, говорил: «Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания... Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеж-

дать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое а не жизненное, было бы мне невыгодно» (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 5. С. 169–170).

Опыт методики работы детской трудовой колонии (Материалы книги) (с. 39)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 103, л. 1–44, с об. Автограф, местами авторская машинопись, без даты. По содержанию датируется концом 1932 – началом 1933 г. Впервые опубликован с сокращениями в сб.: *Макаренко А. С.* Пед. соч. М., 1948. Главы «Цель воспитания» и «Педагогическая логика» – в журнале «Вопросы философии» (1948. № 2). Печатается с сокращениями.

Публикуемый материал – начальные главы задуманной А. С. Макаренко в этот период большой теоретико-методической работы, которая осталась незавершённой (общий план книги см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 192–195). Можно предположить, что это была его первая попытка написать «очень большую работу, серьёзную книгу о советском воспитании», «очень важный и капитальный труд» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 267). Возможно, что отдельные положения были внесены в текст позднее, о чём свидетельствует, в частности, упоминание о педологии в прошедшем времени, которое могло относиться ко времени после 4 июля 1936 г., когда было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Ряд идей, впервые развёрнуто высказанных в главах этой книги, получил затем дальнейшее развитие в других статьях и выступлениях А. С. Макаренко (см., напр., его статью «Цель воспитания» // Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958).

В главах книги подняты важнейшие методологические проблемы педагогики, прежде всего такие, как сущность законов воспитания, соотношение педагогической теории и практики, взаимосвязь целей и средств воспитания. Макаренко выдвигает тезис о том, что основанием для формулирования законов воспитания должно быть изучение и обобщение реальной педагогической действительности («индукция цельного опыта»). Вместе с тем необходимо, чтобы изучение и обобщение опыта осуществлялись с определённых методологических позиций: педагогическая теория должна опираться на положения марксистско-ленинской философии и других наук. Поэтому для определения законов воспитания наряду с индукцией опыта следует использовать и определённые «дедуктивные положения». Исключительно актуально для современных исследований методологических проблем педагогики внимание А. С. Макаренко к закономерностям не воспитания «вообще», а коммунистического воспитания, проявлениям педагогических законов в особенностях системы воспитания: в её социально-классовом содержании, идейно-политической направленности.

Справедливо критикуя биологизаторские, рефлексологические определения коллектива, бытовавшие в то время в педагогической литературе, и настаивая на изучении особенностей социалистических воспитательных коллективов, А. С. Макаренко с неоправданной категоричностью высказался о том, что коллектив вообще возможен лишь в условиях социалистического общества. На эту неточность справедливо указывалось в комментарии к статье «О личности и обществе» (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1958. С. 507). О зарождении трудовых коллективов в условиях капиталистического производства свидетельствуют также современные исследования (см., напр.: *Смирнов Г. Л.* Советский человек. 3-е изд. М., 1980. С. 215–220).

Вместе с тем Макаренко чётко указывает на основополагающее значение для педагогики марксистско-ленинского учения о коллективе и личности. Именно это учение явилось той общей методологической основой, на которой развивались идеи теории и методики трудового воспитательного коллектива в советской педагогике 20–30-х гг. Выступление с этих позиций против пережитков старых педагогических воззрений, борьба с проникновением буржуазных идей, внимание к диалектике средств воспитания, критика догматизма в педагогике – всё это придаёт публикуемому материалу особую ценность в методологическом отношении.

[1] В данном случае А. С. Макаренко указывает на наличие некоторых пережитков идей «свободного воспитания» в ходе становления советской педагогической теории и практики.

[2] Макаренко считал необходимым конкретизировать общую цель коммунистического воспитания на различных этапах строительства социализма, исходя из объективных требований советского общества.

[3] В противовес педологам, считавшим «брак» в учебно-воспитательной работе школы естественным и даже необходимым, оправдывавшим массовое второгодничество, перевод в широких масштабах детей и подростков в школы для умственно отсталых и т. п. ссылками на «объективные» условия социальной среды и наследственность,– А. С. Макаренко выдвигал идею такой организации педагогического процесса, при которой появлялась бы возможность не допускать «ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни» *(Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1957. С. 488).

[4] Теоретическую основу педологии составляли антимарксистские биологизаторские и социологизаторские теории, которые вели к фатализации в развитии личности роли наследственности и среды, недооценке активной деятельности формирующейся личности, роли коллектива в воспитании. Идеалистические и механистические установки педологии отрицательно сказывались на педагогике и психологии, нанесли ущерб практике обучения и воспитания, особенно в условиях перехода к всеобщему начальному, а затем и неполному среднему образованию.

[5] Представляется весьма существенным, что А. С. Макаренко отличал коллектив от других типов социальных общностей людей, указывая на дифференцированность его структуры и вместе с тем на его целостность, единство.

[6] Указание на группу как объединение, принципиально отличное от коллектива, свидетельствует, что эта актуальная для современной социальной психологии и педагогики проблема ставилась А. С. Макаренко уже в тот период.

[7] Критикуя вульгарные представления о коллективе как «механической сумме индивидов», Макаренко противопоставлял им конкретно– исторический, социаль-

но-классовый подход к природе коллектива как явления жизни общества и педагогической категории.

[8] Впоследствии А. С. Макаренко показал, что признак контактности является необходимым лишь для первичного коллектива, и дополнил характеристику социалистического воспитательного коллектива рядом других признаков (см.: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 164–165, 397, а также: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 211). В то же время он указывал на необходимость установления каких-то пределов в численности коллектива, чтобы обеспечить его единство.

[9] Имеется в виду указание о существенных недостатках работы школы, содержавшееся в постановлении ЦК. ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.

[10] А. С. Макаренко здесь имеет в виду указание ЦК ВКП(б) о том, что школа «...далеко ещё не соответствует тем огромным требованиям, которые предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства» (см.: Народное образование в СССР: Сб. документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 157).

[11] *Свободное воспитание* – течение в буржуазной педагогике, получившее распространение в России со второй половины XIX в. Сторонники «свободного воспитания» пытались выводить цели, содержание, организационные формы, методы воспитания не из потребностей развития общества, не из социальных отношений, а только из «природы ребёнка», что приводило к утопическим построениям, к идеализации возможностей «саморазвития ребёнка», к отождествлению всякого педагогического руководства с насилием над личностью ребёнка.

После Октябрьской революции теоретики «свободного воспитания» (К. Н. Вентцель и др.) выступали за отрыв школы от политики, от жизни народа.

В современной буржуазной педагогике идеям «свободного воспитания» созвучны взгляды сторонников так называемого антиавторитарного воспитания, идеализирующих возможности саморазвития ребёнка, отрицающих необходимость в школе дисциплины и режима, чёткого педагогического руководства, стабильных программ, учебников и т. п.

[12] *Бременской* называлась группа немецких буржуазных школьных деятелей 20-х гг.; в 1920 г. в г. Бремене они организовали опытно-показательную школу, которая пропагандировала мелкобуржуазную анархистскую педагогику.

[13] Уточнение данного положения см. далее, где говорится о руководящей роли «дедуктивных положений» в педагогической теории и практике.

[14] Как отмечалось выше, А. С. Макаренко придавал первостепенное значение качеству педагогического персонала. Уменьшая количество педагогов против имевшегося штатного расписания, добиваясь совмещения каждым педагогом ряда учебно-воспитательных функций, он добивался повышения эффективности труда воспитателей, более высокой его оплаты при общей Экономии средств.

[15] Положение об организационном периоде жизни и деятельности воспитательного коллектива, введённого в педагогику А. С. Макаренко, является актуальным и для современной теории и практики воспитания.

[16] Имеется в виду кинофильм «Путёвка в жизнь», один из первых в звуковом советском кинематографе.

[17] *Бокль Г. Т.* (1821–1862) – англ. историк и социолог-позитивист, связывал развитие сознания непосредственно с условиями географической среды, считая накопление знаний причиной изменений общественно-политического строя.

Цель воспитания (с. 72)

Впервые опубликовано: Известия. 1937. 28 авг. Печатается по этой публикации.

Данный материал – один из наиболее значительных в теоретико-педагогическом наследии А. С. Макаренко. Он рассматривает качества социалистической личности в неразрывной связи с научным выявлением основных черт коллектива и приходит к выводу, что двуединая задача воспитания коллектива и личности, индивидуальности должна решаться только совместно и только на основе «общего и единого метода воспитания». Такое решение обусловлено действительной свободой личности в социалистическом обществе, основанном на принципе коллективности, который кардинально изменяет сущность и характер дисциплины, значительно повышая её роль в воспитании.

В статье даётся одно из наиболее полных и глубоких определений воспитательного коллектива. Макаренко последовательно раскрывает ряд признаков коллектива, вытекающих из его социалистического характера. Он говорит о качествах личности, которые необходимо воспитывать в коллективе. А. С. Макаренко критикует отдельных педагогов, которые, находясь под влиянием педологических идей, недооценивают значения целей воспитания. При этом следует признать, что характеристика Макаренко состояния проблемы целей воспитания в современной ему педагогической теории была несколько односторонней, полемически заострённой.

[1] Вопрос о цели коммунистического воспитания в условиях строительства социализма нашёл решение в принятой на VIII съезде РКП(б) Программе партии, в важнейших документах о советской школе, определявших её развитие с первых лет Советской власти. В работах Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства содержались важные указания о необходимости сочетать в воспитании стремление к идеалу (всестороннее и гармоническое развитие личности) с конкретными задачами воспитания на разных этапах социалистического строительства. Полемически заостряя проблему, А. С. Макаренко выступал против её недооценки и искажения под влиянием идей свободного воспитания, педологии, различных пережитков старой педагогической теории и практики.

[2] *Бубнов А. С.* (1883–1940) – советский государственный и партийный деятель. В 1929–1937 гг.– нарком просвещения РСФСР.

[3] *Экспериментальная педагогика* – здесь имеется в виду течение в буржуазной педагогике конца XIX – начала XX в., опиравшееся главным образом на изучение психики ребёнка в условиях лабораторного эксперимента и положившее начало методам педологии.

[4] А. С. Макаренко придавал большое значение процессу изучения личности

каждого воспитанника. Известно, что он сам вёл картотеку воспитанников, в которой систематически отражал свои наблюдения. Проблему изучения личности и её воспитания А. С. Макаренко теснейшим образом связывал с борьбой против стандартизации и шаблона в воспитании, с упрощённым стремлением «стричь всех под одну гребёнку», вызванным страхом перед человеческим разнообразием. Это удивительное умение А. С. Макаренко как педагога воспитывать каждого через коллектив и одновременно подойти к каждому индивидуально отмечают колонисты и коммунары в своих воспоминаниях.

В «Методике организации воспитательного процесса» (раздел 1б) А. С. Макаренко даёт конкретную программу изучения личности каждого воспитанника всеми педагогами (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 320–323).

[5] Критикуя биологизаторские тенденции, А. С. Макаренко имел в виду не отрицание связи педагогики и физиологии, а неправильное их соотношение, прежде всего попытку выводить из физиологии цели и методы воспитания, не учитывая, что они определяются обществом, социальным заказом.

[6] А. С. Макаренко цитирует один из пунктов постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. Критикуя педологию, А. С. Макаренко, как и Н. К. Крупская, придавал большое значение исследованию и учёту психолого-физиологических особенностей детей в воспитании (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 46, 47, 208; Т. 1. С. 169, 170).

[7] Макаренко имел в виду: совет, что воспитывать (особенно если это касается лишь отдельных качеств личности), менее ценен, чем совет, как воспитывать. По его мнению, необходимо создать методику коммунистического воспитания. Иначе общие положения о важности формирования отдельных положительных качеств личности остаются декларацией. Он считал, что воспитывает вся жизнь в коллективе воспитательного учреждения, если она организована на основе активной деятельности самих воспитанников, соединения обучения с производительным трудом, как это было в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

[8] А. С. Макаренко считал необходимым в воспитании активности личности воспитанника формировать у него способность сдерживать себя, «тормозящие» факторы, обусловленные общественными нормами поведения, традициями коллектива (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 318, 319).

Лекции о воспитании детей
(с. 84)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 152–154 и 156–166. Семь лекций (со второй по восьмую) впервые опубликованы: Учительская газ. 1940, 15 и 20, 22, 24, 29 сент. и 9 и 13 окт. Первая лекция впервые опубликована при отдельном издании лекций: *Макаренко А. С.* Лекции о воспитании детей. М., 1940.

Лекции были подготовлены А. С. Макаренко по заказу редакции радиопередач «Педагогическая пропаганда для родителей» Всесоюзного радио. В это время в журнале «Красная новь» (начиная с № 7) частично публиковалась «Книга для родителей». Радиолекции (они именовались беседами по вопросам воспитания детей в семье) начались в сентябре и закончились, вероятно, в декабре 1937 г. Восьмая лекция называлась иначе: «Культработа в семье».

«Лекции о воспитании детей» – одна из крупных педагогических работ А. С. Макаренко. Как и другие его труды и выступления по проблемам семейного воспитания, она выходит за рамки данной педагогической области, составляя важный вклад в общую теорию и методику коммунистического воспитания. Уделяя большое внимание особенностям воспитания в семье, педагог тесно связывает его задачи и средства с общими целями и принципами коммунистического воспитания, со всей совокупностью норм поведения советского гражданина. Он вскрывает основу качественно нового в семейном воспитании: коренные отличия, советской семьи от буржуазной, возникновение принципиально нового соотношения общественного и семейного воспитания при советском строе. На материале семьи продолжается разработка проблемы единого трудового воспитательного коллектива детей и взрослых, вопросов воспитания нравственно оправданных потребностей, усиления роли воспитателя и др. Направив своё внимание на отношение родителей к воспитанию, на развитие интеллектуальной и практической их активности, А. С. Макаренко показывает родителям пути творческого подхода. Это можно считать новым в пропаганде педагогических знаний среди широкой родительской аудитории.

Среди специфических функций семейного воспитания на первый план выдвигается дошкольное воспитание, формирование культуры чувств, подготовка будущего семьянина.

Композиционно работа построена таким образом, что каждая лекция отражает свою проблему, остро стоящую перед семейным воспитанием, особенно того времени, но имеющую также важнейшее значение и для современного педагогического просвещения родителей. Критикуя «суконный» язык педагогов, А. С. Макаренко сумел простым, точным, доходчивым словом изложить сложные педагогические идеи.

[1] Общая характеристика цикла радиобесед А. С. Макаренко дана в заметке-аннотации «Беседы по педагогике», подготовленной по заказу Московского радио и напечатанной в «Радиопрограммах» 2 сентября 1937 г.

[2] А. С. Макаренко считал, что *перевоспитание* необходимо организовать как своеобразный аспект полноценного формирования личности (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 249, 250, 323).

[3] А. С. Макаренко имеет в виду, что в нашем обществе нет эксплуататорского класса, буржуазии.

[4] Премирование воспитанников в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского было довольно редким явлением. Высшая форма поощрения в практике А. С. Макаренко – благодарность в приказе перед парадным строем коммуны в дни больших праздников (см. с. 302 данного издания).

[5] Как показывают современные исследования, возрастная грань перехода от индивидуальной игры к групповой смещается на более ранний возраст. В условиях детского сада многие дети уже к трём годам предпочитают групповые игры. При этом сохраняет своё значение тезис А. С. Макаренко о том, что взаимосвязь и взаи-

мообусловленность индивидуальной и групповой игры – необходимое условие правильной организации жизнедеятельности ребёнка, обеспечивающей его полноценное развитие.

[6] Приведённое высказывание – существенное дополнение к макаренковской трактовке сущности новой общественной дисциплины (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 48, 49, 262–264, 348).

[7] Более точная макаренковская характеристика дисциплины относится к 1922 г.: это не только общий результат воспитательного процесса; дисциплину следует рассматривать и как процесс, совокупность средств дисциплинирования (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 11-12). Позднее «диалектика дисциплины» объясняется так: «...Это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 354).

[8] О «правильном режиме» см. более подробно: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 287–289.

[9] О педагогическом значении выдачи детям карманных денег см. также с. 242 данного издания.

[10] *Метерлинк Морис* (1862–1949) –бельгийский писатель-символист.

Проблемы школьного советского воспитания

(лекции) (с. 163).

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 168–172. Стенограммы. С лекциями для сотрудников Наркомпроса РСФСР А. С. Макаренко выступил в январе 1938 г. Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями: первая лекция – Сов. педагогика. 1943. № 5–6; вторая – Учительская газ. 1941. 5 и 8 янв.; третья – Учительская газ. 1941. 12 и 17 янв.; четвёртая – Учительская газ. 1941. 2 февр.

Учитывая общий замысел цикла лекций, состав слушателей и последовательность изложения вопросов, данный материал следует рассматривать как наиболее систематизированное, хотя и далеко не полное изложение взглядов А. С. Макаренко по вопросам теории и методики коммунистического воспитания. Как и в других наиболее значительных его трудах и выступлениях, здесь вскрываются общественно-политические, идейно-нравственные основы педагогической проблематики, отстаивается трактовка педагогики как «активной, целеустремлённой, политической науки», науки «практически целесообразной» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4 С. 284, 365, 370, 371). Такой подход реализуется в разработке ряда новаторских положений, характеризующих педагогическую систему А. С. Макаренко как важный вклад в общую теорию и методику коммунистического воспитания.

[1] А. С. Макаренко вскрывал несостоятельность попыток некоторых педагогов механически выводить воспитательные средства не только из положений о психофизиологическом развитии ребёнка, но и из различных этических, социологических и иных представлений и понятий (см. ниже его критику педагогической ошибки типа этического фетишизма).

[2] Критику подмены хорошо организованного, производительного, коллективного труда изолированными и надуманными трудовыми процессами, лишёнными социального содержания, см. ниже: с. 240–241 данного издания.

[3] А. С. Макаренко всегда сочетал в своей воспитательной работе коллективный метод воспитания как основной с индивидуальным подходом (см. об этом п. 4 комментария к работе «Цель воспитания», с. 407). Как указывает А. С. Макаренко, примерно с 1930 г. в его педагогической практике индивидуализация воспитательного процесса в коллективе осуществлялась с достаточной полнотой и всесторонностью.

[4] Упоминание А. С. Макаренко о коллективе в условиях старой школы следует рассматривать с точки зрения исторической изменчивости коллектива.

[5] Указывая на необходимость усиления руководящей роли школы в системе общественного воспитания молодого поколения, А. С. Макаренко одним из первых в советской педагогике выдвинул проблему координации воспитательных действий школы, внешкольных учреждений, семьи, общественных организаций. Его критика разобщённости в работе различных воспитательных институтов предполагала создание такой общей координации, при которой каждый из этих институтов мог бы наилучшим образом осуществлять свойственные ему педагогические функции.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 396–398.

[7] Название «неполная средняя школа» постепенно вышло из употребления. Школа данного типа стала называться 7-летней, затем 8-летней.

[8] Правительственные награды за воинскую доблесть ещё до Великой Отечественной войны получили несколько воспитанников А. С. Макаренко.

[9] В понятие «педагогическое требование» А. С. Макаренко включает не только соблюдение элементарных норм поведения, но и утверждение в жизни коллектива, отдельных воспитанников норм и принципов коммунистической морали.

[10] Данное положение А. С. Макаренко не следует понимать упрощённо, буквально. Начальная стадия развития требования, как и последующая, характеризовалась не только личным воздействием педагога на воспитанников, но также и учётом разнообразных влияний коллектива на личность.

[11] См. п. 11 комментария к работе «Выступление на заводе «Шарикоподшипник» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 380).

[12] Посвятив данную лекцию педагогике индивидуального действия, А. С. Макаренко продолжает рассматривать вопросы коллектива. Преодоление взгляда на коллективное и индивидуальное как на нечто рядоположенное базируется у него на марксистско-ленинской идее взаимосвязи и взаимообусловленности индивидуального и коллективного, общественного.

[13] Разновозрастные отряды появились в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с осени 1929 г., наряду с ними создавались постоянные первичные коллективы по производственному принципу. В колонии им. М. Горького отряды создавались также с учётом требований хозяйственной деятельности.

[14] Данное истолкование параллельного действия является частью более широкого определения, ранее данного А. С. Макаренко в «Методике организации воспи-

тательного процесса» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 267–269).

[15] За воспитателем обычно закреплялось 2–3 отряда. Воспитатель участвовал не только во всех делах своих отрядов, но и в работе общего коллектива педагогического учреждения.

[16] Более подробно об этом см. в статье «Длительность педагогического коллектива» (с. 17 настоящего издания).

[17] Эту форму индивидуальной работы А. С. Макаренко применял и при моральном поощрении (см. с. 303 данного издания).

[18] Примером такого расхождения с правлением коммуны им. Ф. Э. Дзержинского может служить факт, относящийся к августу 1932 г., когда А. С. Макаренко возражал против тенденции форсировать развитие производства, пренебрегая задачами развития воспитательного коллектива. Его соображения обычно учитывались правлением коммуны.

[19] С просьбой о разрешении выдачи воспитанникам карманных денег А. С. Макаренко обращался к областному инспектору Харьковской области в марте 1924 г. Это ходатайство было передано для рассмотрения в Главсоцвос НК.П УССР. Карманные деньги выдавались колонистам обычно к праздникам.

[20] На строительство и оборудование коммуны .им. Ф. Э. Дзержинского государством была дана долгосрочная ссуда. В первые годы своего существования коммуна содержалась не только на полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников, политсостава органов и войск ГПУ УССР и на предоставляемые коллегией ГПУ УССР средства, но и на средства совхоза «Красные зори», переданного в распоряжение совета по делам коммуны. Материальную помощь оказывали также советские и общественные организации.

[21] Это высказывание А. С. Макаренко отражает его борьбу с педагогами, которые односторонне и механически понимали связь обучения с трудом. А. С. Макаренко был уверен, что только соединение полного среднего образования с производительным трудом на современном производстве может дать положительные результаты в перевоспитании личности. Это было достигнуто им в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (см. комментарий к «ФД-1», т. 2 «Педагогических сочинений»).

[22] Введение в педагогику понятия «стиль воспитания» как целостной характеристики стиля жизнедеятельности и отношений в коллективе – важный вклад А. С. Макаренко в теорию и методику коммунистического воспитания.

[23] Вопросы эстетики, эмоционального воздействия на ребёнка, а также игры в коллективе А. С. Макаренко разрабатывал с учётом возрастных особенностей детей в воспитании.

Проблемы воспитания в советской школе (с. 271)

Впервые опубликовано (в порядке обсуждения) в газете «Правда» (1938. 23 марта). Публикация вызвала более двух тысяч писем-откликов читателей, учителей, родителей, партийных работников. Печатается по этой публикации.

Статья занимает особое место в наследии А. С. Макаренко, так как в ней он намечает пути реализации своих педагогических идей в практике массовой школы. Это выступление следует рассматривать прежде всего как отклик педагога на актуальные проблемы воспитательной работы в школе, среди которых большое внимание уделялось воспитанию сознательной дисциплины, усилению роли педагогического руководства. В статье не нашла отражения проблема воспитания в труде, характерная для макаренковского творчества, так как в 1937 г. в школах были отменены уроки труда, ликвидированы школьные мастерские, стала ослабевать связь воспитания с жизненной практикой.

[1] Здесь подчёркивается ещё раз положение А. С. Макаренко о первостепенном значении коллектива в решении основных вопросов воспитания.

[2] Положение о роли коллектива школы в осуществлении связи личности с обществом дополняется трактовкой первичного коллектива как «связующего звена между личностью и целым коллективом» учреждения (см. с. 214 данного издания).

[3] Значимость данных качеств личности в педагогической системе А. С. Макаренко подтверждается его выступлением в «Правде» на тему «Воспитание характера в школе», (см. с. 276–280 данного издания).

Воспитание характера в школе (с. 276)

Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями и уточнениями в газете «Правда» (1938. 6 мая).

В этой статье А. С. Макаренко обобщил многочисленные письма в «Правду», поступившие в связи с его публикацией «Проблемы воспитания в советской школе». Единодушное согласие читателей с положениями, выдвинутыми в статье «Проблемы воспитания в советской школе», свидетельствует о том, что А. С. Макаренко не только хорошо знал школу, видел существенные недостатки воспитания учащихся, но и мог чётко обозначить пути улучшения воспитательной работы школы. Главным в повышении её эффективности он считал задачу воспитания активного деятеля социалистического общества, формирование «крепкого человеческого характера», последовательную реализацию в воспитательной работе принципов социалистического гуманизма.

[1] В условиях завершения перехода школы к всеобщему обязательному 7-летнему обучению в сельской местности и осуществления среднего образования в городах предостережение А. С. Макаренко об опасности «перегибов» в борьбе за успеваемость для дела воспитания было весьма актуальным.

[2] Вопрос о наказаниях вызывал в те годы острые споры, так как длительное время наказания в советской школе не допускались. Это объясняется не только преодолением муштры старой школы, но и влиянием идей «свободного воспитания».

[3] Предостерегая против тенденции к возрождению в школах старой дисциплины «слепого повиновения», А. С. Макаренко подчёркивал, что в новых общественных условиях, при радикальном изменении стиля отношений между педагогами и воспитанниками в коллективе качественно меняется суть дисциплины и наказания (см. с. 182–200, 208– 212 данного издания).

[4] В первоначальном варианте статьи далее следовало: «Вообще в моём коллективе считалось, что наказание не унижает, а, напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному. Поэтому я никогда не вёл учёта наказаний и никогда не вспоминал прошлых проступков. В воспитательной работе я считаю необходимым: ученик должен отвечать только за последний проступок» (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 130).

Семья и воспитание детей (с. 280)

ЦГАЛИ СССР. ф. 332, оп. 1, ед. хр. 27, л. 33. Стенограмма лекции о воспитании детей, прочитанной А. С. Макаренко в редакции журнала «Общественница» 22/УП 1938 г. Впервые опубликовано: Учительская газ. 1944. 29 марта (сокращённый вариант). Ответы на вопросы и выступления родителей с некоторыми сокращениями были опубликованы: *Макаренко А. С.* Избр. пед. соч./Под ред. И. А. Каирова, Г. С. Макаренко. М., 1949.

Посвятив своё выступление проблемам семьи и воспитанию детей, А. С. Макаренко выдвинул важнейшее положение о необходимости рассматривать цель всестороннего и гармонического развития личности как диалектическое единство, казалось бы, противоположных свойств и качеств личности, как: активность и способность к «торможению», щедрость и бережливость, доброта и строгость и т. д. Принцип меры он распространил и на средства воспитания: правильное соотношение самостоятельности ребёнка и руководства взрослых, норма их строгости и ласки в отношении к детям и др. Выводы А. С. Макаренко, основанные на творческом применении диалектического материализма в исследовании педагогических явлений, имеют большое значение для разработки проблем воспитания.

[1] Указание на «проценты» А. С. Макаренко применяет, очевидно, с целью подчеркнуть важность первых лет жизни ребёнка для последующего развития личности. Опыт колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского свидетельствует о больших возможностях воспитания и перевоспитания подростков в возрасте 14–15 лет.

[2] *Эррио, Эдуард* (1872–1957) – в 1932 г. премьер-министр и министр Франции. Посетил коммуну им. Ф. Э. Дзержинского в августе 1933 г. В книге посетителей коммуны записал: «С моим восхищением и признательностью. Э. Эррио».

[3] В настоящее время большинство советских педагогов придерживаются мнения, что педагогически запущенных и обычных детей надо воспитывать и обучать вместе.

А. С. Макаренко остро ставил вопрос о совместном воспитании плохих и хороших детей перед родителями потому, что многие из них поддерживали противоположную точку зрения.

[4] Вопрос одежды А. С. Макаренко рассматривал как важный элемент педагогически целесообразной организации быта (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 238, 308, 309; Т 1. С. 296–303).

[5] «Инструментовка», по Макаренко,– это различная мотивировка применения того или иного средства воспитания в общей логике параллельного педагогического действия.

Многие педагоги, в том числе Н. К. Крупская и С. Т. Шацкий, призывали нести культуру в семью через детей (см.: Опыт педагогической деятельности С. Т. Шацкого: Сб. статей/Под ред. В. Н. Шацкой, Л. Н. Скаткина. М., 1976).

А. С. Макаренко стремился, с одной стороны, выработать у воспитанников устойчивость к негативному влиянию среды, поставив их в активную позицию борьбы с отрицательными проявлениями (борьба с кражей леса, с самогоном и т. д.), а с другой – создать положительное воздействие трудовых коллективов на воспитанников колонии и коммуны. Это влияние на взрослых через детей осуществлял он по отношению к родителям.

Воспитание в семье и школе (с. 306)

ЦГАЛИ СССР. ф. 332, оп. 1, хр. 29; оп. 4, ед. хр. 182–184. Стенограмма доклада и ответов на вопросы слушателей на встрече с учителями во Фрунзенском районном Доме учителя 8 февраля 1939 г. Часть доклада впервые опубликована в «Учительской газете» (1940. 27 дек.). Целиком (с сокращениями) опубликовано: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7 т. 1-е изд. М., 1951. Т. 4.

Данный материал включает изложение А. С. Макаренко тех выводов из своего опыта, которые могут быть использованы в массовой школе, в условиях перехода к всеобщему 7-летнему обучению с перспективой осуществления среднего образования. Решение проблемы связи школы с семьёй на основе усиления руководящей роли школы обусловило основную тему доклада: школа как единый трудовой коллектив, важное звено в системе советских общественных организаций, значительный фактор формирования семьи как «хозяйственного коллектива».

[1] Как видно из других высказываний, отрицая «ставку на талант» в массовой профессии учителя-воспитателя и стремясь к повышению роли педагогического мастерства, А. С. Макаренко не отвергал роль педагогического таланта (см. также: *Лялин Н. А.* Как А. С. Макаренко стал учителем// Макаренко А. С. /Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Львов, 1969. Кн. 7).

[2] Отказываясь от своих заместителей как административных работников, А. С. Макаренко в то же время всегда имел помощников на разных участках работы коллектива из числа лучших воспитателей-учителей, которые за эту дополнительную работу получали доплату.

[3] А. С. Макаренко ссылается на статьи: «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе» (см. с. 271–276, 276–280 данного издания).

[4] См. об этом с. 205 данного издания.

[5] Подход к воспитаннику как гражданину, члену трудового коллектива в опы-

те А. С. Макаренко осуществлялся при всестороннем учёте возрастных особенностей в воспитании. Такой подход – важнейшее в методе параллельного действия, который обеспечивает формирование активного и сознательного строителя коммунизма, всесторонне развитой личности.

[6] Ниточная мастерская коммуны им. Ф. Э. Дзержинского скоро стала обслуживаться лишь рабочими. В конце 1930 г. закрыта из-за несоответствия учебно-воспитательным целям коммуны.

[7] Оранжереи в колонии им. М. Горького и коммуне Ф. Э. Дзержинского имели не только эстетическое, но и хозяйственное значение: выращивание огородной рассады, поставка продукции в цветочные магазины.

[8] А. С. Макаренко говорит о встрече с учителями в Ленинградском областном Доме учителя 16 октября 1938 г. (см. «Некоторые выводы из моего педагогического опыта»).

Коммунистическое воспитание и поведение (с. 342)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4. ед. хр. 186. Стенограмма лекции «О коммунистическом воспитании и поведении», прочитанной в лектории Московского гос. университета 1 марта 1939 г. Впервые опубликовано (с сокращениями): *Макаренко А. С.* Пед. соч./Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

Данная лекция занимает одно из центральных мест в научно-теоретическом наследии А. С. Макаренко. В ней он обращается к фундаментальным проблемам педагогики, которые определяли его творчество: педагогика и политика, воспитание и жизнь, школа и общество. В борьбе за достижение наиболее полного единства воспитания с социальным формированием новой личности он обстоятельно изучал общественно-педагогические процессы. Постановка им ряда моральных и педагогических проблем опирается на глубокое понимание нравственной сущности коммунизма, особенностей советского образа жизни, качественно новых черт в моральном облике советского человека.

Исходные положения лекции А. С. Макаренко обосновал положениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, партийными и государственными документами, имеющими методологическое значение для педагогики. Единство советского народа, социалистический гуманизм, кардинальное изменение жизненной позиции человека при советском строе – эти явления всегда были для А. С. Макаренко неиссякаемым источником творческой деятельности,

[1] В опыте А. С. Макаренко придавалось большое значение и перевоспитанию (см. п. 2 комментария к статье «Прекрасный памятник»: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 377 и п. 2 комментария к работе «О моём опыте». Т. 4. С. 391).

[2] См. «Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги» (Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 314-316).

[3] См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 41. С. 311.

[4] Здесь, как и в некоторых других случаях, термин «сознание» А. С. Макаренко употребляет в смысле «знание», «понимание». Сознание в широком смысле чаще обозначалось им словом «сознательность».

Воспитание чувств, воли, привычек и жизненных навыков он считал неотъемлемой частью формирования сознательности.

[5] Идея А. С. Макаренко о наличии промежуточного звена («канавки») между знанием, как надо поступать, и привычным поведением имеет большое значение в разработке проблемы формирования сознательности как ведущего качества социалистической личности, а также в решении педагогической задачи – воспитание сознательности и активности личности в их единстве.

[6] См. п. 1 комментария к статье «О коммунистической этике»: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 392.

[7] А. С. Макаренко имеет в виду указание проекта третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР о возрастающей роли коммунистического воспитания, преодолении пережитков капитализма в сознании людей.

[8] В данном случае критикуется абстрактное толкование идеалов «добра», «совершеннейшей личности», «совершеннейшего поступка». А. С. Макаренко – активный борец за конкретно-историческое решение проблемы идеала человека, за классовый подход к определению задач воспитания на определённом этапе коммунистического строительства. Придавая должное значение связи ближайших и отдалённых целей воспитания, он считал, что «не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» (см.: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. С. 249). Необходима, по его словам, «педагогика завтрашнего дня».

[9] См.: *Маркс К.., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 236. Там же см.:«... Коммунисты не выдвигают ни эгоизм против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в её сентиментальной, ни в её выспренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают её материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой».

[10] А. С. Макаренко ссылается на положение К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребёнок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек...» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 197). Опыт А. С. Макаренко в педагогической организации производительного труда имеет свои особенности, связанные в первую очередь с тем, что его воспитанники были подростки старше 13 лет.

[11] А. С. Макаренко подчёркивает реализм этой книги («Флаги на башнях»), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации.

[12] А. С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природе.

[13] А. С. Макаренко здесь подчёркивает решающую роль общественной активности личности в воспитании, её включение в борьбу с негативными явлениями. Это не отрицает необходимости оберегать растущего человека от вредных влияний, учитывать его возрастные особенности. На единстве этих двух положений базируется идея особого, воспитательного коллектива.

[14] О решении А. С. Макаренко вопроса о новых принципах совместной работы

школы и семьи, усилении роли школы и учащихся в утверждении и развитии новой семейно-бытовой культуры см. также: Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 287–314, 328, 345, 375; Т. 1. С. 216.

Мои педагогические воззрения (с. 370)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 187. Стенограмма доклада на литературно-педагогическом вечере в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 г. Автором доклад не озаглавлен. Впервые опубликовано (с сокращениями): Научные записки Харьковского гос. педагогического института, 1941.

Свой литературный и педагогический отчёт А. С. Макаренко превратил в краткое изложение «некоторой системы взглядов», сложившейся у него в длительном опыте воспитания. Говоря об использовании своих педагогических идей в практике массовой школы, он указывал на необходимость превращения школы в сильный, целеустремлённый воспитательный коллектив, на задачи создания «производственной школы», осуществления моральной закалки молодого человека в жизненном опыте коллектива. Нужно преодолеть «гипертрофию» индивидуального подхода и «метода отдельного учителя», создать атмосферу высокой педагогической требовательности.

[1] См.: *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1983. Т. 1. С. 253.

[2] Речь идёт о статье Н. П. Стороженко «Вредные советы родителям о воспитании детей» (Сов. педагогика. 1938. № 3).

[3] Имеется в виду воспитанница коммуны им. Ф. Э. Дзержинского П. Джуринская, окончившая в то время исторический факультет Харьковского университета, впоследствии кандидат исторических наук.

[4] А. С. Макаренко здесь даёт точное объяснение выражению «сечение коллектива», которое он довольно часто употреблял. Это значит «устройство коллектива», т. е. его внутренняя организация, структура, дифференцированность.

А. С. Макаренко был назначен помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР 1 июля 1935 г. в связи с принятым 31 мая этого года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».